Псалом 90

Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится.
Говорит Господу: прибежище моё и защита моя, Бог на которого я уповаю!
Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы;
Перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен;
Щит и ограждение Истина Его.
Не убоишься ужасов в ночи; стрелы, летящей днём;
Заразы, опустошающей в полдень.
Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся.
Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.
Ибо ты сказал: Господь — упование моё.
Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.
Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему.
Ибо ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих.
На руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею.
На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона.
За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя моё.
Воззовёт ко мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его;
Долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Моё. Аминь.

И сказал Велес: Открой короб песен!
Размотай клубок!
Ибо кончилось время молчания
И пришло время слов! (Песни птицы Гамаюн).

«Образование придаёт человеку достоинство, и раб начинает сознавать, что он не рождён для рабства» (Дидро).

Правда не боится исследования.

«Даже истинные мнения стоят немного, пока кто-нибудь не соединит их связью причинного рассуждения» (Платон).

«Логика — есть подлинное и первое откровение Бога Себе Самому в элементе чистой мысли» (Иван Ильин).

«Все войны выигрывает учитель» (Бисмарк).

«Мудрые подобны врачам, что борются со слабостями больных...
Так что когда я слышу о смерти мудреца, моё сердце скорбит.
Не о нём, конечно, ибо он жил в радости и умер в почёте. Нет, я оплакиваю тех, кто пережил его... Без сильной руки, которая их защищала, они обречены на невзгоды... если только Провидение не взрастит нового защитника на смену старого» (Филон).

«Кто верно разобрался в прошлом, - способен верно понять настоящее и может успешно побороться за лучшее будущее». (Р. Ключник)

Роман КЛЮЧНИК

ЖЕСТОКИЕ РОМАНТИКИ ПРОТИВ КРОВАВЫХ ГЕГЕМОНОВ

Ленин против Сталина
Сталин против Троцкого

7

Санкт-Петербург
2010

ББК63. 3(2)
Ч-46

Роман Ключник
Ч-46 Жестокие романтики против Кровавых гегемонов. - СПб: ООО «СПб СРП "Павел" ВОГ», 2010 - 248 с.

Автор книг «Лекции президентам по истории, философии и религии», «Ответ Джо Соросу и изучение мудрости» пытается ещё глубже разобраться в истории России, особенно в её трагических периодах, анализирует и суммирует многочисленные современные исследования, стремится показать реальную историю «без припудривания», её малоизвестные важные страницы, реальные исторические процессы и сделать полезные выводы из философии истории для современников и будущих поколений.

ISBN 978-5-903097-88-3

Книга печатается в авторской редакции

ISBN 978-5-903097-88-3

© Роман Ключник, 2010
© ООО «СПб СРП "Павел" ВОГ», 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой, 7-й, книге я рассматриваю важные события после захвата Российской империи, в начале образования СССР, и в связи с болезнью и смертью Ленина, — мирный перехват власти в СССР Сталиным и его единомышленниками, а также историю противоборства упустивших власть большевикских вождей со Сталиным в период с 1923 года по 1928-й, и действия Сталина.

Актуальность исследуемого периода истории, актуальность темы сталинизма сегодня объяснить не трудно — это очевидность, которую продемонстрировала в октябре 2008 года на телеканале «Россия» телепрограмма «Имя России». Я удивляюсь такой грубой промашке демократ-либералов, их политтехнологов, которые не глянули в социологические исследования по этой теме и запустили программу, которая вызвала скандал в их рядах. Промашка у политтехнологов вышла серьёзная. Без всяких сомнений, бесспорно рейтинг самых популярных исторических личностей в России возглавил И. В. Сталин, а выдвижение на первую позицию весьма уважаемого Александра Невского, по моему убеждению, — это всего лишь плод непорядочных манипуляций политиков, политтехнологов и, соответственно, телевизионщиков.

Объяснение в этой телепрограмме феномена живучести Сталина в сознании многих наших граждан, объяснение феномена уважения многих наших граждан к Сталину, что — «русский народ любит все великое, даже если в нем нет ни крошечки человеческого» — совершенно не соответствует действительности, истине. Это объяснение, явно унижающее наш народ, не устроило даже самих демократ-либералов, рьяных антисталинистов, экзальтированных ненавистников Сталина, которые после упомянутой телепрограммы в конце 2008 года срочно организовали две конференции по теме сталинизма, посвященные «Феномену мифа Сталина» под эгидой фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина. На открытии одной из них здорово надоевший нам за долгие годы вранья на историческую тему еврейский идеолог Н. Сванидзе в сердцах и в панике сказал следующее: «Сталин и теперь живее всех живых, как показывают рейтинги; во всяком случае — живее многих живых в России и влиятельнее многих популярных политиков современности» (Журнал «Вестник Европы», 2009 г.).

Можно *только* посочувствовать мрачному отчаянию Н. Сванидзе и многих его коллег — ведь Н. Сванидзе и ему подобные всю свою сознательную жизнь после развала СССР, почти два десятилетия, посвятили максимальной дискредитации Сталина, — и вдруг оказалось, что вся эта их гигантская работа напрасна...

Социологи прекрасно знают, что тема сталинизма тесно связана с темами: «ностальгии по СССР» и «приверженности к *особому* пути развития России». В большом комплексе объяснений уважения многих миллионов наших граждан к Сталину, кроме его бесспорной заслуги — его участия в Великой победе во Второй мировой войне, большую долю занимают экономические и социальные факторы, текущее положение в стране, благополучие подавляющего большинства наших граждан, действительность, реальность. Например, как свидетельствуют социологические исследования — в разгар «перестройки» в 1989 году Сталин замыкал первую десятку «самых выдающихся людей всех времен и народов», а откровенные симпатии к нему высказали всего 12% опрошенных. То есть — в этот период люди были заражены энтузиазмом «перестройки», зарабатывали «бабки» в кооперативах и в «челночных» вояжах за дешевым барахлом в Турцию, Китай и Польшу, — всё было прекрасно: была ещё работа, были деньги и увеличение благосостояния, и были большие надежды на улучшение в будущем...

С 1991 по 1993 годы был самый низкий уровень ностальгии по разваленному нерадивым коммунистическим руководством в 1991 году СССР и, соответственно, самый низкий рейтинг Сталина. Хотя многие граждане в этот период вспоминали добрым словом Сталина, ибо понимали, что при Сталине этого развала не произошло бы. В этот период у одних граждан было огромное разочарование руководством страны и коммунистической партией, неизбежно связанной с именем Сталина, и непрочностью СССР — как «сталинского проекта», «сталинского детища», а у других граждан было полно молодого оптимизма, и логика их «простого» мышления их обнадёживала — всё к лучшему, избавились от «братских» «дармоедов» и «халявщиков», и заживём в капиталистическом раю лучше всех. Если уж в безресурсных Франции, Испании, Португалии или Бельгии и Голландии такой высокий уровень жизни, то в самой богатой ресурсами стране — России можно представить, как мы заживем... — быстро вооружимся знаниями Котляра, Друкера, Ли Якока, Карнеги, книгами которых уже завалены все

книжные магазины, откроем процветающие фирмы, — и будем все на новых белых «Мерседесах», в двух- трёхэтажных вилах с бассейнами, все каждый год отдыхают на Канарах или Мальдивах, а в богатейшей и мощнейшей стране мира не только все тротуары с подогревом, но даже представить трудно — как страна прекрасно будет выглядеть... Впереди шли и всех вели к этому близкому счастью новые «герои» — откуда-то вдруг появившиеся «гениальные» демократы-экономисты, которые знали незамысловатую рыночную экономику как свои два пальца (указательных). Всё это вспоминается со смешанными чувствами, но это было совсем недавно.

Но когда вдруг оказалось, что для работы фирм нужны первоначальные капиталы, которых и так было мало, но и те почему-то «гениальные» демократы-экономисты первым делом обесценили, лишили их, что кредиты может получить только очень узкий круг лиц, и что этот узкий круг бывших партийных и комсомольских «бонз» вместе с вылезшими на поверхность советскими циничными «теневиками» и вернувшимися «из-за бугра» с деньгами бывшими диссидентами и пришедшими фирмами США стали нагло и бессовестно грабить общенародное — в их понимании «ничьё» добро, и когда этот «новый порядок» в России был закреплен кровавым расстрелом Белого дома в 1993 году, — тогда произошло «отрезвление» от новых иллюзий «нового коммунизма», адекватная оценка «нового порядка» в России, и с 1994 года пошел неуклонный рост ностальгирующих по недавно критикуемому СССР, и стали чаще вспоминать рачительного хозяина Сталина... И к 1999 году давно умерший Сталин в рейтинге политиков занял первое место.

С 2000 года у граждан России появилась новая надежда в связи с приходом к власти В. Путина, который выгнал двоих из нескольких десятков алчных олигархов, а одного, самого властолюбивого, «посадил», навел относительный порядок в экономике, в результате чего экономическое положение страны и граждан улучшилось, — и Сталин в сознании российских граждан был отодвинут глубже и стал ожидать вместе со всеми — что будет дальше... С одной стороны, манеры нового президента чем-то немного напоминали сталинский стиль управления «жесткой рукой», а с другой стороны, полумеры и полурешения Путина многих не удовлетворяли и вызывали недовольство, но питала кем-то запущенная надежда, что якобы В. Путин вынужден был дать определенные обещания посадившему его в кресло президента Ельцину и его окружению, и этими обещаниями он сильно ограничен в свободе действий. А вот если В. Путина изберут на второй срок, в котором он уже будет свободен от обещаний-обязанностей перед «Семьёй», тогда он начнет действовать правильно и решительно, как руководство процветающего Китая. И если уж совсем без ресурсов и без моря Беларусь

во главе с председателем колхоза каждый год наращивает ВВП почти на 10%, то Путин со своими многими высшими образованиями, «гениальными» рыночными советниками и очень грамотными помощниками типа Д. Медведева обязательно сделает мощный рывок в модернизации России, к процветанию России и её народов... И выбрали на второй срок В. Путина. Ещё и Бог ему помог — благодаря скачку цен на международном рынке, огромное количество миллиардов валюты свалилось в помощь Путину и его команды управленцев.

Но реалии в России с 2005 года оказались совсем другими. Нужно было быть исключительно бездарным или очень не хотеть, чтобы в этих условиях ничего не сделать в богатейшей России, а только хвастливо удваивать ежегодно количество миллиардеров. Оказалось, что вся политика ведется в интересах олигархов, миллиардеров, и для поддержания минимального антиреволюционного социального уровня жизни пенсионеров и других «незащищенных слоев» населения, а деньги идут не на строительство заводов, фабрик, электростанций, хладокомбинатов, зернохранилищ и развитие сельского хозяйства, а в помощь экономике США... А Д. Медведев, несмотря на обильную говорливость, на практике эту странную линию своего начальника продолжил — в разгар кризиса, летом 2009 года, когда российская экономика особо нуждалась в деньгах, Д. Медведев перевел в США на хранение под минимальный процент (2% годовых) 25 миллиардов долларов, — это очень льготное кредитование США, помощь богатейшему в мире государству, которое, кстати, тогда ещё устанавливало в Польше ракеты против нас... И это — когда наши бизнесмены и государственные предприятия вынуждены были брать кредиты под 20-24% годовых... В таких условиях, при такой политике президента и правительства — о какой конкуренции наших товаров с иностранными, кроме сырой нефти, газа и леса, можно говорить?..

Неудивительно, что с 2005 г. по 2010 г. рейтинг создавшего в кратчайшие сроки новую промышленность Сталина взметнулся вверх, и запаниковал в отчаянии Н. Сванидзе и ему подобные. И только присланный из США старый матерый политический боец В. Познер не показывает падение своего еврейско-американского духа и с дьявольским упорством продолжает биться об эту историческую скалу.

И Сталин будет находиться на самой вершине до тех пор, пока пустая переизбыточная болтовня в Кремле и Белом доме об инновациях и модернизации не перейдёт в конкретный созидательный труд по созданию науки, промышленности и сельского хозяйства в России, когда закончатся многолетние бесплодные упования президента и премьера на заграничные инвестиции и оживление рынка США, когда иссякнут их бесконечные и безнадежные призывы к нашим и не нашим зажравшимся олигархам к социальной ответственности и модернизации, когда

появится наконец-то у них разум, мудрость, решительность и понимание того, что в создавшихся условиях в России модернизацию страны может возглавить и провести только государство и, соответственно, его руководство.

И в этом ракурсе данная книга является актуальной, ибо показывает борьбу в начале создания СССР сторонников созидания в России с любителями других проектов. Книга имеет просвещенческий характер и заполняет в ряде тем многочисленные пробелы нашего среднего и высшего образования, с которым уже многие годы неудачно экспериментирует российское руководство.

В декабре 2008 года в работе вышеуказанной конференции либерал-демократов по проблемам сталинизма под предводительством Сванидзе принял активное участие либерал-демократ министр образования А. Фурсенко, который дважды повторил одну мысль: «Я наверное должен поблагодарить своих бабушек и дедушек за то, что они никогда не воспитывали меня в тоталитарном смысле; что кто-то есть, "кто знает как надо", и точно знает, как должна быть устроена жизнь... В сложные времена тяга переложить ответственность на того, "кто знает как надо" — очень велика»(«Вестник Европы», 2009 г.).

Уже давно у многих наших граждан нет сомнений, что этот высокопоставленный Незнайка точно не знает — что надо делать на столь важном посту министра образования. В конце 70-х годов прошлого века мне было очень стыдно смотреть на дряхлого маразматичного главного начальника страны — Л. Брежнева, стыдно за страну и за свой народ, который этого не заслуживал, а теперь мне стыдно смотреть и слушать, например, в программе Познера в 2009 году, выступление А. Фурсенко. По моему убеждению — его интеллект не тянет даже на завуча средней школы, его интеллектуальная ущербность — наша трагедия и наших детей. Мне остается лишь обратиться к А. Фурсенко с настоятельной просьбой: не знаешь — как надо правильно работать, не знаешь — что надо делать на этом посту, — не мучай ни себя и ни других, подай в отставку, и делай то — что точно знаешь как надо, например, — бортируй колеса, — нет — это слишком сложно, можно чистить картошку в ресторане специальным скребком или учить пению детей в детском садике. И ещё желаю А. Фурсенко снова стать студентом в самой богатой стране — в России, пять лет жить на стипендию, которую он платит нашим студентам — на 1100 рублей в месяц...

«Я думаю, хорошо, что мы обсуждаем эти темы; принципиально важно, чтобы разные точки зрения были доступны», — сказал на вышеупомянутой конференции А. Фурсенко, и с этим я согласен. Хотя стоит заметить, что только книга и несколько малотиражных маргинальных газетенок остались доступны для выражения патриотических мнений,

а радио и телевидение уже давно стали недоступными. И то, — на митинге либералов в октябре 2007 года на университетской площади имени Сахарова в Санкт-Петербурге я и несколько сот собравшихся были свидетелями, как наши знаменитые борцы за права человека во главе с Рыбаковым и либералы во главе с Гозманом и Белых с трибуны возмущались, что «так называемые патриоты» стали издавать слишком много книг, поэтому настоятельно требовали от правительства срочно вводить цензуру в виде специальной комиссии из либерал-демократов, которая будет решать — какую книгу можно издавать, а какую нет...

Возвращаясь к теме сталинизма, стоит отметить, что закономерно сразу после «перестройки» и в последние годы были опубликованы десятки исследований, изданы десятки книг по теме сталинизма, которые не могли быть изданы в СССР. И, казалось бы — в этом огромном количестве книг и фильмов всё уже написано и показано, всё исследовано, всё обсуждено десятки раз, и есть ясность понимания почти во всем — и у ненавистников Сталина, и у его поклонников, и у исследователей истории, пытающихся выдержать нейтралитет в симпатиях и объективизм исследования, поэтому возникает закономерный вопрос: есть ли смысл ещё раз обсуждать эту тему, ещё раз всё анализировать? — Есть. И уверен, — читатели обнаружат в этой книге немало нового для себя.

Читателям, которые давно интересуются историей, особенно темой сталинизма, и прочитали за последние годы немало книг о сталинском периоде, задам вопросы: «Почему появилась оппозиция в стане захватчиков Российской империи и откололась от Центрожида (как отмечал в своих мемуарах название новой власти народом знаменитый еврейский историк С М. Дубнов)? Что не устраивало, с чем не согласен был Сталин и его единомышленники?». Казалось бы, — закономерный вопрос, но уверен, в прочитанных ранее книгах вы вряд ли обнаружили подробное рассмотрение этого вопроса.

Представляю Вам мой очередной интеллектуальный труд — перед Вами седьмая книга моей исторической серии. В добрый путь; желаю интересного и полезного интеллектуального времяпровождения.

Р. Ключник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗВИЛКА ЦЕЛЕЙ

«Надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков»

Н. Макиавелли

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С какими идеями и целями Сталин принял участие в революции

Название этой главы я мог бы сформулировать иначе: «С какими идеями и целями Сталин принял участие в революции?» или «С какой целью революционеры-террористы и их покровители захватили Российскую империю, ликвидировали российскую монархию, государственность, покорили народы, населяющие эту империю?». Прочитав книгу № 5 этой серии, внимательный читатель, надеюсь, понял, что уничтожение монархии в России путем масонской Февральской революции, а затем и захват России в октябре 1917 года являлся фрагментом большого плана еврейской и масонской мировой верхушки и также английской и американской политической элиты по переустройству миропорядка на нашей планете или, как это официально называли, — по установлению «нового мирового порядка на планете», фактически — установление однополярного миропорядка или совсем точно — установление гегемонии над всей планетой. И это не «теория заговора» или «версия заговора», а — реальность, подробно рассмотренная в двух предыдущих книгах. Именно с этой целью и была спланирована кровавейшая в истории человечества Первая мировая война, и этот сложный глобальный план был блестяще, даже — гениально, реализован к концу 1918 года.

При этом стоит заметить одну важную истину — в вышеназванной правящей «команде» английская элита и вся Великобритания ещё с первой половины 19-го века, со времен расцвета Ротшильдов, была в полной зависимости от еврейских капиталов. А ко второй половине 19-го века то же самое можно было утверждать относительно всей Западной Европы. Со второй половины 18-го века евреи возглавили самые крупные масонские организации в различных странах и использовали весь потенциал этих организаций в своих интересах и в деле организации многочисленных революций в Европе, перейдя, таким образом, от теории к практике

достижения своей древнерелигиозной цели. Более того, в середине 19-го века создали свою сугубо еврейскую масонскую организацию «Бнай Брит», которой подчинили все масонские организации.

В середине 19-го века к масонским наработкам в деле влияния на «массы» и их обработки, формирования общественного мнения добавили технологию социального расщепления и сталкивания своего теоретика К. Маркса. Суммируя всё перечисленное и учитывая огромный финансовый и политический ресурс, еврейские лидеры в начале 20-го века замахнулись на глобальное переустройство *порядка* на планете путем организации Первой мировой войны с целью разрушить мощнейшие европейские монархии, добиться абсолютной власти и организовать в Палестине государство Израиль. И к 1919 году они по всем пунктам добились своей цели; ситуация на планете была под их контролем.

Одного из них — еврея Вальтера Ратенау (1867-1922), ставшего министром иностранных дел покоренной Германии, распирало от осознания своего величия, всесильности и понесло за рамки секретности, дозволенности, — он решил раскрыть, объяснить новую действительность и 11 июня 1921 года в издании «Plain English» написал: «Только 3000 человек, все друг друга знающие, управляют Европой. Они избирают преемников из своих. Эти евреи имеют силу сломать любой строй, где и какой признают "неумным" (сегодня — «недемократичным». — Р. К.)». За эти откровения 24 июня 1922 года его изрешетили пулями якобы немецкие патриоты и для верности вместо контрольного выстрела разнесли в клочья «контрольной» гранатой.

И если еврейских лидеров понять можно — они реализовывали старую религиозную, сионистскую идею, изложенную в Ветхом Завете, — главенствовать и управлять всеми народами на Земле, то, — что преследовали умные неевреи-революционеры, представители других национальностей, которые присоединились к еврейским террористам, к революции? Не те, неграмотные — которые легко и с удовольствием клюнули на простецкие, банальные обещания еврейских террористов-политтехнологов раздать землю и заводы и устроить Рай-Коммунизм, а те, которые были умные и многое понимали?

Многочисленных польских террористов-революционеров понять проще — они в 19-веке поднимали десятки восстаний, чтобы приобрести свободу и восстановить свою государственность и суверенитет, и продолжали преследовать эту цель. Некоторые их финские и грузинские единомышленники также преследовали подобную цель. Но остальные революционеры-неевреи о чем мечтали?

Как мы наблюдали в книге № 4 этой серии, — старый марксист Плеханов давно объяснял, что «рэволюционэры»-террористы совсем не собираются создать некое общество справедливости и равенства,

а добиваются власти всеми возможными средствам, чтобы строить в России свой Сион. И людей уровня понимания Плеханова было немало среди «старых» революционеров нееврейской национальности: Рыков, Бубнов, Фрунзе, Орджоникидзе, Молотов, Шапошников и другие. Среди них был и Иосиф Сталин. Им — зачем революция? Чего они хотели достичь? Ведь они не являлись добровольными помощниками евреев в достижении мирового владычества, — волонтерами, чтобы в конце концов стать славными привилегированными рабами?..

Уже на этой стадии размышления понятно, что пути и цели террористов-революционеров еврейской и нееврейских национальностей совпадали на стадии борьбы со «старой» властью, на стадии захвата власти и подавления сопротивления сторонников прежней национальной власти, а после захвата власти и её удержания цели и пути расходились в разные стороны, — и был неизбежен конфликт между попутчиками, кто-то кого-то должен был подмять или сломать ради продолжения достижения своих целей. Далее постараемся понять — зачем Иосиф Сталин принял участие в революции и какие цели преследовал, о чем мечтал?

Биография Сталина — Иосифа (Сосо) Джугашвили слишком хорошо известна, чтобы её подробно рассматривать, но некоторые её фрагменты стоит выделить, чтобы подчеркнуть некоторые черты личности: родился в 1878 году в небольшом городке Гори на Кавказе в семье бедного сапожника. С малых лет этот энергичный мальчик тянулся к знаниям, и его мать, в меру своих сил и возможностей, в этом ему всемерно помогала.

В формировании человека, ребенка играют роль два фактора. Первый — это Бог, как врожденные способности или изъяны, ибо, бесспорно, люди, дети не рождаются с равными способностями и талантами, а с разными, как продолжение предыдущей истории этой души. К тому же существует от рождения генетическая наследственность, когда телу ребенка передаются по наследству хорошие и плохие телесные свойства родителей. Поэтому родившийся ребенок — это не «чистая доска», а человек с историей из прошлой жизни, и из любого родившегося ребенка даже обществом лучших воспитателей, педагогов, тренеров и профессоров не вырастишь целенаправленно балерину мирового уровня, чемпиона мира по боксу или шахматам, гениального химика или физика-атомщика, или с золотыми руками: автослесаря, пианиста или столяра, а только — если у ребенка есть врожденная предрасположенность к тому или иному ремеслу. Сюда же относится способность к самообразованию и самосовершенствованию. Попутно подробно я остановился на этом моменте потому, что сегодня у взрослых и довольно грамотных людей есть много серьёзных заблуждений в этой базовой теме. Люди рождаются с равными правами, но не с равными возможностями.

Второй фактор — тоже Бог, как судьба, это всё окружение и все связи с окружающим миром: родители, страна, город или деревня рождения, педагоги, друзья, соседи, книги, воспитание, образование, сопутствующие события, приобретаемый личный жизненный опыт и т.п. Понятно, этот фактор также ведет к разности и неравенству, — потому что это формирующее человека окружение у всех разное. И здесь нет полного фатализма, потому что на развилках судьбы каждый человек имеет полную свободу принятия решения и определения дальнейшей своей судьбы, хотя на принятие этого свободного решения опять же влияют два перечисленных основных фактора, но в большей степени первый; и человек прогрессирует как личность-душа именно в борьбе со своим перешедшим в эту жизнь несовершенством, и в этом смысле в борьбе с самим собой в первую очередь, этим заслуживая перед Богом лучший «статус», лучшую дальнейшую судьбу.

Это, казалось бы, философское отступление, размышление, имеет непосредственное отношение к теме сталинизма, и в этом вскоре убедитесь; более того — на разных этапах биографии Сталина и истории СССР вам придется вспомнить это философское размышление об одной из базовых истин.

Проявилось ли что-нибудь неординарное в характере и в способностях маленького Сосо, будущего создателя мощнейшего государства? Друг детства Иосиф Ирамешвили в 1932 году в Германии издал книгу «Сталин и грузинская трагедия», в которой вспоминал о мальчишке Сосо Джугашвили: «...Дотошным образом выполнял домашние задания. Он считался лучшим учеником не только в своем классе, но и во всей школе. Во время занятий в классе он напряженно следил, чтобы не упустить ни одного слова, ни одной мысли».

Здесь мы наблюдаем у паренька Сосо, будущего Сталина, огромную жажду познания окружающего мира, жажду знаний и прекрасную способность их впитать, понять, осмыслить. Из личного опыта знаю — не в каждом классе из 30 учеников и не в каждой студенческой группе найдется такая ёмкая «губка» с внимательными горящими глазами, схватывающая почти всё на лету и получающая удовольствие от знаний, от насыщения ими. Сосо Джугашвили был лучшим среди сверстников и подавал большие надежды на успешную судьбу, и Горийское духовное училище он закончил со всеми «пятерками», и более того — за выдающиеся успехи получил ещё и Похвальный лист. Его мать была очень счастлива.

При этом Сосо не был не вылезающим из дома отличником — «ботаником», а лидером в уличных играх и баталиях. И то, что он зачитывался древней поэмой «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и произведениями Казбеги — говорит о многом. Молодому Сталину, бесспорно,

импонировали бунтари, борцы с устаревшими традициями и предрассудками окружающих, как у Казбеги, или герои-витязи, борющиеся за свободу своего народа. И он хотел быть похожим на этих героев, даже назвал себя именем одного из героев — Коба, и очень радовался, когда друзья на улице называли его этим именем. Этим бойцовским героизмом будущий Сталин зарядился на всю жизнь. В начале 20-х его знали как умного трудоголика, старательного и эффективного партийного бюрократа, и не догадывались, что кроме этого он был ещё и безжалостным джигитом и коварным абреком, который в редкие моменты откровений признавался: «Высшее наслаждение — найти для себя врага и раздавить его, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина».

Сталин восхищался и писателем Казбеги (1848-1893 г.), который был почти его современником, и, будучи обеспеченным и даже богатым человеком, стал аскетом — отказался от своего богатства и ушел в горы пастушествовать, любоваться красотой гор. Этот аскетизм стал примером для подражания.

А уличное происшествие с телегой, покалечившее в мальчишестве на всю жизнь Сталину руку, только подзадорило его самолюбие — быть не только равным, и доказать это, но и быть лучшим. Эту пружину-стимул прекрасно понимают те евреи, которых в школьном возрасте какой-то грубый невоспитанный сверстник оскорбил, обидел на национальной почве; в этом случае сильно задетое самолюбие, напряжение-стремление доказать, достичь, быть лучшим возрастает по разным векторам многократно и шанры добиться жизненного успеха в чем-то резко возрастают.

В юношестве у Сталина пробудилась лира, поэтическое дарование, и он стал писать стихи. В молодости пробовали писать стихи многие молодые люди, но не у всех это получалось талантливо, и не все стихи публиковали в газетах. А у 17-летнего Сталина его стихи не только были опубликованы в нескольких номерах газеты «Иверия» с 22 сентября по 25 декабря 1895 года, но его стихотворение «Рафаилу Эристави» было признано грузинскими филологами как выдающееся, и было размещено в книге «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской словесности». Обычно эти факты злостные ненавистники Сталина замалчивают, но ведь это факт, говорящий о неординарной личности Сталина.

Стихи, конечно, хорошо; и постижение Бога — ещё лучше, но из далеких веков мудрый Шота Руставели подсказывал: «Если действовать не будешь — ни к чему палата ума», ни к чему накопленные знания... И Сталин решил идти путем своих любимых героев — бороться за справедливость, за бедных против богатых, за угнетенных и, особо отмечу, — за свободу своего грузинского народа и любимой Грузии против имперского засилья России. Иосиф Джугашвили-Сталин (перевод с грузинского):

Утро

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.

Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:

"Цвети о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учёбою друзья,
Прославьте Родину свою!"

Когда Сталин решил стать на путь борьбы с властью — шла вторая еврейская террористическая война в Российской империи (1901-1906 гг.), которую проводил Бунд во главе со своими кровавыми террористами — Азефом и Гершуни, а первый Совет в Петрограде возглавляли его представители — Бронштейн и Парвус-Гельфанд вместе с их одесским соплеменником Нахамкесом, но Бунд был чисто еврейской террористической организацией, и представителей другой национальности туда не принимали, поэтому к ним Сталин не мог присоединиться. Бывшая тогда на втором месте, на втором плане более мелкая террористическая организация — РСДРП Ленина-Бланка была не полностью еврейской организацией, с другими принципами приёма членов — интернациональными, и приняла в свои ряды Сталина — бунтующего грузинского националиста, нацмена.

Когда Сталин стал вникать в марксизм, то обнаружил уже знакомые идеи Казбеги, созвучие. Например, в своей работе «Анархизм или социализм?» (1906 г.) в качестве эпиграфа он взял «мудрость» К. Маркса: «В мире всё движется... Изменяется жизнь, растут производственные силы, рушатся старые отношения». Об этом же, но другим языком, говорил любимый Казбеги. И до Маркса тысячи писателей и философов об этом говорили, и до нашей эры говорили: «В мире всё движется... В реку времени дважды войти нельзя». Но после того, как масонский «ветер перемен» разрушительно пронесся в 19-ом веке по Европе, то эти слова Мар-

кса слышались особой мудростью, да и новые «умные» словосочетания К. Маркса: «производственные силы», «прибавочная стоимость» и т.п. произвели на Сталина сильное впечатление, и он, вероятно, был уверен, что до Маркса «глупые люди» — заводчики, мануфактурщики, торговцы, ремесленники, кредиторы-процентщики, правители стран и выдающиеся мыслители не знали — что такое прибыль и откуда она берется...

Впечатлили его и взятые Марксом старые симпатичные масонские лозунги: «Свобода! Равенство! Братство!». И в своей работе «Анархизм или социализм?» (1906 г.) Сталин писал: «Будущее общество — общество социалистическое. Это означает, прежде всего то, что там не будет никаких классов: ни капиталистов, ни пролетариев, — не будет, стало быть, и эксплуатации. Там будут только коллективно работающие труженики...... Это Сталин повторит не только сразу после октября 1917 года, но и после 1928 года — во время насильственной коллективизации.

Но в дилемме «Анархизм или социализм?», что можно было выразить по-другому: «Хаос, вседозволенность и неограниченная свобода каждого члена общества или порядок и организованное структурное социалистическое общество?» — Сталин явно придерживался последнего варианта, несмотря на базисное абсурдно-лживое утверждение К. Маркса о необходимости разрушения и ликвидации государства — как формы организации жизни общества, которое Сталин в молодости поддерживал:

«...Как видите, по мнению социал-демократов, социалистическое общество — это такое общество, в котором не будет места так называемому государству, политической власти с ее министрами, губернаторами, жандармами, полицейскими и солдатами. Последним этапом существования государства будет период социалистической революции, когда пролетариат захватит в свои руки государственную власть и создаст свое собственное правительство (диктатуру) для окончательного уничтожения буржуазии. Но когда буржуазия будет уничтожена, когда будут уничтожены классы, когда утвердится социализм, тогда не нужно будет никакой политической власти, — и так называемое государство отойдет в область истории».

Но когда через пятнадцать лет в России им и его единомышленниками «буржуазия будет уничтожена, будут уничтожены классы, и утвердится социализм», то он создаст свою государственную структуру, свой «аппарат насилия» покруче всех прежних, и назначит своих «министров, губернаторов, жандармов» только назовет их по другому... А после Второй мировой войны эту большую глупость или лукавство Маркса признает ошибочным.

В работе Сталина «Анархизм или социализм?» есть ещё один интересный спорный фрагмент, когда он на примере судьбы своего отца

объясняет кое-что рабочим: «...Но вернемся к нашему сапожнику. Как мы уже знаем, он предполагает накопить денег, а затем открыть свою мастерскую. Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги — дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование. Кроме того, он замечает, что и открытие частной мастерской не так уж заманчиво: плата за помещение, капризы клиентов, безденежье, конкуренция крупных хозяев и тому подобные хлопоты — вот сколько забот терзают частного мастера.

Между тем пролетарий сравнительно более свободен от таких забот, его не беспокоит ни клиент, ни плата за помещение, он утром приходит на фабрику, "преспокойно" уходит вечером и в субботу так же преспокойно кладет в карман "получку". Здесь-то впервые и подрезываются крылья мелкобуржуазным мечтам нашего сапожника, здесь впервые и зарождаются у него в душе пролетарские стремления. Время идет, и наш сапожник видит, что денег не хватает на самое необходимое, что ему крайне необходимо увеличение заработной платы. В то же время он замечает, что его товарищи поговаривают о каких-то союзах и стачках. Здесь-то и осознает наш сапожник, что для улучшения своего положения необходимо бороться с хозяевами, а не открывать собственную мастерскую. Он вступает в союз, включается в стачечное движение и вскоре приобщается к социалистическим идеям...».

Согласитесь, что этот пример актуален и сегодня, при современном капитализме: пытаться самому организовать свой бизнес, свою мастерскую, свою фирму или поступить намного проще — идти в наем и трясти деньги с работодателя-предпринимателя, шантажируя его стачками и забастовками, и, сидя после работы беззаботно в пивнухе, радоваться, что проблемы сбыта, конкурентов, сложности рынка, новых моделей продукции, кредита, возврата дебиторки, подорожавшего сырья, агрессивных бездушных рабочих и жестоких алчных налоговиков, рекетиров и ещё многое другое — это его, а не мои, наёмного рабочего, проблемы...

Теперь перейдем к более важной теме. Перед тем как выйти с речами и агитацией к бакинским рабочим, в народ, Сталин основательно изучил тему «старого — нового», тему прогресса и эволюции не только в человечестве, но и вообще в природе, поэтому вникнул в теории Дарвина и Ламарка, «Молодой Джугашвили полностью принял эволюционную теорию Дарвина в качестве универсального объяснения развития природы от простых организмов к более сложным по мере их приспособления к изменявшимся условиям», — отметил в своём труде исследователь сталинизма Ю. Емельянов («Сталин. Путь к власти», 2007 г.).

Но особую роль в миропонимании Сталина, в его убеждениях, а в результате — в его судьбе и судьбе народов СССР сыграл французский мыслитель Жан Батист Ламарк (1744-1829), который свои мысли вы-

разил в работе «Философия зоологии». Основные убеждения Ламарка были следующими:

«Обстоятельства влияют на форму и организм животных... Значительные изменения обстоятельств приводят к существенным изменениям в потребностях, а изменения этих последних по необходимости влекут за собой изменения в действиях... Если обстоятельства приводят к тому, что состояние индивида становится для них обычным и постоянным, то внутренняя организация таких индивидуумов, в конце концов, меняется. Потомство... сохраняет приобретенные изменения».

А ловкий К. Маркс перенес это наблюдение на человеческое общество, немного словесно модернизировал и сказал своё знаменитое: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Хотя у Сталина был опровергающий этот ложный тезис пример — писатель А. Казбеги, который поступил почти как Будда... и можно привести ещё тысячи примеров. Но Сталин в своей работе ввел термин(!) — «неоламаркизм» и вторил Марксу:

«...В общественной жизни также сначала изменяются внешние условия, сначала изменяются материальные условия, а затем в соответствии с этим изменяются и мышление людей, их нравы, обычаи, их мировоззрение». А ведь часто бывает так — прочитал мудрую книгу или встретил мудрого человека, или долго и усердно над чем-то думал — и шарило и перевернуло сознание, или сильно встряхнуло какое-то событие, — и в течение нескольких часов сформированное многими годами мировоззрение перевернулось, изменилось радикально.

А разве — внешние условия, «бытие-мое» не влияет на человека, разве не изменяет его? — Влияет и изменяет, но не настолько, чтобы совсем радикально. Здесь истина половинчата, частична, но эта частичность существенна. Человека формируют два фактора: наследственные, врожденные и воздействия внешней среды (воспитание, улица, книги и т.д.), а в какой пропорции(?) — это индивидуально. В отличие от К. Маркса было немало людей, полностью утверждающих противоположный фактор, например, знаменитый академик Н. Бехтерев считал, что «у одних детей с пеленок преобладает злое начало, у других — доброе. Так природа разместила в их генной основе добро и зло». Знаменитый Платон утверждал примерно то же самое, но не так категорично. Достаточно убедительные и интересные доказательства в своих научных трудах привел и знаменитый итальянский ученый первой половины 20-го века Чезаре Ломброзо.

Получилось, что в дружной паре объективной данности формирования человека: прошлое человека (генетика и накопления личности в предыдущих рождениях с различными знаками) и внешние условия настоящего Сталин выбрал только второе в ущерб первому, и в результате у него в сознании получилась не дружная взаимодополняющая (комплектующая пара), а бином, дилемма с конкурирующими борющимися составляющими (правда-неправда, верно-неверно), поэтому неприятности науки генетики и генетиков в СССР со стороны Сталина были предопределены ещё в первые годы 20-го века, ещё задолго до революции 1917 года...

Если придерживаться одностороннего, половинчатого суждения, как Сталин, то из вышеизложенного утверждения Ламарка-Маркса можно сделать вывод: если создать для индивидуумов соответствующие внешние условия, то можно сформировать индивида с желаемыми только положительными качествами, которые уже передадутся по наследственности следующему поколению, детям, над формированием которых не надо будет уже стараться работать, как над первым, «пилотным» поколением несовершенных людей. Таким образом, — плохие люди, тем более преступники, будут искоренены. Вот это и будет Коммунизм — общество отличников, тружеников, совершенно порядочных, трудолюбивых, честных и во всем красивых и правильных людей. — Эх, красивая эта идея, но... Поэтому коммунисты, в отличие от прагматиков — бундистов, с уверенностью несли абсолютную чушь, что не только при коммунизме, но и при социализме уже не будет преступности и преступников, и это читатели могли прочитать в книгах и на лозунгах даже в 80-х годах 20-го века...

Теперь стоит вспомнить моё философское размышление в начале этой главы; марксисты полностью игнорировали природу человека, его врожденные качества — генетику, и его историю личности-души до рождения. А ведь если основные религии признают душу бессмертной, то значит — она имеет свою историю не только, в этой телесной жизни, но и в оба направления — до рождения человека и после смерти тела.

Говоря об этой «интеллектуальной начинке» Сталина, о ламарксизме-марксизме стоит отметить и «веяния времени» в этот период, — Ф. Ницше создал концепцию совершенного человека — «сверхчеловека», наш В. Соловьёв зашел ещё дальше — до создания совершенного общества — «богочеловечества», и об этом же писали и учили Блаватская, Гурджиев, Рерихи, заезжие суффисты и индусские мудрецы, приглашавшие в свои ашрамы для улучшения душ, а Рудольф Штайнер (1861-1925 гг.) для перековки людских душ и достижения ими максимального совершенства создал недалеко от любимого Лениным Базеля специальный центр — «Гетеанум». В общем, — желающих переустроить Космос, Вселенную, Бога и все человечество перевоспитать по одиночке и «массово» в «сверхчеловеки», в ангелы и даже в архангелы было немало...

Придя к власти, Сталин неоднократно акцентировал внимание на необходимости «растить и выращивать новые поколения». Как это у него

получилось, — мы будем наблюдать в нашем дальнейшем исследовании. Хотя уже на заре создания СССР этими стройно шагающими новыми поколениями — узковоспитанными, убогими комсомольцами-демьяновцами публично возмущался с болью и горечью Сергей Есенин.

И если первым этапом у Сталина была борьба со старым, «отжившим» и несправедливым, за равенство и бесклассовость, то вторым этапом, после уничтожения классов и несправедливости, — его мечтой и целью было создание нового общества справедливости и процветания, формирование нового человека — совершенного, правильного, а не достижение гегемонии-владычества одной «богоизбранной» нации над всеми другими. Начавшийся после окончания Гражданской войны конфликт Сталина с Лениным и Бронштейном-Троцким был неизбежно заложен априори, ещё задолго до 1917 года... — в разном миропонимании, в различных идеях, целях и мечтах.

А Ворошилов, Фрунзе, Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Дзержинский, Молотов и многие другие совсем неглупые неевреи, и даже использованный «в темную» В. Чапаев и ему подобные, сражались в подполье, в революции и в тяжелой Гражданской войне не ради «мировой революции» — то есть не ради гегемонии-владычества евреев над всеми народами, над планетой. Они устали от сражений, суровых полевых неудобств, смертельного риска и страха, в том числе перед ужасным непредсказуемым Бронштейном-Троцким с его бронепоездом смерти, устали от боли за свой разорванный и уничтоженный в большом количестве народ и лежащую в полной разрухе свою Родину и ожидали, что Ленин-Бланк с Бронштейном-Троцким после окончания Гражданской войны и наступления мира начнут создавать обещанное коммунистическое общество справедливости, благоденствия и всеобщего счастья, начнут восстанавливать страну, города и села.

Но Центрожид этого не делал, а в 1920-ом году сразу бросил тысячи русских красноармейцев на Польшу, легко швырнул тысячи русских жизней под пули и снаряды ради мировой революции и своей гегемонии. Они были в восторге от этого? — Конечно нет. Они были довольны Лениным и Бронштейном? Конечно нет. Они хотели совсем другого. Они недовольно и раздраженно роптали в своём внутреннем диалоге и среди своих единомышленников. Для открытого возмущения и противостояния засилью приезжих комиссаров у них не хватало ни ума, чтобы правильно организоваться, ни силы духа и воли, в общем, — им не хватало умного и сильного организующего человека: «им вождя не доставало».

После провального похода на Польшу Гражданская война в России неожиданно продолжилась в 1921 году, когда восстали матросы Кронштадта и крестьяне 40 губерний. После этих событий наступил мирный

период, в который опять напряженно зазвучал вопрос: «Что делать дальше?». Ленин и Бронштейн стали грабить церковные ценности и пересылать их в Германию, Польшу и Румынию... — опять стали готовиться к продолжению мировой революции. Посланец Троцкого — еврейский террорист Макс Гольдштейн (1897-1925 гг.) со своими единомышленниками поехал зажигать мировую революцию в Румынии, то есть — захватывать Румынию, и для начала он взорвал румынский Сенат. Но самонадеянный Гольдштейн так и не стал очередным героем еврейского народа — не смог одурманить румынских пролетариев и крестьян и поднять их против своей национальной власти, был арестован и приговорён в 1922 году как опасный террорист к пожизненному заключению.

Наблюдавший за всем этим Сталин не собирался дальше помогать реализовывать чьи-то глобальные планы и цели, тем более, что возникшие в 1922 году обстоятельства способствовали успешному началу его необъявленной оппозиционной деятельности.

К 1922 году Сталин был в расцвете сил — ему было 44 года, это была мощная зрелая личность, опытный боец, который и по Европе попутешествовал: бывал в Стокгольме, Кракове, блестящей Вене, после чего несколько лет в ссылках задумчиво бродил по тайге и неспешно разговаривал о вечном с местными шаманами; и в Гражданскую войну, не будучи военным, он был палочкой-выручалочкой — с помощью своей холодной логики, смекалки и организаторских способностей очень эффективно затыкал дыры на фронтах и промахи в руководстве Красной армией: под Царицыном, под Пермью и в Петрограде.

Опьяненные победой и властью над огромной империей Ленин, Бронштейн и прочие Розенфельды и Апфельбаумы не сразу поняли, что их самый надежный соратник Сталин решил начать «гнуть свою линию», начал свою большую игру, ибо чтобы реализовать свои давние цели и мечты, ему необходимо было захватить власть у торжествующих гегемонов. Первыми его оппозиционную линию — «наперекор течению» заметили его потенциальные единомышленники и стали быстро сплачиваться вокруг него, как вокруг возникшей точки кристаллизации, и этот оппозиционный антиеврейский, антигегемоновский кристалл стал быстро расти. Вячеслав Молотов вспоминал (интервью Чуеву):

«В условиях острой борьбы вокруг Сталина всё *больше* сколачивалась активная группа — Дзержинский, Куйбышев, Фрунзе и другие... Мы называли себя "большевиками" — против Троцкого. Он зна-а-ал, чуял, конечно, сговор. Он со своими компаньонами, а мы со своими».

Но стали собираться вокруг Троцкого его единомышленники-гегемоны против возникшей оппозиции с опозданием, уже во второй половине 1923 года, уже после конфликта Сталина с Лениным по национальному вопросу, вернее, по вопросу государственности.

Заканчивая эту главу, хочу обратить внимание читателей на переломную, начальную точку этого периода, на волевой момент принятия решения. Если бы в ситуации, когда многие поняли, что Ленин находится в безнадежно больном состоянии, и возник вопрос преемственности власти после смерти Ленина, и Сталин сказал бы кому-то из своих соратников, что думает перехватить власть в СССР у Троцкого и его соплеменников, то его собеседник, скорее всего, повертел бы пальцем у виска и сказал бы: «Иосиф, ты осознаешь — что ты сказал, что за бред ты несешь, понятно — что это невозможно и крайне опасно».

Вообразите, представьте себе следующую условную сцену: в 1922 году вечером в комнате за круглым столом под абажуром сидят: Молотов, Орджоникидзе, Куйбышев, Фрунзе, Ворошилов, Дзержинский и Сталин. И задумчивый Сталин, выпустив клуб дыма, прищурясь, говорит: «Так дальше продолжаться не может. Столько лет крови, разрухи и грабежа... А они хотят это продолжать дальше и ничего строить не собираются. Хватит, этому надо положить конец. Надо повернуть в другую сторону, — надо строить новую страну и формировать новое общество, для этого мы все и сражались».

Например, Орджоникидзе эмоционально спрашивает: «Иосиф, но как это сделать?» И этот вопрос звучит почти риторически: «Я не вижу возможностей и шансов что-то изменить и как-то это все перевернуть». Сталин хладнокровно отвечает: «Только одним путем — через захват власти». Многие за столом съёжились и оглянулись — закрыты ли двери и окна... Они вдруг осознали себя заговорщиками... Повисла многозначительная тревожная тишина, пауза. После которой, например, Вячеслав Молотов, глядя в глаза Сталину говорит: «Ты понимаешь — что сказал, что ты задумал? Ты понимаешь — что хочешь пойти против самого Центрожида, против вождей — против Ленина и Троцкого, против всего еврейства? Ты ведь задумал очередную революцию? Ты думаешь, у тебя, у нас есть какие-то шансы их переиграть, их победить и отобрать у них власть? Ты всё просчитал? — Ведь может возникнуть Гражданская война другого вида, в результате которой третья сила — народ, безумно ненавидящий большевиков, сметет и их и нас...».

Опять зависла пауза, напряженная тишина, после которой Сталин говорит: «Я много над этим думал. У нас есть шансы. Мы их хорошо знаем, — они не умнее нас, а мы теперь не глупее их. Мы попытаемся использовать масонскую стратегию и тактику и перехватить власть мирным путем, избегая вооруженного столкновения и новой гражданской войны. И, надеюсь, если понадобится, то Феликс Эдмундович нас подстрахует, нам поможет, у него немалая сила. В крайнем случае, главная сила — армия пойдет за Ворошиловым, Буденным и Фрунзе, а не за Бронштейном и Эфроимом Склянским. Все посмотрели на

Дзержинского, а затем на Ворошилова и Фрунзе, которые не выдавали колебаний и выглядели собранными и уверенными.

Не так давно вернувшийся из Швейцарии Дзержинский начал говорить: «Иосиф, я надеюсь, ты понимаешь, что значит пойти против еврейства? Я надеюсь, ты понимаешь, какая ситуация сложилась сейчас на планете после мировой войны? Ты ведь понимаешь, что идти против еврейства в России, это значит идти против всего еврейства на планете и всего масонства на планете... И если ты отберешь у них власть в России, то они не согласятся с этим, — и твоя Россия будет в экономической и политической изоляции, они задушат тебя всеми способами вплоть до организации любимого террора, любимой революции, отравят, застрелят, взорвут или могут собрать вооруженную коалицию, Антанту и пойдут войной...

Ты понимаешь, что принимая это решение, ты идешь против установившегося недавно миропорядка, ты хочешь изменить миропорядок на планете...».

Все пораженные описанным грандиозным масштабом переглянулись, — всё сказанное Дзержинским напрямую касалось и их. Опять наступила пауза, напряженная и наполненная чем-то очень серьёзным; возник выбор: или после тяжелых лет войны наслаждаться миром и властью со всеми её соблазнительными возможностями или сконцентрироваться и вместе со Сталиным продолжить борьбу. Борьбу за что? За власть? — Ведь они и так у власти... Это борьба за верховную власть и за народ, за страну, за Родину, за Отчизну, за мечты и цели — построить справедливое благополучное общество и красивую страну; — звучит помпезно, даже выспренно, но ведь правда.

«Я много думал, — заговорил Сталин, — у нас есть шансы, и, по-моему, обстоятельства внутри страны и за её пределами нам способствуют. Стоит попробовать, необходимо попробовать. Вы со мной?..» После принятия решения осталось обсудить детали, тактику, взаимодействия, связи и т.п.

Итак, что можно сказать о человеке, решившем перестроить мир, побороться с гегемонией «богоизбранных», решившем изменить ситуацию не только в России, но и на планете? Какие ещё здесь нужны оценки и эпитеты? В этом понимании меркнут лукавые глупости фанатичного сталиниста и автора нескольких книг о Сталине А. Меняйлова, буйная фантазия которого отображается в названии глав его книг — «Благосклонность Духа Тамерлана к Сталину», «Тунгусское Диво и Сталин (Сошествие Агды)», «Сталин держал в руках Чашу Грааля!»

Думаю, многие соратники Сталина, которые решили в этот период его поддержать, включиться в эту большую игру за власть на его стороне — не были уверены в успехе, это было больше похоже на опасную

авантюру, рассчитанную на удачу, даже на чудо или пресловутое русское «авось» — авось вынесет, авось повезет, авось что-то из этого получится, авось умный упертый Сталин сможет выдержать эту игру на высоком уровне до конца — и сможет их переиграть...

Кстати, можно понять отношение захватчиков России и их потомков к Сталину, — они в нем ошиблись, он был в их команде, был их союзником, но он не только их предал, но и стал с ними бороться и — победил, отобрал у них власть над Россией и нарушил планетарную гегемонию! Поэтому понятно, что злостная ненависть к Сталину «богоизбранных» и жирующих около них «друзей» будет продолжаться очень долго — веками, это следует понимать и к этому стоит с сочувственным пониманием привыкнуть.

В следующей главе рассмотрим обстоятельства, которые в этот исторический период благоприятствовали успешной реализации грандиозного плана Сталина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обстоятельства, способствующие успешному захвату власти Сталиным

Сталину удалось успешно осуществить свои план, казалось бы, на первый взгляд в безнадежной ситуации или — в очень трудной ситуации. Но, если внимательно присмотреться, то можно обнаружить, что многие обстоятельства и факторы благоприятствовали смелому плану Сталина. Ниже я перечислю многие из них, но это не значит, что в перечне в начале идут самые важные, значимые обстоятельства и факторы, — в этот период было несколько важных факторов, и главное — эти благоприятные факторы все вместе дали положительный эффект, сильно помогли Сталину. При этом я, конечно, не исключаю такой важный фактор, «динамический», «пассионарный» — как воля и интеллект Сталина, и воля, интеллект, надежность и сплоченность его единомышленников, соратников. В этот исторический период мы имеем редкий удачный случай пересечения двух факторов — созревший для какого-то решения и дела человек и одновременно незаметно созревшие к этому решению и к этим переменам исторические обстоятельства.

1. Первым я назову — исторический фактор или фактор исторических событий 1922-1923 гг. Что я под этим подразумеваю? — Закончилась тяжелая кровавая братоубийственная война, после которой многомиллионное население и миллионы красноармейцев жаждали мира, мирной жизни, любви, создавать семьи, обустраивать быт, воспитывать детей, возделывать землю, заниматься образованием и наукой, восстанавливать дома, деревни, города и страну в целом. Но наперекор этим страстным массовым желаниям, — кровожадная и жаждущая глобальной власти «комиссарская» группа лиц во главе с Лениным и Бронштейном-Троцким, после небольшой подготовки, начала новую войну — международную против Польши, осуществляя свою идею мировой гегемонии — мировой революции.

При этом коммунистические вожди и не скрывали своих целей — «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару (понимай — к мировому господству. — Р. К.), — орал перед красноармейцами Тухачевский, — Вперед, на Запад! На Берлин!» Для этой «прекрасной» цели «русского пушечного мяса» Ленину, Бронштейну и их подчиненным было не жаль, — погибнут за «наше» «святое дело»... И это многие русские, татары, украинцы, калмыки и белорусы в 1920 году понимали уже отчетливо, и устало, с тоской, с горечью и раздражением наблюдали, как беспардонно стараясь использовать русский патриотизм, пытался «зажечь» Тухачевский:

«Великий поединок решит судьбу войны русского народа с польскими насильниками. Войска Красного знамени и войска хищного белого орла стоят перед смертельной схваткой... Перед наступлением наполните сердце свое гневом и беспощадностью. Мстите за сожженный Борисов, поруганный Киев, разгромленный Полоцк. Мстите за все издевательства польской шляхты над революционным русским народом и нашей страной...».

А более ушлый и коварный Лейба Бронштейн-Троцкий, понимая желание красноармейцев мирной жизни, умудрился это использовать в своей «зажигалке» и орал: «...Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира... Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву!».

А в это время И. Уншлихт под девизом — «и мир нам только снится» тихим доверчивым голосом инструктировал военных комиссаров: «Поднимая боевой дух, обучая и просвещая подчиненные вам части Красной армии, вы должны помнить, что захват Варшавы не является нашей конечной целью, а лишь только исходным пунктом на пути к действительно великой цели — европейской революции, революции всемирной».

Но многие красноармейцы и командиры среднего звена, глядя на польскую кампанию, стали тягостно прозревать, понимать, что Октябрьская революция совершалась не ради улучшения жизни «масс», не для создания общества благополучия, а совершалась ради мирового господства точно не русского или татарского народов, и была фрагментом к этой глобальной цели. Поэтому и не зажегся знаменитый русский боевой дух, потому что понимали — обманывают, используют, воюем не за своё, а за чужое.

Вероятнее всего, и «странное» поведение Сталина во время этой кампании — странные нестыковки, «непонимания», не скоординированные действия его Красных армий с юга с армиями Тухачевского и Бронштейна и даже не желание помочь, поддержать объясняется с этой стороны, этим пониманием, этим внутренним тягостным диссонансом, стратегическим несогласием и молчаливым внутренним протестом.

Впрочем, лидеры коммунистов особо и не скрывали истинные цели, хотя и старались эту идею прикрасить «аппетитным» соусом для масс, и тот же Тухачевский через пару лет в своей книге это объяснял: «...Если бы не наши стратегические ошибки, не наш... проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской».

Кстати, бездарность и ошибки Тухачевского не объясняют полностью поражение коммунистов, это только половина поражения. А половина заслуги в этом поражении — это активная разъяснительная работа польской интеллектуальной элиты среди своих масс. Если польский генерал Розвадовский в своих речах перед солдатами и ополченцами делал упор на патриотизм и предыдущую утрату поляками суверенитета: «...Либо мы разобьём большевистских дикарей и тем самым обезвредим советский заговор против независимости нашего Отечества и существования нашего Народа, либо всех нас без исключения ожидает новое ярмо и тяжелое рабство», то связанные с Ватиканом польские священники понимали больше и пытались объяснить всю глубину правды:

«...Большевизм и вправду идет на завоевание мира. Раса, которая управляет ими, уже завоевала мир, используя золото и банки, а сегодня, подгоняемая текущим в её жилах извечным стремлением к империалистическим захватам, стремится надеть на шею всех народов ярмо своего правления... Мы не боремся с народом России, но сражаемся с теми, кто попрал Россию, высосав её кровь и её душу, стремясь к новым захватам» (из исследования сотрудника Эрмитажа Ю. Кантор).

Вот таких объяснений русским пролетариям, солдатам и крестьянам не хватало до 1917 года и в 1917 году. Поэтому в сравнении с 1917 годом в России — в Польше в 1920 году, несмотря на мощнейшую агитацию среди польских масс большевистских агитаторов, польских и немецких коммунистов: «Землю польским крестьянам, заводы — польским рабочим!», плюс — свобода, братство, равенство и коммунизм, несмотря на созданное уже большевистское польское правительство, «защищающее» рабочих и крестьян — в польскую Красную армию, к огромному разочарованию Центрожида, с огромным потугами за несколько месяцев собрали всего около 1000 польских придурков и выродков, а в России легко одурманили, оболванили несколько миллионов... Кстати, в Венгрии и Румынии, как и в Польше, правильный ликбез элитой своих «масс» дал в конце концов такой же хороший защитный эффект, а наша промасоненная интеллигенция очень стыдилась поднять «еврейский вопрос» и усердно третировала тех редких храбрецов, которые это пытались сделать.

Если раньше насильственную продразверстку — грабеж русских крестьян, коммунисты объясняли Гражданской войной и обещали по-

сле её завершения коммунизм, то теперь Гражданская закончилась и очередной грабеж крестьян и жесткую эксплуатацию рабочих в русле «милитаризации экономики страны» объясняли уже войной международной, с Польшей и мировой. Это также переполнило чашу терпения русских крестьян, и было одной из причин последующих мощных крестьянских восстаний 1921-1922 годов.

Факт поражения Красной армии в польской кампании имел также негативные последствия. Был уже создан культ мощной и непобедимой болыыевикской армии — она разрушала и разметала якобы всё старое на своём пути и якобы была символом нового времени, якобы закономерных перемен и прогресса. И вдруг эта многомиллионная армия проиграла Польше, которая существовала ещё всего-то полтора года, которой, как заметил Маяковский, — ещё на картах не было... Это был шок. Было над чем подумать. По имиджу большевиков, сторонников мирового господства, был нанесен сильный удар.

Этот исторический фактор многократно усилился и ещё больше сыграл против гегемонов после событий, происшедших после поражения в Польше в 1921 году и в буквальном смысле потрясших захватчиков России, — это Кронштадтское восстание и мощные массовые крестьянские восстания в 1921-1922 гг. в 118 российских уездах (по данным ВЧК), и последующий длительный смертельный голод. Словно в этом Мире всё стало работать против захватчиков России, особенно против мировых гегемонов, все события словно говорили — какая к чертям Польша, Румыния или Германия и вся эта кровавая мировая революция, — здесь, в сильно разрушенной России, срочно необходимо наводить порядок и организовывать жизнь, налицо была ужасная гуманитарная катастрофа.

А большевики поступали ровно наоборот — хлеборобов-крестьян грабили до состояния смертельного голода и этим провоцировали крестьянские восстания, в ходе которых уничтожали тысячи русских крестьян военными отравляющими газами. И судя по тому, что объяснял Цюрупа в 1921 году на 10 съезде партии захватчиков, всё делалось сознательно: «...Всё должно было быть взято из обычной нормы потребления крестьян... Отсюда проистекает вывод, что никто без сопротивления, активного или пассивного, не даст вырвать у себя кусок изо рта».

2. Вторым существенным фактором следует отметить — сильно измененное к 1922 году сознание «масс», в том числе и одураченных, и многих большевиков различных уровней, что я уже неоднократно отмечал выше. Это также относится к историческому фактору, можно назвать — аспект исторического фактора, ибо это образовавшееся к 1922 году новое сознание, прозрение было закономерным, логическим результатом всех последних событий. Сознание людей в России было уже точно не на уровне 1917 года, и точно было не в пользу захватчиков,

тем более — гегемонов. И точно это сознание не улучшал болыыевикский Холокост в казачьих областях России, косящий своей кровавой коммунистической рукой тысячи жизней в Крыму...

Наиболее здравомыслящие коммунисты понимали, что в России стало уж очень зыбко и опасно, вот-вот уйдёт «народная» почва из-под ног и жестоко разорвет в клочья. Даже главная силовая опора — Красная армия стала крайне ненадежной и всё чаще возникали случаи неповиновения, например, трудно было найти в Красной армии русские полки, готовые убивать своих — русских кронштадтских матросов, и Тухачевский в растерянности и панике писал С. Каменеву: «Вчера обстановка сложилась скверно... Часть полков осталась верной, а часть добровольно возвратилась по выходе из города... Этот казус заставил отложить сегодняшнюю атаку... Сейчас действуют трибунал и особый отдел, чистка и расправа будет очень жесткая». И расправа была очень жестокая — на окраине Петрограда коммунисты, во главе с «безвинно пострадавшим» в 30-е «агнцем» Тухачевским, массово расстреливали русских красноармейцев, не желающих убивать русских... А остальных гнали в атаку на прозревший и восставший Кронштадт, на братоубийство и смерть, установив позади них в спины пулеметы заградительных отрядов. Теперь этим российским солдатам никто из большевиков не обещал ни земли ни заводов...

Но для полноценной атаки верных красноармейцев в 5-миллионной Красной армии не хватало, и это после окончания всех войн, поэтому мудрый Ленин смекнул и посоветовал Тухачевскому взять для штурма Кронштадта молоденьких, глупеньких, ещё оболваненных коммунистической пропагандой курсантов. На это Тухачевский телеграммой Ленину отвечал:

«...В Кронштадте рабочие присоединились к морякам... По крайней мере сейчас я не могу взять из Петрограда бригады курсантов, так как иначе город с плохо настроенными рабочими было бы некому сдерживать...».

Против большевиков, против Центрожида в 1921 году восстала «колыбель революций» — Петроград, восстала самая надежная одураченная опора захватчиков — петроградский пролетариат. В Петрограде, — восстали рабочие любимого коммунистами Путиловского завода, которые не только устроили демонстрации с транспарантами — «Советы без коммунистов и евреев!», но стали на улицах Петрограда ловить и бить коммунистов. Но в ответ Центрожид решил всех прозревших бунтовщиков сделать безработными, лишить хлеба — и закрыл 11 февраля более 90 петроградских заводов и фабрик. Но петроградские рабочие после этого стали ещё более воинственными. Ленину и его «пролетарской партии» ничего не оставалось, как 25 февраля 1921 года объявить

военное положение в Петрограде и подавить восставших пролетариев силой свинца красных полков, состоявших из калмыков, башкир, татар, латышей и немцев. Об этом «почему-то» ничего не пишут для школьников и студентов в современных учебниках, и об этом не рассказывает с телеэкрана и на встречах с трудящимися и студентами Г. Зюганов... Кстати, в феврале 1921 года и в Москве прозревшие рабочие организовали забастовки под лозунгом «Долой коммунистов и евреев».

Историк из Израиля Я. Рабинович это объясняет так: «Безусловно, что наваждение лицами еврейской национальности ведомственных учреждений в центре и на периферии вызывало не только возмущение, но и озлобление у русского "заслуженного народа"» (Яков Рабинович «Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну», М. 2006 г.). Понятно, что прозревший русский народ у Рабиновича может быть только «заблуженным».

Да, это был уже не 1917 год, — и захватчики это тоже понимали, простые обманки уже не работали, себя исчерпали, и, несмотря на постоянную навязчивую пропаганду, рабочие, крестьяне и солдаты вырывались из-под контроля. Других обманок, кроме бесплатной раздачи земли и коммунизма, у захватчиков не было. И у них остро встал вопрос — что делать с российскими «массами»? Оставался единственный выход — жестокость и ещё раз жестокость, — одних убить, а других запугать крайней жестокостью до животного страха. Тухачевский по отношению к русским крестьянам советовал, исходя из собственного кровавого опыта:

«В чем будет заключаться оккупационная работа?.. Работа по оккупации ведется не путем пассивного сидения войск по деревням, а путем изъятия белогвардейско-бандитских органов власти и активно помогавших им элементов и путем методического, систематического насаждения и осуществления Советской власти. Все население, до последнего человека, надо просмотреть и протереть с песком» (М. Тухачевский «Искоренение бандитизма»). В понимании будущего «сталинского мученика» Тухачевского «протереть с песком» — это расстрелять, повесить, удушить военными газами, уморить голодом.

Другой оккупант — Лейба Бронштейн-Троцкий, также понимая новое «тяжелое» сознание покоренного русского, украинского, татарского (и пр.) народов, их опасное брожение умов, и понимая «упущенные выгоды» в «простом» варианте Тухачевского предложил публично в марте 1921 года на 10-ом съезде РКП(б) более хозяйский вариант: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность будет караться тюрьмой и смертью». Это такой вариант рабства в 20-ом

веке(!), предложенный этим еврейским интеллигентом, коммунистом и очередным «сталинским мучеником», которого последние годы еврейские издатели на Западе с радостью помещают в книги с названием типа — «Самые выдающиеся евреи в истории»...

Как раз к этому времени, к 1921 году, Бронштейн и Ленин в оккупированной стране начали оригинальным образом быстро строить коммунизм перед очередным походом — заканчивали строить большое количество новых концлагерей типа Северных, и даже проводили реформу концлагерной системы с высоким к.п.д. — по принципу знаменитого еврейского и коммунистического «гения» Нафталия Френкеля: «от заключённого мы должны взять всё в три месяца». Это была не случайная оценка, «научная» — при сверхскудном лагерном питании и высокой эксплуатации узник мог работать всего три месяца, после чего сил и энергии уже не было, и заключённый мог умирать от переутомления, болезней и по принципу «кто не работает — тот не ест, и обязан умереть».

Оккупант Российской империи Ленин в эти жестокие крайности решил не бросаться, хотя с удовольствием поддержал и Тухачевского и Бронштейна. Ленин здраво рассудил, что 150 миллионов покоренных трудно расстрелять и разместить в концлагерях, кроме того — глупо выглядела бы опустошенная бывшая Российская империя всего с 5-миллионной Красной армией для продолжения мировой революции и удержания господства. К тому же — хотя бы для питания этой 5-миллионной армии необходимы были крестьяне. И Ленин, с одной стороны, в виде нэпа пошел на уступку, на ослабление крестьянской кабалы, а с другой стороны, с учетом последних потрясших событий, решил провести чистку партии и проверить на лояльность каждого коммуниста.

Таким образом, русских крестьян захватчики решили временно оставить в относительном покое, обложив их поборами. А на 10 съезде партии некоторые большевики во главе с Троцким и Бухариным выдвинули идею пустить на самотек и промышленность с пролетариями, — отдать их полностью профсоюзам (знаменитая дискуссия о профсоюзах), а самим сконцентрироваться сугубо на развитии мировой революции. «Разоренная, обезлюженная Россия едва-едва выползала из хаоса, но тем не менее среди политических приоритетов на первом месте оставалась "мировая революция". Это была одна из фундаментальных установок марксизма, которую до последних дней своей разумной деятельности разделял Ленин. С этим никто не смел спорить. Разногласия были лишь в вопросах стратегии и тактики», — совершенно верно отметил в своей книге В. Шамбаров («Нашествие чужих»).

3. Третьим фактором, помогшим планам Сталина, была инициированная Лениным чистка партии. В 1921 году у Ленина и всего Центрожида возникла серьёзная кадровая проблема — проблема надежности

кадров, дабы не повторился очередной опасный Кронштадт, и проблема эффективности кадров в мирной ситуации. Ибо оказалось, что для многих ленинских кадров рубать шашкой, выискивать в каждом прохожем белую контру, расстреливать и грабить буржуев, крестьян и церкви, или демонстративно бегать голым по улицам, доказывая своё полное раскрепощение — это одно, а вот строить и созидать после своего же разрушения — это оказалось намного сложнее, и требовало специальных знаний и других человеческих качеств. А тех «старых» русских спецов в разных областях деятельности, которых Ленин загонял на рабский труд голодом в начале 1918 года, — к 1921 году было уже очень мало, — многих за эти «лихие» годы убили, многие умерли от болезней и голода, многие бежали от кровавого коммунистического террора за пределы страны.

Проведенное в конце 1920 года руководством коммунистической партии анкетирование своих членов подтвердило самые мрачные догадки Ленина об уровне образованности его опоры, его подчиненных, новой «красной» элиты — высшее образование имели 5% членов коммунистической партии, 8% — среднее, 3% — вообще неграмотные, остальные 84% имели «тюремное» или «домашнее» образование. Более того, — эту проблему качества кадров усугубляло парадоксальное увеличение их количества.

Почему парадоксальное? Потому что когда, казалось бы, марксисты захватили Российское государство, то многие из них, кто попроще и поглупее, были уверены, что сбудется горячая мечта молодого К. Маркса — будет полностью уничтожена Лениным и Бронштейном бюрократия как таковая. Но когда Гражданская война с Белыми в 1920 году закончилась и по марксистской логике должна была наступить смерть бюрократии или хотя бы её постепенное уничтожение, уменьшение, то обнаружился парадокс, необъяснимое марксизмом-ленинизмом чудо... — численность большевикских чиновников в 1922 году составляла 2,5 миллиона(!)... То есть «коммунистических бюрократов» и «красных паразитов» оказалось в десять раз больше, чем чиновников в Российской империи при царе в 1913 году.

Причем этих коммунистических бюрократов трудно было сравнивать с царскими. После гражданской войны многие не пошли выращивать хлеб или на заводы, — ведь не для этого ехали для захвата России из США и различных европейских столиц и из Одессы и Бердичева?! И эти горячие сторонники коммунизма организовали себе работу почище, легче и побогаче — создали огромное количество различных ведомств и комитетов, откровенно паразитирующих на покоренном народе и его богатствах. Мало того, что они ничего или мало понимали в организации государства, экономики, общества и в управлении всем этим, кроме мелкой торговли и контрабанды, но дорвавшись до власти,

с наганом в руке большая часть этой многомиллионной армии ленинских бюрократов вместо строительства нового общества и государства стали браво всё «коммуниздить» в свои карманы под лозунгами «За что боролись? За что сражались? За что жизнью рисковали? — За лучшую жизнь, за коммунизм!» И стали быстро и ловко улучшать свою жизнь, обогащаться — строить свой коммунизм всевозможными гешефтами: от торговли награбленными ценностями церквей, Алмазного фонда, Эрмитажа и других музеев и у населения до гешефтов в любимой торговле зерном и другим продовольствием, импортной одеждой и обувью, наркотиками, в пунктах распределения, снабжения, закупки и т.д. Это было полное наглядное опровержение всего марксизма в теме бюрократии.

Бронштейна и ему подобных эта картина как-то не трогала — была нормальной и естественной. Но более идейного Ленина и Сталина сильно впечатлила. Ленин с ужасом наблюдал, как на его глазах в наступившее мирное время помимо его воли и планов быстро сложилась грандиозная картина гешефтов и жирного пошлого коммунистического мещанства. И 27 июля 1921 г. по инициативе Ленина ЦК РКП(б) опубликовал обращение «Ко всем партийным организациям. Об очистке партии», во время которой выгоняли не только политически ненадежных — бывших спецов, меньшевиков, эсеров, бундовцев или случайных попутчиков из политически безродных, но очень многих с конкретными формулировками за: «буржуазный образ жизни», «разложение в быту», «лодырничество», «шкурничество» и т.п.

Ленин не просто был сильно удручен этой картиной, он часто был в истерике и на грани психического срыва и рассылал старым большевикам письма: «Подбор людей; установление индивидуальной ответственности за делаемое; проверка фактической работы. Иначе из бюрократизма и волокиты, которые нас душат, не вылезть», «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, ещё раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы и всей политики», или — «Главки сбросить? Пустяки. Что вы поставите вместо них? Вы этого не знаете. Не сбрасывать, а чистить, лечить, лечить и чистить десять и сто раз. И не падать духом». Это Ленин подбадривал уже больше себя, он даже в высших эшелонах власти не мог навести порядок, Ленин:

«тов. Шейнман! Ваши слова, что Госбанк теперь "мощный аппарат" вызвали во мне смех. По секрету: это верх ребячества, верх коммунистически-сановного ребячества... И если Вы не захотите открытыми глазами через всё коммунистическое враньё смотреть на эту правду, то Вы — человек, во цвете лет погибший в тине казённого вранья...».

Но вскоре Ленин пал духом в борьбе со своими бюрократами, бездельниками и шкурниками, и это падение можно проследить хронологически — Ленин в конце декабря 1920 года: «Я понимаю серьёзность

бюрократизма... Это не вопрос съезда — это вопрос целой эпохи...»; Ленин 2 февраля 1921 года раздраженно по поводу утверждения Маркса: «Кто вам предлагает покончить с бюрократизмом — тот демагог... Это чепуха...». А уже 9 марта 1921 года Ленин откровенно признал: «Мы не можем вполне успешно бороться с бюрократизмом... потому что мы слабы, нет сил...». Связь между отчаянием, падением духа, нервным расстройством и состоянием здоровья объяснит любой врач, поэтому резкое ухудшение здоровья Ленина к весне 1922 года закономерно.

Когда весной 1922 г. Политбюро подвело итоги чистки партии, то оказалось, что из 730 тысяч членов партии в начале 1921 г. — к весне 1922 года осталось 410 тысяч, т.е. — около 30 армий коммунистов-бюрократов убрали. Но, несмотря на такой масштаб исключённых «за дискредитацию партии», — эффект был временный, так как чистили в основном низовые партийные структуры, получилась популистская пропагандистская акция по чистке имиджа партии.

В чем польза этой чистки для планов Сталина? Польза была двойная. Во-первых, на фоне огромной армии коммунистических «шкурников», «лодырей», «буржуев» и прочих «разложившихся» Сталин выглядел со своим аскетизмом, скромностью в быту, порядочностью, старательностью, трудолюбием, умом и, главное, эффективностью — идеальным, незаменимым кадром, эффективным бюрократом, эффективным управленцем с неизбежным карьерным ростом. Много лет спустя такие качества Сталина, как упорство, несгибаемость, силу воли и надежность отметил даже его злейший враг Лейба Бронштейн: «...Он обнаружил качества упорного профессионального революционера. Он принадлежал не к тем многочисленным тысячам, которые в этот период дезертировали из партии, а к тем немногим сотням, которые оставались в её рядах».

За эти качества, за ум и толковость очень уважал Сталина Ленин и на него опирался. Доверие Ленина, уважение Ленина, приближенность к Ленину — также было плюсом для Сталина. Подчиненный Сталина польский марксист-ленинец С. Пестковский вспоминал: «Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня... В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой».

Это же отметила и родная сестра Ленина — Мария Ульянова (которая выезжала за границу под фамилией матери — Бланк): «Сталин бывал у него (Ленина) чаще других...».

Поэтому, учитывая вышеизложенное, неудивительно и закономерно, что на фоне всей этой неприглядной картины коммунистической бюрократии после 11 съезда партии на очередном пленуме партии 3 апреля 1922 года избрали новый секретариат, и руководителем этого

бюрократического органа партии — генеральным секретарем ЦК РКП(б) избрали Сталина.

Сталин возвысился в иерархии большевикской власти, получил большие властные полномочия в кадровых назначениях, получил в свое прямое распоряжение 892 сотрудника с немалыми полномочиями и таким образом получил большие возможности для реализации своих планов. Кроме того, его не обложили еврейскими помощниками и заместителями, как например, Ф. Дзержинского. Кстати, и не было желающих на эти бесперспективные в финансовом отношении должности, за должности тогда ещё не платили, а по рекомендации Сталина секретарями также были избраны его единомышленники В. Молотов и В. Куйбышев. Они не могли влиять на кадровый состав небольшой группы, стоящей выше их во властной иерархии, но ниже себя в этом огромном массиве властной пирамиды могли ставить и выдвигать своих единомышленников. Кстати, это традиционный масонский метод — незаметно пропитать административную, политическую или финансовую организацию своими людьми, незаметно «перекрасить её» — фактически захватить и поставить на службу себе, и использовать в своих интересах все возможности организации. И этот мудреный метод, требующий неспешности, терпения и выдержки, Сталин применил очень эффективно.

Вторая польза от чистки партии планам Сталина была в том, что среди исключенных из партии было много карьеристов-шкурников прибывших в столицы к своим высокопоставленным родственникам-гегемонам из Одессы, Бердичева, Житомира, Бобруйска, Могилева и т.п., и вступивших в партию в последний год гражданской войны, когда её исход был уже ясен.

Стоит заметить, что в этот период около 25 тысяч коммунистов добровольно ушли из коммунистической партии, чтобы воспользоваться открывшимися возможностями нэпа, — ушли в концессионные и совместные с иностранцами предприятия, открыли рестораны и трактиры, стали заниматься своим традиционным винокурением, вернее — самогоноварением в промышленных масштабах для тех же ресторанов, и занялись любимой торговлей, не только вывозя за рубеж награбленное, но опять встряв между городом и деревней. Понятно, что солдат, рабочий или крестьянин после многочисленных продразверсток-грабежей не мог открыть ресторан или заняться оптовой торговлей, ибо денег для этого не было, и понятно — у кого они были.

Из вышеизложенного понятно, что партию в этот период добровольно или принудительно покинуло много евреев. Количество членов партии к 1924 году составляло примерно 380 тысяч. Сталин стал расставлять с 1922 года на важные посты своих единомышленников-государственников, в том числе и секретарей губкомов. К концу 1922 года

«инновационные» действия Сталина заметил Лейба Бронштейн, и в январе 1923 года последовал оригинальный ход против попытки Сталина изменить национальный состав партийных руководителей среднего звена, — на очередном пленуме ЦК РКП(б) Розенфельд-Каменев при активной поддержке Троцкого предложил влить в РКП(б), существующую до этого момента отдельно, самостоятельно Еврейскую коммунистическую партию (ЕКП). И, несмотря на активное противодействие Сталина, Бронштейн проломил решение и пленум согласился. Таким образом РКП(б) дополнительно «обогатилась» еврейскими коммунистами. Но количество членов ЕКП было небольшим — около 5 тысяч, поэтому особо сильного смещения в национальной пропорции в партии не произошло. Но в 1924 году Сталину удалось дать достойный ответ — провести очень важную операцию под названием «Массовый ленинский призыв в партию», который правильно назвать — «сталинский призыв», когда в партию приняли 200 тысяч рабочих, солдат и крестьян. А известно, люди какой национальности стояли за станком и за плугом, поэтому партия сильно «разбавилась русской кровью», и этот сталинский призыв в партию можно верно назвать — «русский призыв», после этого национальная пропорция в РКП(б) сильно изменилась. И в результате наплыва в партию большого количества русских, к моменту решающего сражения Сталина за власть в СССР с Бронштейном, а затем и с Розенфе ль дом-Каменевым и Апфельбаумом-Зиновьевым, в партии стало намного больше государственников, сторонников Сталина, чем сторонников мировой революции — «богоизбранных» гегемонов. Этот факт и искусство внутрипартийного боя Сталина и определили после смерти Ленина в 1924 — 1925 годах исход мирного сражения за власть между группировками внутри коммунистической партии, победу Сталина.

Современный израильский историк Я. Рабинович также сделал похожий вывод: «Причина его (Сталина) поразительной победы над партийной оппозицией, в частности, над так называемой троцкистско-зиновьевской группой, в какой-то степени объясняется тем, что национальная (еврейская) принадлежность ряда лидеров (Зиновьева, Троцкого, Радека и др.) позволяла Сталину опереться на разбавленную «Ленинским призывом», политически и культурно незрелую партийную номенклатуру, среди которой сохранились антиеврейские настроения и стереотипы» (Яков Рабинович «Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну». М., 2006 г.).

Понятно, что в понимании Рабиновича и ему подобных «антиеврейские настроения и стереотипы» являются незаслуженными, не заслуженными евреями своими делами... А антиеврейские настроения в этот период среди коммунистов среднего и низшего звена и среди масс, и только в этом понимании — антисемитизм, — это ещё один фактор

этого периода, который и в самом деле способствовал осуществлению планов Сталина.

4. Антисемитизм. Комментируя вышеизложенный вывод Я. Рабиновича стоит заметить, что стереотипы, связанные с антисемитизмом в России, были усердно созданы еврейским сообществом на протяжении многих десятилетий, особенно в конце 19-го и начале 20-го веков, — это я подробно показывал и объяснял в книгах № 2 — 4 этой серии. А свежие «антисемитские настроения» (фреш-антисемитизм) у населения и рядовых большевиков, коммунистов и красноармейцев были созданы захватчиками России, гегемонами, после 1917 года многочисленными ужасными преступлениями, расправами, издевательствами, тотальным террором и Холокостом.

Страх кровавых комиссаров-гегемонов перед антисемитизмом, перед новым Кронштадтом, перед ещё большим всплеском крестьянских и пролетарских восстаний, которые могли превратиться во всероссийский погром захватчиков-гегемонов, во многом ограничивал, сковывал решительность и радикальность действий идейных противников Сталина. А какие антиеврейские лозунги выдвигали в этот период матросы Кронштадта, рабочие Петрограда и Москвы — мы ранее в этой главе уже наблюдали. И нет сомнений, что у российских крестьян по всей стране после бесконечных продразверсток-грабежей, террора и концлагерей антиеврейские настроения были ещё сильнее. И этот закономерный сильный антисемитизм в России будет продолжаться, длится многие годы, и этот антисемитский фон будет постоянно, многие годы помогать Сталину в его борьбе. В нашем дальнейшем исследовании в этой книге и последующих мы детально будем наблюдать его проявления и влияние.

По моему глубокому убеждению — Сталин точно не был антисемитом, хотя многие евреи были его главными противниками, а потом и заговорщиками против него. Более того, как ни парадоксально прозвучит и покоробит некоторых фанатичных сталинистов, уверен, утверждаю — Сталин был юдофилом. Никакой антисемит, особенно «махровый» — а именно таковым представляют Сталина многие современные еврейские идеологи и их западные помощники, не женился бы дважды на еврейках... Но, уважая этот революционный народ, Сталин не мог допустить, чтобы евреи вели его не к его целям, им командовали, его использовали; он сам пытался их контролировать и использовать в своих целях, для решения различных задач. Только учитывая всё вышеизложенное в этом пункте можно понять, почему после захвата власти Сталиным в его партийном и государственном аппарате работало так много евреев, включая самого приближенного — Л. Кагановича.

К этому фактору можно добавить ещё и самодискредитацию многих болыпевикских вождей-гегемонов. Например, торговый представитель

России в Эстонии в начале 20-х годов Г. Соломон свидетельствовал о житьи-бытии главы Петрограда и Коминтерна «кровавого Гришки» — Апфельбаума-Зиновьева: «Однажды ко мне прибыл личный представитель вождя Коминтерна некто Сливкин, имевший поручение приобрести по специальному списку товары, якобы необходимые Коминтерну. На эти цели по приказу Зиновьева я должен был выделить 200 тысяч марок. Товары Сливкиным были закуплены, и он потребовал два вагона для их срочной отправки. Я спросил у своего коллеги, ведавшего отправкой этих вагонов, что это за срочный груз, который должен быть отправлен вне всякой очереди, ранее столь необходимых в то время России народно-хозяйственных грузов. Вот его ответ: "Все эти предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева... У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев, по слухам, принял к себе на службу царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и черт знает чего еще для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахаре, сардины... А там народ голодает... А мы должны ублажать толстое брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева..."».

И это во время смертельного голода в России... Нечто подобное никто не мог сказать о Сталине, а о Каменеве-Розенфельде, Луначарском, Троцком и сотнях подобных могли. Вот на это в том числе шли награбленные коммунистами в церквах и музеях ценности во время голода, — этот акцент специально для безмерно врущего в этом вопросе фанатичного коммуниста-ленинца Ю. Мухина. Другие факты по этой теме рассмотрим по ходу исследования.

5. Карьерному росту, выдвижению Сталина в апреле 1922 года помог и серьёзный затянувшийся конфликт Ленина с некоторыми его высокопоставленными соратниками: Троцким, Бухариным, Коллонтай и пр. в ходе так называемой «дискуссии о профсоюзах», в которой Сталин и Ленин были на одной стороне. Подробнее этот конфликт рассмотрим в следующей главе.

6. Очередным фактором, способствующим реализации планов Сталина по захвату власти и созидательной деятельности, — была довольно скорая после окончания Гражданской войны тяжелая болезнь и смерть Ленина. Этот фактор ускорил многие события в пользу Сталина; в данный момент не буду анализировать, детально объяснять этот фактор, потому что этому вопросу далее посвящу отдельную главу.

7. Ещё одним положительным для Сталина фактором были ошибки Бронштейна-Троцкого, вернее — неожиданно много ошибок Бронштейна-Троцкого и его сторонников: Розенфельда-Каменева, Апфельбаума-Зиновьева и прочих соплеменников и его русских соратников — Бухарина и Антонова-Овсеенко и прочих. В ходе дальнейшего исследования в этой книге мы будем эти ошибки наблюдать и анализировать.

8. Ещё одно обстоятельство, способствующее осуществлению планов Сталина — это идеологическая неоднородность, разрозненность и отсутствие должной сплоченности еврейского сообщества, лагеря гегемонов, что дало возможность Сталину эффективно маневрировать — приобретать среди евреев и даже сторонников «мировой революции» своих сторонников, попутчиков, сталкивать между собой, использовать и т.п.

9. Стоит отметить ещё один фактор, связанный с личностью Сталина — его национальность. Не важно — был Сталин осетином, грузином, или аланом, а важно то, что в деле захвата России и покорения русского народа обманом и насилием Сталин был не русским. «Тайна сионских мудрецов» (или — «Протоколы...»), а особенно знаменитый «Катехизис русского еврея» хорошо объясняет — почему нежелательно ставить на мало-мальски важную должность русского. Если бы Сталин был по национальности русским, то он не достиг бы при Ленине и Бронштейне такой карьерной высоты и власти, никто из русских этого при Ленине не достиг и не пользовался у Ленина таким доверием; симпатии к «Балаболке» — Бухарину не из этой темы.

Сталин в глазах Ленина и всего Центрожида был надежным нерусским. Старые большевики и исследователи биографии Сталина прекрасно знали то, о чем сегодня избегают говорить фанатичные сталинисты — в юности Сталин неоднократно конфликтовал с русскими учителями, их ненавидел, и в целом ненавидел Российскую империю как угнетательницу грузинского народа, якобы поработителя Грузии, и с этой позиции начал борьбу с российскими властями. И делами Сталин доказал свою надежность: и на фронтах гражданской войны, и безжалостно топя под Царицыном баржи с русским «старыми» спецами, и беспощадно уничтожая русское Терское казачество и их семьи. Напомню из предыдущей книги — выдержка из протокола заседания ЦК Советов Терской области: «Постановили:... 1) Не разрешать казакам уборку озимых хлебов... 4) Предложить Чеченскому окружному исполкому немедленно вселить чеченцев во все станицы, откуда выселены казаки...» (ЦГА РСО).

Обращаю внимание — первым пунктом этого постановления коммунисты обрекали казаков на голодную смерть, морили голодом. «Когда красные ворвались на Северный Кавказ, возобновился геноцид казаков — на этот раз терских. 1,5 тысячи семей на Тереке объявили "контрреволюционными" и репрессировали. 11 станиц решено было отдать "революционным" чеченцам и ингушам. Их население — 70 тысяч казаков, подлежало депортации. Окружив станицы и хутора, людей выгоняли из родных хат и под конвоем повели на север. Но "упростили" проблему. По пути каратели и "революционные" ингуши набросились

на беззащитные колонны, принялись рубить и резать без разбора пола и возраста, ударили пулеметы. Дорога на Беслан была завалена трупами казаков, казачек, их детей», — отметил в своей книге историк В. Шамбаров. Как специалист по Кавказу весь этот кошмар с русскими казаками курировал И. Сталин, который докладывал главному палачу — Ленину: «...Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать устойчивым...» (РЦХИДНИ, из исследования Н. Нарочницкой).

«Что русские? Всем хороши, но не хватает одного — твердости. А наше спасение именно в этом», — говорил В. И. Ленин-Бланк об обманутом, побежденном, оккупированном народе. Ленин хвалил Бронштейна, его кровавую безжалостную беспощадность — называя её твердостью. Но и Сталин был надёжно «тверд», и Ленин это знал, ценил.

Только после тяжелейшей мировой войны вместе с русскими против Запада, Гитлера, и впечатленный подвигом и характером русского народа, Сталин стал искренне симпатизировать русским, стал лояльным к русским, а в какой относительной степени была у него эта любовь к русским — говорит убийство им элиты русских в этот период в «ленинградском деле» — Кузнецова, Вознесенского и пр. Можно в разной степени идеализировать Сталина, но без понимания вышеизложенного невозможно правильно понять многие действия Сталина до 1945 года.

Особенно остро стала тема национальности вождя после 1921 года — после Кронштадта, пролетарских и крестьянских восстаний и после смерти Ленина в атмосфере сильного антисемитизма «масс» и членов партии... Если бы Ленин не картавил, то был бы совсем похож на русского, хотя его и так, к удовольствию многих, ошибочно воспринимали как русского. Кого поставить после смерти Ленина: своего, надежного, похожего на русского? — Смешного дедушку Калинина или непредсказуемого Бухарина? Кого — свадебным генералом, русской афишей? Остальных русских из команды захватчиков — опасно. Бронштейн-Троцкий рвался к власти, но этот кровавый палач, тиран и деспот быстро бы «пережал» и спровоцировал бы очередной всенародный беспощадный взрыв-погром, в том числе и Красной армии... Например, свидетель тех событий еврейский идеолог и знаменитый историк С. М. Дубнов был за «мягкую», умеренную «перестройку» Российской империи и был категорически против брутальных кровавых методов Ленина и Бронштейна и в своем дневнике в 1919 году писал: «Предвижу ужасы Пророчества Достоевского. "Евреи погубят Россию" станет лозунгом мести... Положение наше ужасно: желаем избавиться от большевиков, хотя знаем, что избавление принесет, прежде всего, еврейский погром...».

Об этом «цейтноте» думали многие, в том числе и Сталин, который, скорее всего, был уверен, что нашел оптимальное решение этой проблемы. Для многих умеренных и даже относительно гуманных евреев, типа Шимона (Семёна) Дубнова, и даже для многих здравомыслящих гегемонов, — в атмосфере тех лет, в той ситуации Сталин был оптимальным временным компромиссом, которым руководит партия... — Пусть не еврей, но убежденный марксист, проверенный русской кровью большевик и нерусский — нацмен, и к тому же - женат на еврейке, а это также важная деталь.

Знаменитый успешный руководитель Краснодарского края, политик Николай Игнатьевич Кондратенко в своей книге отметил: «И после смерти Ленина элементарно сработал "Катехизис". Взяли нацмена Сталина. И здесь они ошиблись... Сталин — это была их ошибка, он их "перенуздал"» («Куда звал нас батько Кондрат», 2006 г.).

10. Ещё одним фактором, способствующим планам Сталина, была международная обстановка после Первой мировой войны. Организаторов Первой мировой войны и однополярного «нового мирового порядка» очень устраивало свержение монархии в России масонами, и захват Российской империи большевиками, в обоих случаях они принимали активное участие. Так называемая Антанта, как мы наблюдали подробно в предыдущей книге, прибыла в Россию не для борьбы с большевиками, а, во-первых, — чтобы воспользоваться оказией и грабануть, сколько получиться, во-вторых, — чтобы контролировать ситуацию в России, в Гражданской войне, управлять конфликтом, чтобы не допустить возрождения российской монархии и Российской империи, создание национальной власти, — всё это мы убедительно наблюдали в истории с адмиралом Колчаком, с генералом Юденичем и Деникиным.

Антанта акцептировала большевиков, но была заинтересована в слабых большевиках, чтобы они были подконтрольны Западу и зависимы от него, поэтому Антанта и была заинтересована в затягивании гражданской войны. И фактически до прихода к власти Сталина Запад добился своего, — ведь в 1922 году на большом международном экономическом форуме в Генуе — как только большевики во главе с Лениным не пресмыкались перед Западом, как только не добивались благосклонности Запада!

Польза международной ситуации Сталину была в том, что если бы Западу не понравился во главе России Сталин со своими планами (а он западным политикам неизбежно не понравился бы, потому что они не были заинтересованы в сильной России любого цвета, они видели в ней только сырьевой придаток), то вероятность войны была бы минимальной. Почему? — Любой профессиональный историк ответит, — потому что именно в этот период не ангажированная в правящую политику

всегда «передовая» европейская интеллигенции пыталась с ужасом осмыслить — как могла случиться такая кошмарная кровопролитная плановая война в самом «цивилизованном» регионе планеты, унесшая многие миллионы жизней. В связи с этой депрессией, шоком, осознанием своей глупости, беспомощности, ничтожности и полной зависимости от небольшой группы людей — «правящей миром» и манипулирующей странами и народами для достижения своих целей в Западной Европе менялась даже культура, философия, литература и т.п. И в этот период предположение о начале очередной войны, пусть и локальной, могло вызвать в Европе только отторгающее раздражение и болезненную изжогу, — Европа «наелась» войны до болезненной изжоги и поминала миллионы погибших...

В этот период Европа с забытым наслаждением вкушала мирную жизнь и восстанавливалась. Радостно, с тихим восторгом торжествовали и подсчитывали огромные финансовые и политические прибыли только руководство США и еврейские миллионеры. В Европе могли говорить об очередной войне только через пару поколений — через 30-40 лет, поэтому-то через 20 лет Европа не была готова морально, ментально к войне и почти не сопротивлялась Гитлеру.

Другое дело — Германия, в которой немцы в тяжелейшей экономической, социальной ситуации с очень раненным самолюбием и униженной национальной гордостью на волне реваншистских настроений могли быстро вернуться на дорогу войны. Но это не касалось России, ибо она не была победительницей Германии, она оказалась такой же пострадавшей, разрушенной, ограбленной и проигравшей. Не случайно уже с 1922 года Германия и Россия стали сближаться, выстраивать отношения, друг другу помогать — как друзья по несчастью и изгои в сторонке от торжествующих победителей-гегемонов. Как оказалось позже — только особая концепция Гитлера предусматривала возможность, и даже необходимость войны Германии с Россией. Поэтому теоретически у Сталина было время для созидания — 30 — 40 лет без Гитлера, и меньше с Гитлером... Если бы не было Гитлера, то с большой вероятностью через указанный срок войну с Россией начали бы США и Англия со своими союзниками в Европе и Азии, потому что Сталин своими идеями и планами единолично ломал установленный в результате Первой мировой войны «новый мировой порядок» на планете, который западные «мудрецы» смогли вернуть только после 1991 года, после крушения созданной Сталиным страны, империи — СССР...

Подводя итог этой главы, отмечу — после всех бурных событий в начале 20-го века к 1922 году в России возник сильный исторический, социальный, политический, ментальный запрос (потребность) в вожде-созидателе, строителе мирной жизни, — и этим вождём оказался

Иосиф Сталин, который к этому времени по какой-то закономерности, гегелевской «хитрости истории» созрел как личность к выполнению этой функции, этой миссии.

Как видите из вышеизложенного, — успеху, победе Сталина есть вполне внятные, логические объяснения, а не какая-то мистика, которой пытается объяснить успех Сталина его фанатичный поклонник А. Меняйлов: «И эта посвященность (шаманами Туруханского края. — Р. К.) — источник постоянной победоносности Сталина» («Сталин. Тайны Валькирии», М., 2006 г.).

Очень напрашивается аналогия с современностью. После горбачевско-ельцинской разрухи в России в начале 21 века возник такой же устойчивой запрос на созидательную личность. И большие надежды были на В. Путина. До этого момента в какой-то степени созидательным было только бизнессообщество, в том числе и некоторые олигархи, но для возрождения и развития России и её народов этого оказалось очень недостаточно. Сразу стала видна необходимость добавления, подключения созидательной силы государства. Созидательную деятельность В. Путин должен был начать после разгона самых алчных и политизированных олигархов — с 2003 — 2004 гг. Но не начал.

Когда пошли суперприбыли от высоких цен на нефть — было идеальное время для мощного быстрого созидания и развития России, но В. Путин этого не сделал, его правление — это упущенные грандиозные шансы и возможности России. Если это не сознательное вредительство, то преступная по отношению к народу халатность. Халявные деньги от продажи сырья и старого советского наследия разворовываются, неэффективно используются и в огромных количествах оброчно направляются В. Путиным в помощь экономики США. Такое впечатление, что вместо созидания сознательно засушивается экономика России и её развитие при потрясающей болтологии, при безостановочном перепроизводстве слов В. Путиным и Д. Медведевым и с помощью мощного оглупляющего прикрытия СМИ и пропаганды, а это уже — высокотехнологическое вредительство в ущерб своему государству и народу и в пользу других государств. И эта глубоко ошибочная, опасная ситуация продолжается уже третий срок В. Путина, ибо его подчиненный Д. Медведев является его полным единомышленником, утверждающим, что государство не должно ничего созидать, за него всю работу сделает «мудрый» «свободный» рынок и предприниматели, а государственным лидерам остается не мешать рынку, только слегка его координировать, подстраивая законодательство, и заниматься внешней политикой. И при Д. Медведеве даже в условиях тяжелого экономического кризиса и недостатка денег — огромное количество наших денег направляют в помощь США под смешные проценты.

Понятно, что если позиция В. Путина и Д. Медведева до 2012 года не измениться, и этот год не принесет позитивных изменений, и этот тандем, идеологически представляющий радикальные либеральные силы, фактически партию Гозмана и Немцова — СПС, которую народ не пропустил в Думу, останется у власти на тех же вредительских позициях, то населению остается только наблюдать логический крах-развал России. В истории человечества такого мудреного коварного способа уничтожения цивилизации ещё не было...

Отмечу ещё одну закономерность из «хитрости истории» — чем в более глубокий кризис погрузят Россию В. Путин и Д. Медведев, тем более жесткие и радикальные меры должен будет применить для спасения России и народа управленец, менеджер их заменивший.

Вернемся к разрушителю Российской империи и созидателю СССР — И. Сталину, в следующих главах будем подробно год за годом наблюдать и анализировать действия Сталина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Начало противостояния в 1920-1921 гг.

1920 год — после победы над Белыми у захватчиков России торжество, эйфория и громадьё грандиозных глобальных планов, и вдруг они попадают в неплановую, непредусмотренную ситуацию — после неожиданного поражения в Польше, «облома», они потрёпанные возвращаются в Россию, и осенью 1920 года перед ними встает банальный вопрос: что делать дальше? Особо подчеркну — после провала мирового вооруженного похода гегемоны вынуждены были или что-то делать-созидать в России или готовиться к новому мировому походу. Понятно, что если сохранить принципиальные глобальные планы, то всё равно какое-то время им придется копошиться в России, что-то делать в России, — что и как? Для очередного похода за границу необходимы были: мирная ситуация внутри страны, на опорной базе — в захваченной России, и большие ресурсы, оружие, обмундирование, продовольствие, и хотя бы для этого необходимо было восстанавливать промышленность, запускать заводы и фабрики, а в условиях совершенно логично образовавшегося и умышленно устроенного смертельного голода необходимо было налаживать производство продовольствия в сельском хозяйстве.

В июне-июле 1920 года на Всероссийском продовольственном Совещании крестьянских грабителей даже кровавые комиссары продотрядов стали роптать, что Кремль перегнул палку, — что этот длительный тотальный грабеж крестьян необходимо прекратить, ибо грабить уже почти нечего, у крестьян пропал смысл производить продовольствие, необходимо дать им немного свободы, иначе — неизбежен смертельный голод, отсутствие продовольствия и много вытекающих из этого проблем. Тогда Ленин к своим янычарам не прислушался, — в разгаре был поход на Польшу.

А после разгрома Красных армий в Польше в августе 1920 года, осенью 1920 года ситуация в России из позиции гегемонов Бронштей-

на и Ленина вдруг перешла в позицию желающего созидать Сталина и его единомышленников, ситуация стала благоприятствовать миропониманию и целям Сталина, и в этой ситуации вынуждены были действовать все.

Первым оценил новую ситуацию и вышел со своими предложениями Бронштейн-Троцкий, — и началась знаменитая «дискуссия о профсоюзах», спор среди вождей захватчиков на тему — что делать с Россией, что делать в России?.. Название этого исторического момента «дискуссия о профсоюзах» — это, мягко выражаясь, — откровенное лукавство советских идеологов и историков. Ибо этот момент в истории, этот спор правильно следует назвать: «дискуссия о внутренней политике» или «спор о дальнейшей судьбе захваченной России и её покоренных народов», или «дискуссия коммунистических вождей о стратегических действиях в России в мирный период» и т.п.

Много лет спустя Бронштейн в своей автобиографической книге напишет: «Политическое содержание дискуссии до такой степени завалено мусором, что я не завидую будущему историку, который захочет добраться до корня вещей». Разберемся. Бронштейн, с одной стороны, предложил некоторые новации по улучшению товарообмена между городом и деревней и замену грабежа продналогом. Кстати, замену грабежа «комбинированным» способом, включающим налог, в начале 1920 года предлагал Ю. Ларин-Лурье, а с другой стороны, он настаивал на продолжении прежней политики: ещё лучше и более усердно готовиться к очередному походу по завоеванию всей Европы, а внутри России продолжать политику расширенного военного коммунизма, намеченную в конце 1919 года и утвержденную, закрепленную в марте — апреле 1920 года на 9-м съезде РКП(б).

Напомню, — несмотря на то, что к весне 1920 года гражданская война на юге России ещё продолжалась, но уже стало понятно, что захватчикам удалось разбить Белых и отстоять свою Добычу, — и они на 9-м съезде без обиняков решили применить насильственные принудительные меры не только к крестьянам, но и к своему «любимому» пролетариату, решили полностью милитаризировать остатки российской экономики для дела своей мировой гегемонии. Ленин ещё в 1919 году предупреждал, что вольницы для рабочих не будет: «Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала», «революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким невыдержанным элементам самой трудящейся массы».

Поэтому об этом съезде обычно помалкивали советские идеологи, и помалкивают современные коммунисты во главе с Зюгановым. Именно на этом съезде Бронштейн-Троцкий произнес свою знаменитую речь:

«Мы говорим: это неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях не производителен... В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Безусловно, если мы серьёзно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом на данной стадии развития, рабочая сила не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначаема, командируема точно так же, как солдаты... Эта милитаризация немыслима без милитаризации профессиональных союзов как таковых, без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают!»

Как видите — уже тогда шла речь о профсоюзах и их новой роли, но тогда — весной 1920 года. — Ленин поддержал эту рабовладельческую инициативу, поэтому никакой «дискуссии о профсоюзах» ещё не было. Напомню старое название ленинской партии — РСДРП, в данном случае — этот был высочайший пик демократии Ленина, «защитника» угнетенного пролетариата... Кстати, и Сталину ничего не оставалось как поддержать эту рабовладельческую линию вождей, ситуация ещё не способствовала сопротивлению этому, противостоянию.

Согласно новой политике в апреле 1920 года на базе «Совета обороны...» был создан «Совет труда и обороны», и началась организация трудармий и строительство концлагерей. После возвращения из Польши, оклемавшись, осенью 1920 года Бронштейн продолжил гнуть свою прежнюю рабовладельческую политику. И чтобы хозяйственные проблемы и вопросы внутри захваченной страны не мешали работе вождей над «мировой революцией», — необходимо было свалить их на профсоюзы, включив их в государственную конструкцию, «срастить» их с государством. Кстати, таким образом в перспективе убиралась традиционная неизбежная проблема — конфликт профсоюзов с государством, на этот раз с коммунистическим государством. Отсюда и быстрые рабовладельческие способы-тезисы Бронштейна-Троцкого по организации и использованию покоренного русского народа и других народов Российской империи:

«Между экономическим и юридическим принуждением вообще нельзя провести водораздела», «репрессии для достижения хозяйственных целей есть необходимое орудие социалистической диктатуры», «Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба,

неподчинение и недисциплинированность будет караться тюрьмой и смертью» и т.п.

Стоит отметить, что отношение к покоренному русскому народу как к рабам не было секретом, например, истинная марксистка Аксельрод это рабство в России объясняла «научно» и свою первую лекцию в Институте Красной Профессуры начала философским откровением: «Есть избранные и толпа, господа и рабы. Избранные призваны делать историю. Толпа — навоз истории. Воля к власти — движущая сила человеческого развития. Ею обладают только избранные!» Понятно, что захватчики ликовали, ведь они были не просто — «избранными», а — «богоизбранными».

Понятно, что особо «богоизбранный» сатанист — Бронштейн-Троцкий не хотел возиться с этим российским навозом истории, ему было достаточно, что он его и так эффективно использовал в своих целях, — напялив на него буденовки и бросив в атаки против другой части родного «навоза», поэтому это грязное дело он решил сбагрить профсоюзам.

Троцкий считал, что с существующим профсоюзным руководством профсоюзы не способны выполнить новые функции, поэтому их следует «перетряхнуть». Это многозначительное - «перетряхнуть» вызвало панику среди большевиков, руководящих профсоюзами, которые стали отчаянно сопротивляться — горячо спорить, доказывать ошибочность предложений Троцкого. В их лице Троцкий получил стойких недоброжелателей.

Троцкий считал, что даже эти сугубо рабовладельческие методы не приведут к подъёму разрушенного российского хозяйства, а решит этот вопрос другое — его любимое: «Подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы», — утверждал он в 1922 году в своей работе «Программа мира». На стороне Бронштейна выступил Бухарин, Каменев и ещё несколько старых кровожадных большевиков-рабовладельцев. Ладно Бронштейн, у которого в генах, в крови были многовековые рабовладельческие манеры его предков, но русский выродок Николай Бухарин написал в этот период «фундаментальную» работу «Экономика переходного периода» (1920 г.), в которой пояснял — что надо делать с его покоренным народом «...принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Уверен, бесспорно, — Адольф Гитлер и Геббельс такое не утверждали по отношению к своему народу. Не зря русского Бухарина Ленин с большой симпатией называл — «любимец партии», и Бронштейну-Троцкому он был близок по духу...

Фракционная «рабочая группа» во главе с А. Шапошниковым болезненно наблюдала закабаление русского пролетариата и в идее возвышения роли профсоюзов, в участии их в управлении промышленностью видела своего рода выход из тяжелой ситуации, — в этом варианте рабочие через профсоюзы участвовали в управлении государством. Эту позицию Шапошников и его сторонники защищали до весны 1921 года, до 11 съезд РКП(б), до властного запрещения фракционной деятельности, к этому съезду «шляпниковцы» даже подали протестное «заявление 22-х».

По главной стратегической цели намерения Ленина осенью 1920 года не изменились и полностью совпадали с взглядами Бронштейна-Троцкого, — это стремление к мировой революции, к мировой гегемонии. 6 ноября 1920 года в речи, посвященной 3-й годовщине революции, Ленин объяснял: «...Наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, поэтому мы и начали дело исключительно в расчёте на мировую революцию». Что и позволило затем Троцкому в борьбе со Сталиным ссылаться на эти озвученные убеждения Ленина, Троцкий:

«Глубокий интернационализм Ленина выражался не только в том, что оценку международной обстановки он ставил неизменно на первое место; само завоевание власти в России он рассматривал прежде всего как толчок к европейской революции, которая, как он повторял не раз, для судеб человечества должна иметь несравненно большее значение, чем революция в отсталой России».

Эту же основополагающую идею озвучивал и Лейба Розенфельд-Каменев: «В поле зрения большевиков только одна мировая пролетарская революция, ибо русская революция погибнет без её поддержки». Стоит заметить, что Розенфельд сознательно лживо называл еврейскую революцию в России — «русской», а мировую еврейскую революцию — «пролетарской».

Осенью 1920 года взгляды Ленина на внутреннюю политику также существенно не изменились, — ударными темпами строились концлагеря, — к концу 1920 года было построено уже 84 ленинских концлагеря. Подчеркну — систему концлагерей Сталин не создавал, её создали Ленин и Бронштейн. Прежней оставалась позиция Ленина и по поводу крестьянства: в конце 1920 года Ленин был против хотя бы частичного освобождения крестьянства, был против замены грабежа продналогом.

А по поводу предлагаемого отношения к промышленности и по поводу новой роли профсоюзов Ленин был категорически против; он считал, что отдавать такое важное дело, как управление всей промышленностью страны, профсоюзам нельзя, это создаст бардак, хаос и дальнейшее падение промышленности. И Ленин был в этом совершенно прав. 30 декабря

1920 года Ленин выступил с критической речью «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», затем в начале 1921 года была издана его брошюра «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина». Ленин видел профсоюзы не как организацию, отстаивающую права рабочих и, возможно, противостоящую Советскому правительству, а как школу воспитания рабочих, как дополнительный идеологический инструмент партии и правительства, формирующий и удерживающий сознание пролетариата в нужных для захватчиков идеологических рамках.

Раскритиковал Ленин и Шапошникова за «анархо-синдикалистский уклон», и одним этим вычурным обзыванием сильно смутил эту «рабочую группу». Досталось от Ленина и «буферной группе» Сапронова-Бубнова.

Естественно, позицию Ленина против окончательного развала промышленности активно поддержал Сталин, который под прикрытием Ленина вдруг развернул настолько бурную деятельность против Бронштейна-Троцкого, что в марте 1921 года у некоторых делегатов 10 съезда Сталин получил прозвище — «архибешенный демократ».

Этот момент — «дискуссию о профсоюзах», вернее — о судьбе России, можно считать началом борьбы Сталина, но это ещё не была борьба за власть, а борьба против Троцкого и его единомышленников — против деструктивной, разрушительной политики, за созидательную политику в России.

По поводу — как восстанавливать промышленность, экономику страны и за счет чего, мнения также разделились. Как мы видели, Бронштейн считал, что это можно сделать за счет дешевого рабского труда подневольных армий. Здорово удивил всех в этом вопросе своим «новаторским подходом» и находкой сразу нескольких способов быстро разбогатеть главный борец с капиталистами — Ленин: «Удержать пролетарскую власть (читай свою власть. — Р. К.) в России без помощи крупного капитала — нельзя!» После чего фраза «Заграница нам поможет!» или «Запад нам поможет» — стала крылатой. Многие большевики, вероятнее всего, подумали, что придется просить у капиталистов кредиты. Но 23 ноября 1920 года на пленуме Московского областного комитета партии Ленин своим «креативным мышлением» ошарашил многих: «Мы обязаны помочь Западу нашими богатствами!» Оказалось всё наоборот. И Ленин объяснил, что самый быстрый способ поднять экономику страны — это привлечь в Россию инвестиции Запада, капиталистов, отдав им в концессию, в разработку природные богатства России.

И здесь стоит обратить внимание на полную аналогию с современностью — те же манеры демократов, — это чистая гайдаровщина-ельцинщина или чубайсовщина-путинщина-медведевщина того времени, и

что не В. Путин первый решил превратить Россию в сырьевой придаток Запада, подсластив этот примитивизм и варварство эпитетом — «сырьевая держава». Как видим — в этой теме В. Путин является верным ленинцем. Правда, тогда Ленин, имея опыт полезного использования германских денег, надеялся и теперь использовать деньги капиталистов в деле «мировой революции», фактически пытаясь обмануть их, соблазнив дешевыми богатствами России. А Ельцин и Путин поступили проще, честнее и примитивнее.

Вторым неординарным решением Ленина по добыче денег и получению лояльности от мировых заправил было — продать еврейским олигархам Крым и прилегающие земли под строительство Израиля, второй Хазарии. И после подготовки этой территории — зачистки от населения, с осени 1920 года Крым ударными темпами стали заселять евреями с помощью международных еврейских организаций и национальных капиталистов. 20 сентября 1920 года еврейская газета в Крыму «Дзе Американ Хебрец» объясняла особо неграмотным своим соплеменникам, редким еврейским крестьянам: «Большевикская революция в России была делом еврейских мозгов, еврейской неудовлетворенности, еврейской планировки, цель которых — создать новый порядок в мире».

Если продолжать проводить аналогию, то то же самое можно сказать о второй фазе планировки «перестройки»(с 1991 г.), и можно обратить внимание, что В. В. Путин отменил визы для граждан Израиля, и многие тысячи безработных или просто недовольных своим материальным положением израильтян хлынули на работу в Россию к своим одноплеменникам, руководящим фирмами, банками, работающим в госаппарате.

Третьей «креативной» «находкой» Ленина для быстрого улучшения экономики страны и подготовки очередного похода через Польшу в Германию было — вывести за границу и распродать российское золото и драгоценности из музеев. Немного позже, в начале 1922 года, четвертой «находкой», подсказанной невольно митрополитом, была организация широкомасштабного грабежа церквей и монастырей. Пятым решением и самым позитивным — было понимание необходимости развития крупной промышленности и надежда на чудо-электричество, и соответственно — план электрификации страны — ГОЭЛРО и введения электроплугов... Шестым, самым простым, примитивным и одновременно лукавым решением Ленина было — запустить на всю мощность денежные станки и печатать ничем не обоснованные, ничем не подкрепленные деньги.

Несмотря на принятие некоторых вышеперечисленных мер, в начале 1921 года дискуссия на тему — что и как делать в России, «дискуссия о профсоюзах» ещё больше разгорелась и напоминала картину «Лебедь, рак и щука» — «а разрушенная Россия и ныне в прежнем положении», поделив коммунистических вождей на несколько враждующих по этому

вопросу фракций. И эта принципиальная взаимная вражда и склока приобрела настолько серьёзный и опасный для коммунистов, для захватчиков характер, что Ленин написал статью, опубликованную в «Правде» 21 января 1921 года под названием «Кризис партии». В которой даже по поводу своего любимца писал: «...Верхом распада идейного являются тезисы Бухарина. Это полный разрыв с коммунизмом. Прежде главным был Троцкий. Но теперь Бухарин затмил его. Он договорился до ошибок, во сто крат более крупных, чем все остальные ошибки Троцкого, вместе взятые».

А по поводу своей диктаторской партии Ленин с большой тревогой фиксировал действительность: «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка». Ленин очень переживал эту ситуацию — когда его детище оказалось на грани крушения и все достигнутые результаты могли быть перечеркнуты. Ленин сильно переживал, нервничал и в результате сам подорвал себе здоровье и оказался больным, как его партия. Родная сестра Ленина Мария Ульянова вспоминала:

«Зимой 1921 года В. И. чувствовал себя плохо. Не знаю точно когда, но в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст цианистый калий. Сталин обещал. Почему он обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твёрдого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такой просьбой. С той же просьбой В. И. обратился к Сталину в мае 1922 года, после первого удара». Кстати, эта необычная интимная просьба — ещё одно свидетельство особого доверия Ленина к Сталину.

Вернемся к внутрипартийному раздраю по фундаментальной теме — что делать с захваченной Россией? — Восстанавливать и строить в ней образцовый коммунистический рай или просто использовать её как опорную колониальную базу террористов для дальнейших захватов, для мировой революции?.. И неизвестно до какой степени развивалась бы эта «болезнь» — раздрай коммунистической партии, если бы не оздоравливающая, сплачивающая большая беда для коммунистов в виде Кронштадтского восстания, восстания рабочих Петрограда и Москвы в феврале 1921 года, а затем и крестьян; это было неожиданное опасное возобновление Гражданской войны. «...Кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем бы то ни было», — признавался Ленин.

Обращаю внимание на то, как точно отражало воззвание Временного революционного комитета Кронштадта требование времени: «Товарищи и граждане! Наша страна переживает тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держит в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в состоянии вывести её из состояния общей разрухи...». То есть, — Ленину и его партии необходимо было уже давно начать созидать...

Созванный десятый съезд РКП(б) (8-16 марта 1921) срочно резко завершил все споры, дискуссию, осудил ленинских оппозиционеров и в специальной резолюции «О единстве партии» принял ленинскую платформу. Этот съезд предписал немедленно распустить все оппозиционные группы и не допускать впредь каких-либо фракционных выступлений в рядах партии, запретил всякую оппозиционность под угрозой исключения из партии и соответственно — снятия с должности. Таким образом, — с демократией в компартии было покончено, Ленин жёсткими волевыми методами решил сплотить партию, восстановить единство.

Обращаю внимание, впредь в борьбе с Бронштейном-Троцким и другими партийными оппозиционерами Сталин многократно будет очень эффективно, мастерски использовать доклад Ленина и резолюцию съезда «О единстве партии».

3 апреля Ленин произнес программную речь «О кооперации», в которой провозгласил определенную степень свободы в хозяйственной деятельности как отдельным лицам, так и коллективам. А в конце работы 10-го съезда — 15 марта было принято постановление «О замене разверстки натуральным налогом», — началась вынужденная реализация «Новой экономической политики». 23 марта 1921 года было опубликовано обращение ВЦИК и СНК «К крестьянству» о продналоге. При этом Ленин в рамках нэпа отказался от жестокой политики «заложников», — когда в случае невыполнения плана продразверстки каким-то крестьянином — снимали его недоимку со всей его деревни; теперь Ленин эту круговую деревенскую, «общинную» ответственность милостиво снял. Ленин стал освобождать крестьян для труда и разрешил торговать, — 24 мая 1921 года был издан декрет о свободной частной торговле.

После примирительного 10-го съезда Ленин произвел большие кадровые перестановки, «чистки» в ЦК и в Политбюро. Несмотря на установившийся мир внутри партии, Ленин старался удалить сторонников Бухарина и Бронштейна-Троцкого и поставить своих. В этой затянувшейся дискуссии на сторону Ленина и Сталина встал Апфельбаум-Зиновьев, и Ленин его отблагодарил, — сразу после съезда ввел его в состав Политбюро. Для контроля за решением съезда Ленин организовал Центральную Контрольную Комиссию — ЦКК, и стал организовывать филиалы ЦКК в регионах, в областных центрах. До 1923 года работу грозного ЦКК курировал Сталин. А с июня 1921 года под надзором ЦКК и ЦК началась широкомасштабная повсеместная чистка партии. Кстати, в этот год чистили не только партию, но и продолжали «чистить» покоренный народ, уничтожать остатки его элиты, — по «Делу

Таганцева», инициированного Апфельбаумом-Зиновьевым, в августе 1921 года расстреляли более 79 русских ученых и писателей вместе с Н. Гумилевым.

После примирительного в принудительном порядке съезда Сталин в марте 1921 года написал письмо Ленину, в котором были такие слова: «Последние 3 дня я имел возможность прочесть сборник "План электрификации России". Болезнь помогла (нет худа без добра!). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы.

Помните прошлогодний "план" Троцкого (его тезисы) "хозяйственного возрождения" России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным "спасти" Россию сагой старинной... А чего стоят десятки "единых планов", появляющиеся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек... Или еще: обывательский "реализм" (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще "критикующего" ГОЭЛРО и по уши погрязшего в рутине... Мое мнение:

1) не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;

2) начать немедленный практический приступ к делу;

3) интересам этого приступа подчинить по крайней мере 1/3 нашей работы (2/3 уйдет на "текущие" нужды) по ввозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.

4) Так как у работников ГОЭЛРО, при всех хороших качествах, все же не хватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в плановую комиссию к ним людей живой практики, действующих по принципу "исполнение донести", "выполнить к сроку" и пр.

5) Обязать "Правду", "Известия", особенно "Экономическую Жизнь" — заняться популяризацией "Плана электрификации" как в основном, так и в конкретностях, касающихся отдельных областей, памятуя, что существует только один "единый хозяйственный план", — это "план электрификации", что все остальные "планы" — одна болтовне, пустая и вредная».

Что мы видим в этом письме? — Это то, что любит видеть любой руководитель в умном советнике: четкость, конкретность, толковость.

Это тот случай, когда подчиненный ненавязчиво помогает думать и эффективно рулить. Желающих поболтать красиво обо всём, особенно о мировой революции, хватало, Ленин сам был горазд поболтать красиво, а вот людей дела, прагматиков было мало, поэтому можно с уверенностью утверждать, что Сталин в команде Ленина был на вес золота — необходим, востребован, незаменим.

В этом письме мы видим, что Сталин подталкивает Ленина заняться созиданием, строительством, — он пытается убедить Ленина в ценности плана ГОЭЛРО, составленного царскими специалистами, и в необходимости начать его реализовывать, и уже преподносит старт — первые шаги по реализации этого плана. При этом, несмотря на то, что официально борьба-дискуссия уже закончилась, Сталин не упускает момента «подставить» Троцкого, унизить его авторитет, сказав про его план: «какое убожество, какая отсталость», — такое про второго вождя революции, главнокомандующего всей Красной армией в то время мог позволить себе сказать далеко не каждый в верхушке партии... Мы видим — Сталин ведет себя уверенно, позиционирует себя высоко — не ниже Троцкого, похоже, — вышестоящих авторитетов среди боевых товарищей для него не существовало.

То, что теоретическая борьба по вопросу — что делать с захваченной Россией и для чего её использовать, была настолько острой, в том числе в спорах о ГОЭЛРО, что даже переходила в практическую плоскость, указывает тот факт, что во время работы съезда 11 марта 1921 года были совершенно безосновательно арестованы и брошены в тюрьму Генрих Графтио и все остальные «старые специалисты-энергетики» и руководители Волховстроя и Свирьстроя. «Какие-то силы» явно пытались остановить начало созидательного процесса, а Сталин усердно старался помочь «работникам» ГОЭЛРО, которых через несколько месяцев освободили.

Борьба вокруг ГОЭЛРО закончилась победой Сталина и Ленина только к концу 1921 года, когда этот план 21 декабря 1921 года удалось узаконить специальным декретом — «Декрет об электрификации Р.С.Ф.С.Р.». Хотя стоит отметить, что на этом этапе планом не были предусмотрены конкретные сроки и конкретные финансы и пр. — на все запланированные 30 электростанций, а был он больше похож на шумный, красивый пропагандистский ход Ленина — ответ упрекающим его восставшим кронштадцам и их сторонникам. Реально новые электростанции стали строится в СССР при Сталине после 1926 года.

Несмотря на примирительную, охраняющую единство партии резолюцию 10 съезда РКП(б) в марте 1921 года, борьба между двумя различными по концептуальным взглядам, по конечным целям группировками в партии в 1922 году ещё более усилилась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1922 год. Болезнь Ленина и единственный наследник власти

Начало 1922 года для Ленина и всего Центрожида было по-прежнему тяжелым: продолжалась возобновившаяся в предыдущем году Гражданская война в виде мощных крестьянских восстаний,

Ленин по-прежнему безрезультатно бился над производительностью рабочих и с давящей коммунистической бюрократией, денег по-прежнему нет, а надежды на западных инвесторов не оправдались - они экономику и промышленность Советской страны не собираются поднимать, аферы алчного друга А. Хаммера ситуацию кардинально не улучшают.

В феврале 1922 г. Чичерин сообщал Ленину нерадостные вести по поводу конференции в Генуе: «Никакие наши заверения не рассеют опасений иностранного капитала. Он пойдёт к нам только в том случае, если по общей нашей физиономии создаст себе убеждение в том, что идти к нам безопасно...». Кровавую грабительскую физиономию Советской власти быстро украсить было трудно, наскоро украсили интеллигентным и авторитетным Красиным, но эта маска пока не помогла, в советской стране не было даже Конституции...

И всю эту мрачную картину усугубил повальный смертельный голод в городах и даже в деревнях, тем более не улучшали настроения ежедневные телеграммы «с мест», например, как от 3 января 1922 года: «Наблюдается голодание... Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляют для пищи». Чувствовал ли Ленин хоть немного своей вины за эту ситуацию? Он в это время не только продавал за границу зерно, но и со своей чистой сатанинской совестью 16 февраля 1922 года опубликовал постановление о грабеже церквей — «Постановление об изъятии церковных ценностей». Начались скорые суды и расстрелы оставшихся до сих пор в живых священников и активистов из прихода.

Пожалуй, только в этом привычном, любимом деле у коммунистов было меньше всего бюрократии и волокиты. Во всем остальном собственная бюрократия приводила Ленина в бешенство, отбирая у него последнее здоровье.

Совершенно недемократическая оккупационная Конституция большевиков-демократов (РСДРП) 1918 года в связи с окончанием Гражданской войны требовала изменений и закрепления образовавшихся реалий. После окончания победоносной Гражданской войны стали ясны границы захваченной территории и народности её заселяющие, поэтому необходимо было всё это каким-то образом «окучить», структурировать, организовать — и закрепить в новой Конституции. Кроме этого Ленина раздражали в старой Конституции некоторые «демократические» неточности, и ему очень хотелось внести в некоторые моменты чёткость и ясность, и Ленин в начале 1921 года дал команду готовить новую Конституцию. Большевикские юристы-комиссары работали над ней усердно более года, но результаты их труда Ленину не нравились и его раздражали. К тому же другие большевикские лидеры также желали поучаствовать в важном историческом моменте — в составлении Конституции и своими «дельными» советами только мешали этой работе, например, мягкий и интеллигентный демократ Луначарский предложил откровенно, открыто отразить в Советской Конституции абсолютность власти ЦК Компартии над коммунистической партией, пролетариатом и всей страной, и предложил вставить важную поправку: «Законы Конституции не распространяются на ЦК» (письмо Луначарского Ленину от 13 января 1922 года).

К 11 съезду РКП(б) — к апрелю 1922 года Конституцию так и не написали. «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. Я ещё не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят», — писал разъяренный Ленин в Наркомюст, и сам активно подключился к этой работе. Причем у Ленина всё время получалось давать советы Наркому Юстиции Курскому сугубо в «ленинском духе»:

«Тов. Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела... Формулировать надо как можно шире...» — чтобы легче было подвести под расстрел.

Или ещё один совет Ленина «бестолковому» Курскому: «Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его официальным, ясно, без фальши и без прикрас... С коммунистическим приветом, Ленин». Захваченная Российская империя и так была сплошным концентрационным лагерем, но Ленин хотел сделать ещё «лучше» и надежнее...

Смертельный «коммунистический привет» Ленина в первой половине 1922 года, до его паралича, звучал часто, например, 19 марта 22 года по

поводу следствия-расправы над прихожанами г. Шуи, попытавшимися защитить свой храм от унижения и разграбления, кровавый вождь захватчиков приказывал, что следствие должно закончиться — «не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности и также и не только этого города...... Интересно, — остался ли в Шуе стоять памятник кровавому монстру Ленину, и поставили ли современные демократы по главе с Ельциным, Путиным и Медведевым памятник героическим прихожанам этого города?

После знаменитого откровенного признания отчаявшегося Ленина на 11 съезде РКП(б) (27 марта — 2 апреля 1922 года) — «Вырывается машина из рук. Как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда её направляют...», по предложению Розенфельда-Каменева в помощь беспомощному истеричному, явно не справляющемуся с государственной машиной Ленину 3 апреля 1922 года избрали Генеральным секретарем Сталина, хотя Ленин при обсуждении кандидатуры Сталина раздраженно ворчал: «Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда». Но лучшей, более толковой альтернативы Сталину не было.

Ленин, немного подумав, чтобы сбалансировать ситуацию между двумя разными концептуальными партийными фракциями, 11 апреля 1922 года на заседании Политбюро предложил назначить Бронштейна-Троцкого на должность своего первого заместителя в правительстве — заместителем Председателя Совнаркома. И в этой ситуации Троцкий допустил закономерную ошибку — отверг это предложение. Почему это была ошибка и закономерная? Закономерной — потому что Троцкий позиционировал себя вождем революции и страны наравне с Лениным, ведь это он сыграл решающую роль в октябре 1917 года в захвате столицы, и это он командовал Красной армией в Гражданскую и победил, и теперь у него в руках была самая мощная сила в стране — многомиллионная Красная армия, поэтому назначение в замы к Ленину... — это было для него явным унижением. К тому же мелкую рутинную, подсобную работу он не любил, это у него в ведомстве делал Эфроим Склянский с другими помощниками из Нью-Йорка, а Троцкий — глобалил... Тем более, что в этот период он уже начал готовить одобренный Лениным новый поход в Германию через Польшу, и стал его готовить более основательно, особенно в части подрывной деятельности в этих странах.

Отказ от предложенной должности был ошибкой Бронштейна, потому что через месяц — 25 мая 1922 года у Ленина случился серьёзный паралич, отнялась у палача часть тела и речь, онемел. Кстати, это спасло много русских жизней, ибо последнее время потерявший контроль над процессами в стране Ленин особенно свирепел, — именно перед параличом 19 мая 1922 года Ленин издал приказ «о высылке за границу писателей и профессоров», и в этом же месяце ещё успел устроить показательный судебный процесс над 54 православными священниками, из которых 11 священников расстрелял. Этот самый знаменитый в начале 20-го века демократ «забыл» ещё в 1917 году, что на международном съезде социал-демократов в Копенгагене в 1910 году подписал резолюцию против смертной казни...

А с 25 мая 1922 года Ленин на несколько месяцев выпал из своей кровавой работы.

30 мая 1922 года немощный Ленин, боясь мучительной смерти, просил Сталина дать ему яд для самоубийства. В этой ситуации, если бы Бронштейн-Троцкий месяц назад принял бы предложение Ленина, то стал бы главой правительства, оставаясь при этом главнокомандующим армии, то есть — у него была в руках почти вся власть в стране, — и вопрос преемственности власти в России был бы решен «автоматически», «естественно», как и дальнейшая судьба России и её народов, и роль Сталина в истории была бы совсем другой. В создавшейся же ситуации больного Ленина на посту председателя Совнаркома заменил Розенфельд-Каменев.

Скорее всего, у Ленина последние месяцы были серьёзные проблемы со здоровьем, но он не говорил об этом и надеялся — пройдет, а когда состояние усугубилось и сильно «прижало», то он стал готовить себе, по его мнению, достойную замену, наследника верховной власти, и Ленин упорно шел к своей цели. Несмотря на отказ Бронштейна-Троцкого, когда осенью 1922 года Ленин вернулся *после* затяжной болезни к работе, он опять повторил это предложение Бронштейну. И Троцкий опять отказался. И это, как казалось Ленину, легкомыслие Троцкого или даже его глупость сильно раздосадовала и даже разозлила Ленина, который решил реализовать свою непонятую Бронштейном мудрость оригинальным путем, — по предложению Ленина Сталин внес на рассмотрение Политбюро вопрос об отказе Троцкого работать в Совнаркоме, — чтобы заставить «неразумного» Троцкого согласиться. Но Троцкий уперся, — принципиально отказывался.

Почему Бронштейн-Троцкий так «странно» поступал? На что он рассчитывал? — Он был полностью уверен, что в любом случае, в любом «раскладе» после Ленина ему, как второму равному вождю, нет альтернативы. Чтобы это понимать, необходимо осознать статус Бронштейна-Троцкого в то время, его значимость и его славу среди «своих», — «Вот пришла великая революция и чувствуется, что как ни умён Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого», — восхищался первый председатель ЧК Моисей Урицкий. А самый интеллигентный захватчик России, прибывший из Италии, А. В. Луначарский-Хаимов утверждал,

что Бронштейн проявлял «необыкновенную элегантность», «ораторский и писательский талант», «большую ортодоксальность, чем у Ленина», и что — «Не надо думать, что второй вождь революции во всём уступает своему коллеге; есть стороны, в которых Троцкий, бесспорно, превосходит его; он более блестящ, он более ярок, он более подвижен», поэтому, по мнению Луначарского, многие были «склонны видеть в нём подлинного вождя русской революции» (Луначарский «Лев Троцкий»).

«Стоит ли удивляться, что наиболее неумеренные поклонники наркомвоенмора утверждали, будто Троцкий "воплотил в себе весь характер русской революции". Был её "главным архитектором", "экстрактом, её лицом, её душой", называли его "главным вождем Октября", поскольку, якобы, "Ленин опоздал в Смольный", "Русский Лассаль"», — заметил исследователь истории и автор интересной книги о Троцком В. Клушин.

В отличие от Ленина, Троцкий был явным лидером «революционной нации», «победившей нации», гегемонов. И как этот лидер в 1919 году на митинге в Киеве по поводу еврейских погромов на Украине Лейба Бронштейн театрально восклицал: «Неужели вы дадите уничтожить нацию, которая создала русскую революцию и стоит во главе её?» Кстати, — весьма оригинально звучит, что еврейская нация «создала русскую революцию», а не еврейскую революцию в России... А «заслуженный» еврейский террорист XX века Гершуни объяснял этот феномен вождя Троцкого, зря в саму суть: «Он был Прометеем не потому, что таким уродился, но потому, что он дитя народа-Прометея...».

И город Троцк (Гатчина) при жизни еврейского «Прометея» появился раньше Ленинграда. И почти все киноленты тех времен были не о Ленине и тем более — не о Сталине, а о Бронштейне. И неслучайно Л. Г. Дейч вместе с американским еврейским журналом «Цукунфт» задумали серию книг под названием «Евреи в Русской революции», в которых Бронштейна был — «главный вождь Октября». Поэтому после первого паралича Ленина сравнивать шансы на роль его преемника Бронштейна и Сталина было даже смешно, трудно сравнивать. Троцкий в 43 года был в расцвете сил, был единственным «заслуженным» преемником, не видел конкурентов, и даже не предполагал, что может быть кто-то другой на это самое высокое местно во власти, и был в этом уверен и спокоен.

А если у Бронштейна получилось бы успешно реализовать очередной этап своей великой цели - прорваться через Польшу в Германию, и затем объединенной мощью захватить всю континентальную Европу и возглавить большевикские Советские Соединенные Штаты Европы, то он со снисходительной усмешкой смотрел бы сверху вниз на провинциальную, периферийную Россию с её проблемами и на Сталина, даже если бы Сталин и возглавил бы эту сырьевую восточную провинцию

ССШЕ... А Бронштейн-Троцкий был уверен, что со второй попытки — в 1923 году это у него точно получится.

Луначарский в своей книге подчеркнул такое качество характера Бронштейна как «огромную властность». И Клушин в своём исследовании отметил: «Вспоминая о тюремно-ссыльной эпопее, его подельник Г. А. Зив, один из первых принявший после революции предложение Дейча о написании книги о Троцком, указал, что Бронштейн... ни в чём не терпел первенства над собой». Свою огромную алчность власти Бронштейн частично реализовал уже с 1917 года и продолжал реализовывать, а вопрос первенства удачно решался после начала серьёзной болезни Ленина. К тому же на стороне Бронштейна был и Запад в лице его бесспорных лидеров Англии и США. «Вся так называемая русская революция 1917 года готовилась под Троцкого. Ленин был подставной и временной фигурой, которая должна была исчезнуть, как только в этом возникнет необходимость», — отметил в своей книге известный исследователь истории этого периода А. Мартиросян. Об этой «глобальности» Бронштейна-Троцкого намекал в своих мемуарах и В. Молотов:

«...В партии и государстве очень решающе действовал Троцкий. Опасная фигура. Чувствовалось, что Ленин рад был бы от него избавиться, да не может».

Вот через год после окончания Гражданской войны «что-то» и «случилось» со здоровьем Ленина-Бланка, и можно вспомнить знаменитую фразу: «Мавр сделал своё дело, — мавр должен уйти». Этот вариант также имеет право на жизнь, но я сторонник того, что Ленин «сгорел на работе».

В общем, ситуация была такова, что в этот период всё способствовало хорошему и даже благостному настроению Бронштейна. И как показали последующие события — эта самоуверенность сильно подвела Троцкого, была причиной его ошибок. Вернее, если бы не решение Сталина побороться за власть в условиях смертельной болезни Ленина, то всё у Троцкого было бы хорошо и вполне естественным образом.

А Сталин, имея призрачные шансы реализовать свои менее амбициозные цели, всё-таки решил примерно с конца мая — начала июня 1922 года побороться с Троцким за власть в захваченной Российской империи, используя свою новую должность. Когда Сталина избрали генеральным секретарём партии, тогда эта должность не была такой важной и главенствующей, как, например, многие из нас наблюдали Цри Брежневе. Тогда это была второстепенная нудная аппаратная работа, которая включала в себя и работу с кадрами, их назначение и перестановку. Были на этой должности свои плюсы в виде влияния на кадровую политику и на кадры, например, Ленин в письме Сталину 22 апреля 1922 года писал:

«т.Сталину. Прошу Секретариат ЦК (а если это компетенция не его, а Оргбюро, то Оргбюро) постановить:

1) Поручить немедленно НКидел запросить визу для приезда в Германию Глеба Максимильяновича Кржижановского, председателя Госплана, и его жены....

2) Дать отпуск обоим этим товарищам на время, необходимое для лечения Г. М. Кржижановского в Германии... Речь идет о лечении грыжи...».

Плюсами этой должности Сталин стал пользоваться эффективно, даже талантливо. Сталин, не афишируя своих целей, активно включился в борьбу за власть. И этот ранний старт — до обнаружения конкурента Бронштейном, позволил ему в этой, казалось бы, безнадёжной борьбе накопить весомые плюсы, увеличить свой вес и влияние, создать коалицию авторитетных членов партии против Бронштейна. Пользуясь своим должностным положением, Сталин стал назначать на различные важные посты своих людей, единомышленников.

Как указывает в своей книге по истории СССР М. В. Ходяков — с лета до конца 1922 г. было произведено 4 750 назначений на ответственные посты. Сталин незаметно, упорно ставил на различные посты свои кадры. При этом, по логике — он должен был ставить на должности большевиков нееврейской национальности, заинтересованных в подъёме России, но он, будучи юдофилом, ставил на должности и евреев — единомышленников. Например, в 1922 году Сталин встретил приехавшего по делам в столицу из далекого Туркестана Лазаря Кагановича и сразу предложил ему должность заведующего Организационно-инструкторским отделом ЦК, не дав ему даже вернуться в Туркестан за вещами.

В августе 1922 года, во время отсутствия больного Ленина, на 11-й Партконференции, посвященной борьбе с коррупцией среди коммунистов, Сталин способствовал принятию оригинального решения не в ленинском стиле, — якобы чтобы оградить партийную верхушку от соблазна брать взятки — было принято решение: дать значительные материальные привилегии партработникам различных руководящих уровней, — и была принята резолюция «О материальном положении активных партработников». Теперь партработникам были сильно увеличены зарплаты, они обеспечивались отличным жильём, имели возможность отличного бесплатного лечения, отдыха на курортах и в санаториях, включая зарубежные. Понятно, что в условиях, когда партработники и так различными путями двигались в сторону «заслуженного» обогащения, к коммунизму при жизни, — все они и члены их семей очень обрадовались такому улучшению их положения. Соответственно Сталин, который принимал в этом решении самое активное участие, — заработал среди аппаратчиков, руководителей разного уровня множество симпатизеров, что было немаловажно в грядущей борьбе за власть.

На новой должности у Сталина было ещё одно преимущество, — Сталин постоянно общался с представителями разных регионов, приезжавших из разных уголков страны, поэтому прекрасно ориентировался в ситуации в стране, в различных её частях. Более того, — Сталину «ситуацию с мест» доносили не только многочисленные командированные в регионы инструкторы ЦК, но ради получения более объективной картины — его информировали учрежденные им специальные информаторы на местах, в регионах. В то время, когда Троцкий готовился к очередному походу и не вникал во внутренние дела в России, Сталин методично набирал силу — увеличивал количество своих сторонников.

В сентябре 1922 года немного выздоровел и вернулся к работе Ленин, который сразу окунулся в работу 4-го Конгресса Коминтерна и в плане дальнейшей чистки своей партии добился принятия решения — запрета коммунистам совмещать свою деятельность в масонских организациях. Замечу — до этого момента не было запрета на деятельность масонских организаций в Советской России, Ленин уважал своих союзников по разрушению Российской империи и их не трогал. И теперь Ленин масонские организации не разгонял, давал им свободу деятельности в РСФСР и затем в СССР, но только ограничивал в них участие коммунистов. Только Сталин в 30-х запретил и разогнал масонские организации.

После этого локального успеха Ленин осенью 1922 года решил принять активное участие в важном деле создания нового большевикского государства — СССР, и в этой истории случился у него серьёзный конфликт со Сталиным. Этот конфликт был во многом закономерным, принципиальным, а его результат через семьдесят лет сыграл большую роль в развале СССР. Этот конфликт между Лениным и Сталиным более детально рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Конфликт Сталина с Лениным по вопросу государственности

На исходную базовую платформу этого периода мы уже обращали внимание: 1) власть в России коммунистами во главе с Лениным и Бронштейном захвачена; 2) все попытки эту власть у них отобрать — отбиты, — Гражданская война большевиками-захватчиками выиграна; 3) продолжить мировую революцию не получилось, — поход в Германию через Польшу провалился; 4) захватчики вынуждены оставаться в России и что-то делать, и в первую очередь вынуждены организовывать жизнь внутри страны, и вынуждены отбросить знаменитую глупость К. Маркса, вернее — его коварную лукавую идею первого этапа захвата власти — о разрушении и упразднении государства как такового, и вынуждены строить своё государство в мирных условиях, — свой «аппарат насилия».

Из последнего пункта вытекает логический вопрос — как должно (будет) выглядеть это новое государство, как будет устроен этот новый, явно более жестокий аппарат насилия демократов? Некоторые ответы-решения захватчиков на этот вопрос мы уже наблюдали в предыдущих главах. Осталось им решить ещё одну важную проблему в построении нового государства. При захвате власти в России Ленин обещал народу, разным его частям следующее: 1) солдатам — окончание участия в войне, 2) крестьянам — землю, 3) рабочим — заводы и коммунизм, 4) различным нациям, кроме русской — свободу, равенство и суверенитет — свободу самоопределения вплоть до отделения; всё это для наций было закреплено Лениным на первой неделе его власти документом — «Декларация прав народов России» 2 ноября 1917 года.

Через 4 года эти обещания Ленина выглядели следующим образом: 1) да, солдат Ленин вывел из участия в мировой войне, но — им при-

шлось воевать ещё несколько лет, Ленин одурачил их перечисленными обещаниями и ещё три года использовал в войне внутри страны против своего же народа. Затем одни солдаты стали надзирателями покоренного народа, борцами с оппозицией и охраной захватчиков, других демобилизовали из армии и они вернулись к крестьянскому и пролетарскому труду, а из третьих на жестких кабальных условиях Ленин стал формировать трудармии.

2) Крестьяне не стали собственниками земли, а стали арендаторами и подверглись жестокой эксплуатации-грабежу, а когда всё поняли — прозрели — и восстали против захватчиков, то Ленин жесточайшим образом подавил их армией, запугал и закабалил для дальнейшей эксплуатации, форма которой с 1922 года поменялась.

3) Рабочие в собственность заводы не получили — заводы, как и земля, стали государственными, в данном случае — собственностью захватчиков, жизнь рабочих не стала лучше, чем при царе, а даже намного хуже, и никакого коммунизма они пока не увидели, кроме обещания его скорого строительства, более того — в 1920 году их закабалили, объясняя это необходимостью политики милитаризации промышленности ради «мировой революции»; а когда многие рабочие наконец-то всё поняли — прозрели — и восстали в 1921 году (и до 1921 г.), то их также Ленин подавил военной силой, запугал и усилил пропаганду-обещание грядущего райского коммунизма.

4) Воспользовавшись обещанием Ленина закрепленным в «Декларации прав народов России», из бывшей Российской империи вышли, отделились и стали суверенными — Финляндия, Польша, Украина и Кавказ в своём разнообразии. Всех перечисленных Ленин попытался вернуть обратно военной силой под свою власть, в свое новое государство, но удалось вернуть только Украину и Кавказ, - это мы подробно рассматривали, наблюдали в предыдущей книге этой серии.

И только теперь, в середине 1922 года, когда захватчики стали думать над устройством своего государства и Конституции для него, — им пришлось определять свою политику по отношению к нациям в новых условиях, особенно к нациям кроме русской — к так называемым «нацменьшинствам», ибо принятая в 1917 году «Декларация прав народов России» перестала быть технологически актуальной, и более того — она стала вредной, ибо привела уже к существенным потерям территорий и населения и в перспективе могла привести к следующим потерям. В августе 1922 года во время отсутствия по болезни Ленина начала работать специальная комиссия во главе со Сталиным, которая должна была подготовить принципиальную основу национальной политики, структуру будущего государства, основы договора между советскими республиками. А когда в сентябре 1922 года к работе вернулся Ленин и

вмешался в работу по этому вопросу, то между Сталиным и Лениным вспыхнул конфликт, который, если подробнее рассмотреть их взгляды по этому вопросу, — был неизбежен, закономерен. Далее посмотрим, с какими убеждениями Сталин подошёл к этому моменту истории к августу-сентябрю 1922 года.

Сталин задолго до революции считался специалистом по национальным вопросам. Когда в 1912 году Сталин был в Вене, то Ленин ему, как представителю нацменьшинства, поручил написать статью по национальной политике большевиков. К концу 1912 года Сталин написал требуемую статью, а в начале 1913 года она была опубликована под названием «Марксизм и национальный вопрос». Понаблюдаем за ходом сталинской мысли:

«Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей. Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен. Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей».

Из этого простого примера логически выходило, что, например, в России из представителей разных наций, разных рас и племен при соответствующих стараниях и при создании соответствующих условий бытия (по Ламарку) в течение определенного исторического времени можно создать новую нацию или одну «общую» нацию с совсем новым названием, например, — «советскую нацию», которую можно будет сформировать, слепить в короткий срок из русских, татар, украинцев, башкир, белорусов, таджиков и других народов...

И таким образом, опять же по Ламарку, из представителей разных наций можно создать нового человека с новым мышлением, с новым менталитетом — «советского человека», с новой космополитической национальностью — советской... После чего, например, за границей на вопрос, подразумевающий национальность — Вы кто? — Грузин, русский, киргиз, калмык и белорус давали бы совершенно одинаковый гордый ответ: «Советский человек!». Надеюсь, — вы помните упоительное увлечение Сталина Ламарком и даже его доработку в виде усовершенствования и идеи Ламарка и переработанной К. Марксом банальной старой масонской идеи денационализации, обезличивания и универсализации. Теперь от теории к практике, к реализации этой идеи было намного ближе, чем в 1906 году...

К сожалению, молодые читатели, родившиеся примерно после 1980 года, не поймут изложенное выше так быстро, как более старшие поколения, которые часть своей сознательной жизни прожили в СССР.

Кстати, сегодня, в 21 веке, эта идея по-прежнему жива не только у масонов, но и у некоторых наших граждан и даже ученых, например, в журнале «Оппонент» за декабрь 2008 года, можно узнать убеждения доктора философских наук Игоря Чубайса (родного брата скандального крупномасштабного афериста А. Чубайса), который, рассуждая на заданную журналом тему рынка и экономики, счел необходимым обратить внимание на следующее:

«...Замечу — везде, везде в мире нация — понятие гражданское, нация — это то, что порождает государство. В США живут американцы — белые, желтые, желто-черные... на Кубе — кубинцы (тоже белые, черные и т.д.), в Индии — индийцы... И только советско-постсоветское государство — многонационально, здесь нацию определяют по крови. Раз многонационально — значит кто-то "самый", а кто-то ещё "самее"...».

Кстати, исходя из этих космополитических масонских и болыневикских рассуждений в «перестройку» первым и главным делом — из гражданских паспортов убрали строку о национальности, и этим обезличили и якобы распатриотили. Осталось у профессора Чубайса выяснить: готов ли он не на словах, а на деле, являясь по маме Раисе Хаимовне «самым-самым», отказаться от своей «богоизбранной» национальности?..

Вернемся к креативному нацмену и космополиту Сталину. Далее в статье «Марксизм и национальный вопрос» звучали те же нотки ламаркиста Сталина: «Нечего и говорить, что "национальный характер" не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент, — он накладывает на физиономию нации свою печать. Итак, общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации. Таким образом, мы исчерпали все признаки нации».

То есть, — «национальный характер» можно изменить, если изменить условия жизни, особенно если в перечень этих условий вставить мощные факторы формирования — информационные: ограничение информации, целенаправленная информация плюс целенаправленное воспитание с детства и пропаганда. Любимый Сталиным К. Тимирязев поставил перед наукой смелую задачу — «лепить органические формы», а Сталин после революции — «выращивать новые поколения». Но с той скоростью и усердием, с которой Сталин стал выращивать новые советские поколения пропагандой и общей бедой примерно с 1934 года, также можно использовать глаголы — «лепил» или «спаивал» (от — глагола «спаять»).

Забегая на много лет вперёд, замечу, — уверен, что многие наши современники, которым сегодня за 40 лет, помнят период 60-70 годов 20-го столетия в СССР, ту — довольно благостную атмосферу в нацио-

нальном вопросе, и что представители разных национальностей не раз ловили себя на мысли в тот период или вспоминая тот период: не важно, какой ты национальности, есть проверенная дружба народов в горе и в радостях, есть нечто общее, существенное, под названием — «советский народ» и «советский человек». Исключением, как почти всегда, были самые «богоизбранные» из «богоизбранной нации», которые не ассимилировались, несмотря на некоторое количество смешанных браков, а опять стали на революционный путь борьбы — и диссидентствовали...

Касательно национального вопроса, обсуждаемого в 1922 году, Сталин в 1912 году в вышеназванной работе утверждал: «Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна. Во-первых, она искусственна и нежизненна, ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых жизнь, действительная жизнь, разъединяет и перебрасывает в разные концы государства. Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведет к точке зрения "размежевания" людей по национальным куриям, к точке зрения "организации" наций, к точке зрения "сохранения" и культивирования "национальных особенностей", — дело, совершенно не идущее к социал-демократии.

Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхсрате, отделившись от немецких с.-д. депутатов, объединились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское "коле". Не случайность и то, что сепаратисты из Бунда увязли в национализме, превознося "субботу" и "жаргон". В Думе нет еще бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в "руководящих учреждениях" которой Бунд устраивает, пока что, "объединёнку" еврейских рабочих и буржуа. Такова уж логика культурно-национальной автономии.

Итак, национальная автономия не решает вопроса. Где же выход? Единственно верное решение — областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п. Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории. Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, — наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам. Наконец, она дает возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра, — функции, не присущие культурно-национальной автономии. Итак, областная автономия, как необходимый пункт в решении национального вопроса. Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз».

Как видим — Сталин выступает с позиции крепкого государственника, с позиции укрепления государства, дабы избежать опасного «размежевания» и «межевания по нациям», и у него в голове давно сидит убежденность в областной автономии внутри государства, — в отличие от ленинской убежденности: на право наций на самоопределение и равный союз национальных суверенных республик.

В работе Сталина 1912 года «Марксизм и национальный вопрос» можно отметить ещё одно его убеждение, которое он реализует, придя к власти: «...Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте... Что особенно волнует национальное меньшинство? Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком, — и недовольство пройдет само собой. Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу, — и недовольство потеряет всякую почву. Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести (свобода вероисповедания), передвижения и пр. Дайте ему эти свободы, — и оно перестанет быть недовольным. Итак, национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.)».

Во время гражданской войны в апреле 1918 года Сталин ещё раз подтвердил свои взгляды убежденного государственника и в «Правде» писал: «Федерализму в России... суждено, как в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль — к будущему социалистическому унитаризму». Далее его прогресс в этом вопросе выглядел вполне логично: «Стране нужна сильная общероссийская власть... создание местных и областных суверенных органов власти параллельно с властью центральной означало бы на. деле развал всякой власти». Итак, — Сталин желал создать сильное унитарное государство с сильной общероссийской центральной властью, и, соответственно, был против всяких «суверенных» рисков, угрожающих обратному.

А какова же была позиция Ленина по национальным вопросам? Ленин прекрасно понимал абсурд или коварное лукавство К. Маркса о разрушении и упразднении государства, и также был за государство и за сильное государство. В начале 1915 года в своей работе «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» Ленин писал: «Выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны». Лозунг — «права наций на самоопределение» он использовал как временный, как политтехнологический прием, политтехнологический трюк — для разрушения Российской империи, чтобы активизировать национальные сепаратистские силы против центральной имперской власти, чтобы соз-

дать царю больше врагов, а себе больше союзников, чтобы активизировать дополнительные союзные силы для подрыва русской национальной власти. И это ему удалось осуществить.

В той же работе в 1915 году Ленин пытался своим как-то объяснить не очень конкретно, немного витиевато: «Таким образом, это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательно выражение борьбы против всякого национального гнёта».

Для особо непонятливых товарищей Ленин в 1917 году объяснял более доходчиво: «Вопрос о праве наций на освобождение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации... Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать с точки зрения... интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм».

И становиться понятным, что «право на самоопределение» Ленин декларирует не для «борьбы против всякого национального гнёта», а для усиления «классовой борьбы пролетариата», то есть — в своей борьбе за власть, что это — политтехнологический обманный зажигательный лозунг.

Как показали события 1917-1918 гг., — от Российской империи не только откололись некоторые народы с территориями, но и этим политтехнологическим лозунгом Ленину удалось вызвать ненависть некоторых народов Российской империи к русскому народу и насилие по отношению к нему, — что было немаловажно, ибо русский народ был государствообразующим, опорным народом Российской империи.

Когда в начале января 1918 года российские народы хотели самоопределиться на Учредительном собрании, то Ленин не позволил это сделать, — жестоко разогнал представителей народа, депутатов. В других народах этот процесс Ленин уже не смог контролировать и подавить, и процесс самоопределения стал синонимом сепаратизма — тут же вышла из состава империи Финляндия, Польша, Украина и закавказские республики. Толкнув этот процесс сепаратизма, к суверенитету и отделению, Ленин не знал — как его быстро и мирно остановить. И Ленин ничего лучшего не мог придумать, — как попробовать остановить его военной вооруженной силой, но это не всегда приводило к желаемому результату.

В январе 1918 года на III съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сталин попробовал придать ленинской «Декларации...» новый оттенок: «Мы признаем самоопределение, но не как самоцель, а как средство для перехода к социализму... Если какой-нибудь народ хочет войти в федерацию, он должен установить у себя власть Советов». Это выглядело довольно забавно, ибо очереди желающих

слиться с большевиками не было. А вот желающих уйти подальше оказалось много. Вначале Сталин попытался объяснить этот процесс самоопределения-ухода внешними факторами, — и по поводу отделения Украины и Закавказья Сталин в ноябре 1918 года опубликовал в «Правде» статью «Октябрьский переворот и национальный вопрос», в которой писал о том, что необходимо пересмотреть принцип «свободы самоопределения», ибо самоопределение и отделение стало происходить в результате «иностранного вмешательства и оккупации окраин».

К концу Гражданской войны отношение к принципу свободы самоопределения народов у Сталина стало вызывать сильное раздражение, он стал яростно бороться с ним, — в начале 1920 года Сталин писал Г. В. Чичерину: «...Признание независимости Азербайджана считаю недопустимым». И болыневикское руководство во главе с Лениным в результате этой категоричной позиции Сталина в феврале 1920 года отказало признать независимость Азербайджана. И, внезапно «забыв» право наций на самоопределение, весной 1920 г. ленинцы военной силой установили советскую власть в Азербайджане, а во второй половине 1920 года послали Красную армию в Персию (нынешний Иран), чтобы помочь местному народу самоопределиться, и насильно советизировали северных персов, которые через несколько месяцев на самом деле самоопределились и прогнали большевиков.

Теперь выход и метод против действия ленинского принципа «свободы самоопределения» был только один, и чтобы предупредить сближение и даже союз Грузии с новым покровителем — Англией, Сталин Чичерину 8 ноября 1920 года рекомендовал срочно «накоплять силы для оккупации Грузии». Сам Сталин в это время активно занимался советизацией Армении, играл в сложные игры с турками.

Сразу *после окончания* Гражданской войны и наступления мирного периода Сталин, как глава Наркомнаца, попытался решительно изменить былую ленинскую политику в вопросе «свободы самоопределения» и четко, категорично задал новый вектор, новую политику, — 10 октября 1920 года Сталин в статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России» писал:

«Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому что оно в корне противоречит интересам народных масс».

Ленин тогда промолчал, пропустил, и даже на деле согласился со Сталиным, ибо с его согласия в начале 1921 г. большевики силой установили советскую власть в Армении, Грузии и на Северном Кавказе. В январе 1921 года Сталин разработал проект декрета ВЦИК и СНК

об Автономной Дагестанской ССР, этот проект мог быть образцовым, пилотным для всех республик этого региона.

В докладе на 10 съезде РКП(б) в марте 1921 года Сталин подчеркнул:

«Товарищи! Самое характерное для данного съезда в дискуссии по национальному вопросу — это то, что мы перешли от декларации по национальному вопросу через административный передел России к практической постановке вопроса». С этого момента началось практическое решение вопроса о структуре будущего государства. На этом съезде можно было услышать любопытные рассуждения Сталина:

«Положение великорусской нации, представлявшей господствующую нацию, оставило следы своего влияния даже на русских коммунистах, не умеющих или не желающих подойти ближе к трудовым массам местного населения... Я говорю о тех немногочисленных группах русских коммунистов, которые, игнорируя в своей работе особенности быта и культуры на окраинах, иногда уклоняются в сторону русского великодержавного шовинизма».

Интересно заметить, — через полтора года в великодержавном шовинизме Ленин обвинит Сталина. Обращаю внимание на высказывание Сталина в прошлом времени о русской нации — «представлявшей господствующую нацию», — то есть теперь русская нация не господствующая и не будет таковой в намечаемом государстве большевиков, хотя она количественно останется основной в государстве, но уже не будет государствообразующей. И это совершенно верно, ибо теперь господствующей нацией и образующей новое государство — государствообразующей была еврейская нация, а русская была свергнутой и покоренной.

На этом же съезде Сталин озвучил новую трактовку ленинского принципа, сдвиг со старой позиции, — Сталин: «Третья ошибка тов. Чичерина состоит в том, что он слишком много говорит о национальном самоопределении, которое действительно превратилось в пустой лозунг, удобно используемый империалистами. Тов. Чичерин странным образом забыл, что мы с этим лозунгом распростились уже два года. Этого лозунга у нас больше нет в программе. У нас говорится в программе не о национальном самоопределении, — лозунг совершенно расплывчатый, — а о лозунге более отчеканенном и определенном — о праве народов на государственное отделение. Это две разные вещи...

Поскольку же мы имеем дело с теми колониями, которые находятся в тисках у Англии, Франции, Америки, Японии... постольку лозунг права народов на отделение является революционным, и отказаться от него — значит сыграть на руку империалистам».

Как мы видим — этот лозунг стал уже «расплывчатый», и его удобно использовать для дальнейшего разрушения только во вне — в очередных

революциях в других государствах, для разрушения других многонациональных государств. Понятно, что во внутренней политике уже захваченной России необходимы были уже другие лозунги.

Ещё в марте 1922 г. между тремя республиками: РСФСР, Украиной и Белоруссией был заключен незамысловатый договор, устанавливавший простой союз на федеративной основе. А с другими республиками вопрос оставался открытым. Во время болезни и отсутствия Ленина 10 августа 1922 года Политбюро образовало комиссию под председательством Сталина, ибо с момента создания первого советского правительства он возглавлял наркомат по делам национальностей. Эта комиссия должна была к очередному Пленуму ЦК подготовить проект о принципиальных основах новой системы отношений между республиками, взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных советских республик. В комиссию кроме Сталина входили: В. Куйбышев, Г. Орджоникидзе, Х. Раковский, Г. Сокольников и представители национальных республик — по одному от каждой.

Сталин, как наркомнац, естественно задал соответствующий тон работе этой комиссии и согласно своим убеждениям, высказанным ещё осенью 1920 года, решил поступить просто и надежно — включить в состав РСФСР все остальные республики на правах автономии, высказался за соответствующую структуру управления — за «единый хозяйственный организм на объединенной территории советских республик с руководящим центром в Москве», и, следовательно, за распространение «компетенций» центральных правительственных органов РСФСР на все другие советские автономные республики. И, соответственно, этот план был назван — «планом автономизации».

Убежден, — Сталин был уверен, что в этом вопросе со стороны Ленина не возникнет никаких препятствий или существенных возражений, ибо, во-первых, он считал Ленина умным человеком, а в новой ситуации, по здравомыслию и логике — национальную политику необходимо было менять, ибо то, что было утверждено четыре года назад для развала Российской империи и захвата в ней власти, сейчас было не только не актуально, но и могло мешать, создавать проблемы и опять повторно сослужить ту же разрушительную функцию — только теперь уже по отношению к новому большевискому, советскому государству. К тому же до этого момента был уже прецедент — весной 1918 года была создана первая автономная республика — Татаро-Башкирская, которую включили в состав РСФСР, и сам Ленин 20 марта 1919 года подписал соглашение об автономии Башкирии, а 11 апреля 1921 года большевиками было объявлено о создании Туркестанской автономной республики. То есть, — процесс автономизации успешно продвигался...

И теперь Сталин с комиссией в этом русле подготовил проект резолюции, предусматривавший вхождение Украины, Белоруссии, Закавказских республик в РСФСР тоже на правах автономных республик, очень похожих на областные автономии. Вот как звучала главная часть этого проекта:

«1. Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР...

2. В соответствии с этим постановления ВЦИК РСФСР считать обязательными для центральных учреждений упомянутых в пункте 1 республик, постановления же СНК и СТО РСФСР — для объединенных комиссариатов этих республик...». Естественно, — большинство наркоматов республик подчинялось соответствующим наркоматам РСФСР.

Конечно, бросается в глаза недемократическая фраза — «считать обязательным», но «время было такое» — таковыми были обычные манеры большевиков, и особенно — Ленина...

Этот проект Сталина был разослан для формального обсуждения в ЦК компартий республик. Его одобрили ЦК КП Азербайджана и Армении. Против этого проекта выступил ЦК КП Грузии, заявив, что объединение в форме автономии преждевременно, объединение хозяйственной и общей политики необходимо, но с сохранением всех атрибутов независимости. К этой позиции стало склоняться и руководство Украины.

Родные грузины со своей «самостийностью» и «незалежностью» уже давно сильно раздражали Сталина. Ещё в предыдущем году — 6 июля 1921 года на собрании коммунистических организаций в Тифлисе Сталин заявил о необходимости «ликвидировать националистические пережитки, вытравить их каленым железом», необходимо «раздавить гидру национализма». Теперь грузины «опять качали права», опираясь на ленинскую «Декларацию прав народов России».

К этому моменту у Грузии уже была история независимости после 1917 года. «После провозглашения самостоятельной Грузинской демократической республики делегация её прибыла в Берлин, и 11 июня в рейхстаге было объявлено о признании Германией новой республики.... В Тифлисе появилась дипломатическая миссия полковника фон Кросса с эскортом в две роты, и с тех пор внутренняя и внешняя политика края безраздельно была подчинена германскому влиянию. Началось выкачивание немцами сырья и одновременно организация ими грузинской вооруженной силы...» — рассказывал в своих мемуарах о событиях 1918 года находящийся тогда на Кавказе генерал Деникин. Трудно не обратить внимание на почти полную аналогию — после развала Российской империи руководство Грузии, объявив Грузию свободной, решило перестраховаться и прибегло к защите и покровительству «сильных мира сего», каковой тогда, во время Первой мировой войны была ещё Германия, а после развала СССР в 1991 году — руководство новой демократической Грузии решило попросить защиты и покровительства у США...

Когда США вооружили Грузию, то она напала на Осетию, а тогда, когда Грузию вооружила Германия, её руководство затеяло конфликт с Арменией и решило выкорчевать «русский дух» — «Правительство бывших российских социал-демократов (Церители, Георгадзе, Гегечкори, Лордкипанидзе)... теперь задалось целью вытравить всякие признаки русской гражданственности и культуры в крае — прочно, "навсегда" — прежде всего путём устранения из Грузии русского элемента. Целый ряд законодательных актов и административных распоряжений прямо или косвенно преследовал эту идею: принудительное подданство, правовые ограничения, аресты, выселения, принудительный набор в армию... — описывал события, действия демократов генерал Деникин. — Десятки тысяч русских служилых людей и просто трудовой демократии, работавших в государственных и общественных учреждениях, на железной дороге, почте, телеграфе и т. д. были заменены грузинами и буквально выброшены на улицу. Стекавшиеся со всего Закавказья в Тифлис как военно-административный центр края и фронта служилые люди попадали в отчаянное, безвыходное положение, в особенности семейные... Новый поток обездоленных, голодных, нищих людей (русских) двинулся к портам Чёрного моря и по Военно-Грузинской дороге, унося с собою горячую ненависть к Грузии и грузинам...».

«Я помню годы 1905-1917, когда среди рабочих и вообще национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность, когда узы братства связывали армянских, грузинских, азербайджанских и русских рабочих в одну социалистическую семью. Теперь, по приезде в Тифлис, я был поражен отсутствием былой солидарности... антиармянского, антитатарского, антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма теперь хоть отбавляй», — ту же ситуацию, только в мягких выражениях, описывал на 10 съезде РКЦ(б) Сталин.

В общем, — негативных последствий ленинской идеи «самоопределения наций» было много, было очевидно, что после гражданской войны эта идея полностью себя изжила и даже стала опасной, — и Сталин поступал совершенно правильно.

Теперь в августе 1922 года в отсутствие Ленина эту проблему решала комиссия во главе со Сталиным, который решал её в своём ключе сильного унитарного государства. Если Сталин не намеревался к этому времени быть собирателем отпавших наций и земель, то точно намерен был сохранить и собрать в единое сильное государство оставшиеся и

возвращенные республики. Сталин приготовил решение и послал для ознакомления в Горки Ленину. Из докладной записки Сталина Ленину по вопросу автономизации от 22 сентября 1922 года:

«Тов. Ленин! Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т.е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т.н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе. Одно из двух: либо действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой НКИД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению, а постановления ВЦИК, СНК и СТО РСФСР необязательны для независимых республик, либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т.е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, внудел, земледелия и прочее.

Сейчас речь идет о том, как бы не "обидеть" националов, через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо "национальная" стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе. Один из многих примеров: недавно Грузинский Цека, оказывается, решился без ведома Цека РКП разрешить оттоманскому банку (англо-французский капитал) открыть свое отделение в Тифлисе, что, несомненно, привело бы к финансовому подчинению Закавказья Константинополю (уже теперь турецкая лира является господствующей, вытесняющей с рынка грузинские и русские деньги), причем решительное запрещение со стороны Цека (принятое по настоянию т. Сокольникова) вызвало, оказывается, бурю возмущения среди грузинских национал-коммунистов. Мой план:

1. Вопрос о Бухаре, Хиве и Дальневосточной республике (которая еще не советизирована) оставить пока открытым, т.е. пока их не автономизировать.

2. В отношении остальных пяти независимых республик (Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан и Армения) признать целесообразным автономизацию с тем, чтобы к Всероссийскому Съезду Советов ЦИКи этих республик сами добровольно изъявили свое желание вступить в более тесные хозяйственные отношения с Москвой на началах автономии (я имею уже заявление Азербайджанского и Армянского Цека Компартии о желательности автономизации и заявление Грузинского Цека Компартии о желательности сохранения независимости...».

Здесь стоит обратить внимание на фразу — «сами добровольно изъявили свое желание вступить в более тесные хозяйственные отношения с Москвой на началах автономии». Сталин пытался действовать «гибко» — якобы это добровольная инициатива «окраин». И вполне закономерно, что 24 сентября 1922 года комиссия под председательством В. Молотова приняла проект Сталина «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», а 25 сентября ЦК РКП(б) одобрил проект Сталина. И в этот момент неожиданно забил тревогу Ленин.

В это время Ленин, немного поправившись от недомоганий, работал в щадящем, «домашнем» режиме и пытался управлять товарищами, партией и страной в основном при помощи писем, которые его соратники часто воспринимали с поправкой на болезнь — уже как рекомендательные, к рассмотрению, к обсуждению... Ленин оставался в стороне от дискуссии по поводу проекта комиссии Сталина, но, узнав о решении комиссии, счел необходимым срочно вмешаться в решение этого вопроса, и вдруг резко выступил против проекта Сталина, обвинив его в форсировании событий, в ненужной «торопливости» и попытался внести серьёзные коррективы в уже одобренный сталинский проект.

Ленин вызвал к себе в Горки Сталина и настоял изменить первый параграф проекта. Одновременно Ленин написал для членов Политбюро письмо "Об образовании СССР", в котором подчеркнул, что РСФСР должна признать себя равноправной с другими республиками и "вместе и наравне с ними" войти в новый союз. И одновременно Ленин вызвал из Грузии главного «суверенного» бунтаря — председателя СНК Грузии П. Мдивани, который приехал к нему в конце сентября.

Ленин в письме Каменеву по национальному вопросу 26 сентября 1922 года писал:

«т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР. Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно. Я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»).

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В первом параграфе сказать вместо "вступления" в РСФСР — "Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии".

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в

новый союз, новую федерацию. "Союз Советских Республик Европы и Азии"»(ССРЕА), (Ленин, т. 45, с. 359).

Несмотря на активную переговорную и эпистолярную работу Ленина и на возражения грузин и украинцев, ЦК РКП(б) в начале октября утвердил проект Сталина. Обращаю внимание — в этой истории принимала активное участие «команда» Сталина: В. Молотов, В. Куйбышев, Г. Орджоникидзе, Ф. Дзержинский и др. А потенциальная «команда» Бронштейна за этим наблюдала, и в принципе одобряла действия Сталина по укреплению власти и государства, Жора Сокольников-Бриллиант принимал активное участие в работе комиссии.

После утверждения проекта Сталина Ленин сильно рассердился, даже рассвирепел и обозвал Сталинскую политику «русопятской», что, вероятнее всего, следовало понимать как — имперской, и в сталинском проекте он якобы увидел замаскированное выражение старого «великорусского шовинизма», которому неожиданно решил дать «бой не на жизнь, а на смерть». Такого принципиального — «на смерть», вероятно, от Ленина никто не ожидал. Очередной Пленум по обсуждению этого вопроса был назначен на 5 октября 1922 года.

После вмешательства Ленина члены ЦК и Политбюро стали отворачиваться от сталинского варианта и склоняться к ленинскому варианту. Ленин пытался ещё доработать свой проект, и учесть все возможные причины конфликтов в руководстве будущего государства, и 6 октября 1922 г. он передал через Каменева ещё одну идею: «Надо абсолютно настоять, чтобы в Союзном ЦИКе председательствовали по очереди...»

Несмотря на уступки Сталина, и что якобы Ленин его убедил в своей правоте, эта важная дискуссия по вопросу государственности между Лениным и Сталиным продолжилась в более острой форме. Сталин явно был недоволен ленинской критикой и ленинской политикой, и съёрничал по поводу излишнего «национального либерализма» Ленина. Сталин оставался стоять на своей принципиальной позиции, одновременно пытаясь лавировать, хитрить — он якобы формально пошел на изменение резолюции, но отметил, что новая резолюция — это лишь «несколько измененная, более точная формулировка» старой, которая «в основе правильная и безусловно приемлемая».

Ситуация была сложной и щепетильной, — многие большевики-нацмены по своей глупости ленинское «право наций на самоопределение» поняли прямо, «за чистую монету». 22 октября 1922 года Сталин в письме к Ленину косвенно, но понятно упрекал его в создании опасной проблемы: «...За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимовцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие...».

Ленин, подтверждая прекрасное взаимопонимание, отвечал в письме Сталину, что эти глупые и поэтому опасные коммунисты «игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету...» («Известия ЦК КПСС», 1989 г. № 9, стр. 199).

И эти искренние, наконец-то прозревшие коммунисты-демократы были правы, — Ленин в этом вопросе сильно обманывал и лицемерил. И теперь Ленин пытался сохранить лицо, а Сталин пытался решить проблему построения крепкого государства на будущее... А Ленину будущее в этом аспекте было не столь важным, ибо для него будущее — это «мировая революция» и мировая гегемония, а не проблемы отдельного государства, и он уже на всех парах готовил вместе с Бронштейном запланированный на следующий год (1923) очередной военный поход в Германию через Польшу. А возможная фрагментарная гражданская война по силовому затягиванию Грузии или Украины в «общую семью» только помешала бы этому славному походу. Куда денется какая-либо отпавшая республика, возомнившая себя свободной, находящаяся среди других советских республик на огромной территории Соединенных Штатов Европы или Союза Советских Социалистических Республик Европы и Азии?... Ленин глобалил, а Сталин со своим «местечковым» — российским провинциальным мышлением вроде вздумал строить успешный социализм в одной отдельно взятой стране — в России...

Этот важный момент: разность целей Ленина и Сталина — как основа их конфликта, а затем и основа конфликта Сталина с Бронштейном-Троцким следует хорошо понимать, ибо без этого невозможно правильно понять и объяснить многие их действия и исторические события, включая развал СССР в 1991 году. Например, некий «авторитетный» тупоголовый западный «историк», а, скорее всего, лукавый плут по фамилии Роберт Такер в своей книге «Сталин. Путь к власти 1879 — 1929» (М., 1991 г.) утверждает:

«Его (Сталина) претензии на роль преемника еще при жизни Ленина стали одной из причин конфликта с ним. Чтобы занять высшую ступеньку пьедестала, Сталин был готов в случае необходимости сразиться с самим Лениным. Если Ленин не считал, что его преемником должен по праву стать Сталин, то, по мнению Сталина, лишь потому, что Ленин был болен и уже не *являлся* тем Лениным, каким его знали прежде».

Зачем кому-либо амбициозному в этот период бороться с Лениным за власть, когда Ленин уже просил яд для самоубийства, когда все понимали, что Ленину осталось жить считанные месяцы или недели?.. — Какой маразм этого Роберта Такера и многих его единомышлен-

ников — либералов и демократов(!), пытающихся просто маниакально любыми способами дискредитировать Сталина. Уж если бороться за власть, то учитывая состояние здоровья Ленина, — только с его наиболее вероятным преемником, а за этим мы понаблюдаем в следующих главах книги. Стоит особо отметить, что лукавая книжонка этого иностранца была издана в Москве в «перестройку» на русском языке в 1991 году, — чтобы усилить разрушительные процессы по развалу детища Сталина — империи СССР... Вернемся в 1922 год, и продолжим наблюдать за историей создания СССР.

ЦК компартии Грузии решил помочь Ленину и подковырнуть наркомнаца Сталина и сильно «подлил масла в огонь» — всем составом подал в отставку в знак несогласия со сталинским проектом. В результате Центру в лице Оргбюро и Кавбюро пришлось в административном порядке их заменять другими людьми, в основном — единомышленниками Сталина во главе с Орджоникидзе. Кроме того, в Москве 6 октября 1922 года Пленум ЦК принял ленинскую резолюцию, которая должна была устроить грузинских националистов во главе с П. Мдивани, хотя П. Мдивани на Пленуме настаивал на том, чтобы Грузия входила в СССР не через Закавказскую Федерацию, а непосредственно как отдельная самостоятельная Грузия, то есть — Мдивани фактически не согласился с решением Пленума.

Интересно обратить внимание и на воспоминания Троцкого в его работе «Завещание Ленина», многим местам в этой работе можно доверять, ибо она написана в декабре 1932 года, когда ещё большинство свидетелей тех событий были живы, и в случае бесшабашного вранья Троцкий попал бы в неприятную ситуацию в ущерб себе, Троцкий:

«Ноябрьский пленум ЦК (1922), заседавший без Ленина и без меня, внес неожиданно радикальные изменения в систему внешней торговли, подрывавшие самую основу государственной монополии... Не допуская в этом вопросе никаких уступок, Ленин настаивал на том, чтоб я апеллировал против ЦК к партии и съезду. Удар направлялся в первую голову против Сталина, как генерального секретаря, ответственного за поставку вопросов на пленумах Центрального Комитета. До открытой борьбы на этот раз, однако, дело не дошло: почуяв опасность, Сталин отступил без боя: с ним вместе и другие. На декабрьском пленуме ноябрьские решения были отменены. "Как будто удалось взять позиции без единого выстрела, — писал мне шутливо Ленин 21 декабря, — простым маневренным движением"...

Гораздо острее оказались разногласия в области национальной политики... Через Крупскую Ленин вступил с вождями грузинской оппозиции (Мдивани, Махарадзе и др.) в негласную связь против фракции Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского».

Конфликт по национально-государственному вопросу продолжал разрастаться, — разбушевались страсти в Грузии между сторонниками Сталина и Мдивани-Ленина, и дошло до того, что Закавказский крайком партии во главе с Серго Орджоникидзе осудил действия Мдивани и его сторонников как национал-уклонизм, а сам Серго в пылу спора ударил в лицо одного из бывших членов ЦК КП Грузии, сторонника Мдивани. Сторонники Мдивани подняли большой политический шум — что якобы под новым прикрытием продолжается старая царская имперская политика, а «Декларация...» Ленина — это фикция и откровенный обман, а на Орджоникидзе бывшие члены ЦК КП Грузии обратились с жалобой в ЦК РКП(б).

За Орджоникидзе вступился Сталин, заявив, что в Грузии свил гнездо социал-национализм. В эту склоку вмешался Ленин и для «разбора полетов» на месте и примирения отправил в Грузию комиссию во главе с авторитетным «нейтральным» Феликсом Дзержинским. «Заковырка» состояла в том, что Дзержинский был убежденным сторонником сталинской позиции, а Ленин об этом не знал...

12 декабря 1922 года Ленин пригласил к себе вернувшегося из Грузии Ф. Дзержинского и выслушал доклад его комиссии с явным раздражением и недовольством, ибо Ленин ожидал услышать другое, а Дзержинский оправдывал, выгораживал Орджоникидзе и поддерживал сталинскую позицию. Ленин очень расстроился, разнервничался, что привело тут же к резкому ухудшению его здоровья. Позднее Ленин говорил, что «это дело» на него «очень тяжело повлияло» (ПСС, т. 45, с. 476).

Кстати, интересно объяснял единомыслие Сталина и Дзержинского Лейба Троцкий в своём двухтомнике о Сталине: «Между Лениным и Дзержинским также произошло охлаждение. Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его. Но его качеств не всегда хватало для тех задач, которые ложились на него. В 1922 году Орджоникидзе и Дзержинский чувствовали себя неудовлетворенными и в значительной мере обиженными. Сталин немедленно подобрал обоих». Троцкий был не дурак, но в этом случае - даже умышленный примитивизм не в его пользу.

18 декабря 1922 года в отсутствие Ленина прошел пленум ЦК РКП(б), обсудивший вопросы создания СССР. Этот пленум ЦК принял ленинский проект Союзного договора и решил, что этот проект нового государства должен быть утвержден Союзным съездом Советов, открытие которого назначили на 30 декабря 1922 года. Подчеркну — был принят не сталинский проект «автономий», а ленинский принцип будущего государства, — со свободным правом выхода из СССР:

«1. Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об

объединении их в "Союз Советских Социалистических Республик" с оставлением за каждой из них права свободного выхода из "Союза"».

Не думаю, что Ленин умышленно оставил своё старое оружие разрушения Российской империи в конструкции нового советского государства или так жестоко «пошутил» — специально заложил уже проверенную мину в будущее государство, которая рванула в 1991 году. Это был «мягкий» хитрый политесный вариант Ленина по принципу — «никуда не денутся». Ибо мы уже в предыдущей книге изучали понимание Лениным на практике «права на самоопределение», «на суверенитет» и «на выход», и убедились в его лицемерии. Выход и развал Ленин не предусматривал, он был нацелен на то, что всё-таки рано или поздно «мировая революция» победно зашагает по Европе, — и в СССР будут включаться очередные европейские советские республики, поэтому-то и слова «российский» в СССР не было включено.

Не случайно сразу после создания СССР Бронштейн занялся реализацией своих любимых планов «мировой революции», опять координировал свои действия с германскими евреями-революционерами, которые готовили там очередную красную революцию, опять со своим ген. штабом усердно думал — как пройти через Польшу, как её попутно захватить, не повторив ошибок 1920 года.

Стоит вернуться к 18 декабря 1922 года и отметить ещё один немаловажный факт: Политбюро обсудило резко обострившуюся к этому времени болезнь Ленина и возложило на Сталина ответственность за соблюдение установленного врачами режима. 25 ноября 1922 года Ленин упал в коридоре своей квартиры, а 27 ноября у него отнялась одна рука и одна нога. Из-за границы срочно вызвали профессора Ферстера, который 20 декабря обследовал Ленина и что-то рекомендовал. Но состояние Ленина ухудшалось, и 22 декабря 1922 года Ленин вернулся к теме самоубийства. Фотиева вспоминала, что Ленин в 18 часов 22 декабря продиктовал ей следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам...».

Стоит отметить, что это поручение Политбюро Сталину было сделано в условиях острой дискуссии и спорах между ним и Лениным по важному вопросу. Члены Политбюро считали эти споры сугубо рабочими, и были уверены, что только особенности характера Сталина могли гарантировать выполнение этой нелегкой задачи. И Сталин жестко соблюдал поставленную задачу вплоть до ругани с Н. Крупской в конце декабря 1922 года. Но если бы, например, опекуном Ленину вместо Сталина назначили бы Бронштейна-Троцкого или Розенфельда-Каменева, то с 1923 года ход исторических событий был бы другой.

В ноябре-декабре в ходе подготовки к созданию нового государства проводилась большая работа: работало несколько комиссий, проходили многочисленные разъяснительные партийные собрания и республиканские съезды Советов, на которых утверждалось предложение приступить к объединению на федеративных началах. В результате всей этой формальной работы актом учреждения Союза Советских Социалистических Республик был заключенный 27 декабря 1922 года между четырьмя республиками: РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской федерацией (грузинские предложения об отдельном вступлении Армении, Грузии и Азербайджана не были приняты) договор об образовании нового совместного государства на ленинских принципах — СССР.

Этот договор определял конституционные принципы нового государства: устанавливал разграничение компетенции между новыми правительственными органами Союза ССР и органами, призванными руководить жизнью республик. Договор был одобрен 30 декабря 1922 года X Всероссийским съездом Советов, за которым тут же прошел I съезд Советов СССР. Был избран новый ВЦИК, который по предложению Ленина имел четырех председателей: Калинин, Нариманов, Петровский и Черняков — по одному от каждой республики. Затем ВЦИК сформировал новое правительство. Так был создан СССР.

И, казалось бы, Ленин, несмотря на состояние своего здоровья, должен быть доволен и счастлив — всё прошло по его желанию, по его проекту, — СССР образован, и всё — точка, и соответственно — конец различным спорам, дискуссиям, разногласиям и конфликтам. Но не тут-то было — 30 декабря, в день создания СССР, Ленину стало полегче, он пришел в сознание, и первым делом он решил вернуться к спорам по национальному вопросу и к ситуации 12 декабря — к докладу Дзержинского о разборках в Грузии и стал диктовать письмо с заметками «К вопросу о национальностях или об автономизации». 31 декабря Ленин продолжил диктовать эти заметки. Было такое впечатление, что 30 декабря — это не 30 декабря, а вторая половина 12 декабря — Ленин выслушал Дзержинского и продолжил яростную борьбу со Сталиным по национальному вопросу, по структуре будущего государства, Ленин:

«Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского».

То есть, согласно убеждениям Ленина - это не Мдивани и его сторонники были грузинскими националистами, а на более высоком уровне — грузин Сталин и поляк Дзержинский были не просто националистами, а — «великорусскими» националистами... Возможно, дополнительной причиной резкости и ярости Ленина были жалобы жены — Надежды Крупской на Сталина за конфликт между ними во

время обострения болезни Ленина 22 декабря, когда Ленин требовал подать яд для самоубийства, а Сталин эту просьбу не удовлетворил и нагрубил Крупской, 23 декабря написавшей жалобу на Сталина Розенфельду-Каменеву, в котором видела преемника Ленина.

Несмотря на, казалось бы, уже неактуальность этой темы и на уже решенную проблему и спор, Ленин, зная упрямство и упорство Сталина, не был уверен, что он не перестанет гнуть свою линию по укреплению нового государства, и помнил утверждение Сталина: «Следует помнить, что, кроме права народов на самоопределение, есть ещё право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение». И Ленин опасался, что Сталин, благодаря своему «администраторскому увлечению», несмотря на принятые в конце декабря решения, осуществит свои идеи.

«В течение ближайших недель Ленин окончательно убеждается, что придется апеллировать к партии. В конце декабря он диктует обширное письмо по национальному вопросу, которое должно будет заменить на съезде его речь, если болезнь помешает ему выступить... — вспоминал в упомянутой выше работе Троцкий. — ...Что великоросс Ленин обвиняет грузина Джугашвили и поляка Дзержинского в великорусском национализме, может показаться парадоксальным. Но речь идет здесь совсем не о национальных чувствах и пристрастиях, а о двух системах политики, различия которых обнаруживаются во всех областях, в том числе и в национальной. Осуждая беспощадно методы сталинской фракции, Раковский писал несколько лет спустя: "К национальному вопросу, как и ко всяким другим вопросам, бюрократия подходит с точки зрения удобства управления и регулирования". Лучше этого нельзя сказать.

Словесные уступки Сталина нисколько не успокаивали Ленина, наоборот, обостряли его подозрительность. "Сталин пойдет на гнилой компромисс, — предостерегал меня Ленин через своих секретарей, — а потом обманет"».

Понятно, что в 1932 году Бронштейн-Троцкий, употребляя относительно картавого Ленина-Бланка фантастическое выражение — «великоросс Ленин», пытался в противопоставлении Ленина Сталину сыграть на национальных чувствах русского народа. И «великоросс» Ленин-Бланк в наблюдаемый нами период — в конце декабря 1922 года подтверждал объяснения Троцкого:

«При таких условиях очень естественно, что "свобода выхода из союза", которой мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ», — гневно переживал Ленин. Как видим, досталось от ярого русофоба Ленина и русским и Сталину за его державные взгляды, это в его адрес обильно полетели обвинения: «истинно русский человек», «великоросс-шовинист», «подлец», «насильник», «типичный русский бюрократ».

Чтобы не было сомнений — кого это касается, и в кого полетели обвинения, Ленин решил уточнить и сделать «контрольный» облив ещё более грязными обвинениями: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки "обиженные" националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить».

Жестоко бросая в Сталина — «грубый великорусский держиморда», Владимир Ильич Бланк-Ленин блеснул эрудицией, показал, что читал рассказ Чехова «Унтер Пришибеев», он явно желал публично оскорбить, унизить, «опустить» авторитет Сталина.

Кстати, это письмо Ленина Крупская придержала как козырную карту против Сталина и использовала против него на 12 съезде партии (17-25 апреля 1923 года), в сталинский период оно держалось в секрете, и было опубликовано после смерти Сталина в 1956 году.

Русофоб Ленин опасался, что в будущем в какой-то момент в какой-то форме станет поднимать голову покоренный русский народ или его отдельные представители, и решил перестраховаться, пресечь и с этой стороны, начав с теоретического объяснения: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой», и закончил конкретной рекомендацией: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой "великой" нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

Эту ленинскую идею превентивного неравенства и унижения русского народа по отношению к другим народам вскоре на апрельском 12 съезде партии попытался развить ещё один демократ и мерзавец-ленинец Н. Бухарин: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации... должны поставить себя в неравное положение...». Сталин прокоммен-

тировал и погасил эту идею: «...Создать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, — это значит сказать несообразность».

Известный еврейский историк И. Дейчер верно отметил: «Нельзя игнорировать тот факт, что сталинский идеал... это не господство человека над человеком, расы над расой, но их равенство. Даже диктатура пролетариата рассматривается как простой переход к бесклассовому обществу; сообщество свободных и равных людей, а не диктатура осталось источником вдохновения».

Несмотря на защиту в этом случае Сталиным интересов и достоинства русского народа, стоит отметить немаловажную мысль, что после того, как Ленин обозвал Сталина «истинно русский человек», «типичный русский бюрократ», «великоросс-шовинист» и «великорусским держимордой», то многие граждане и даже некоторые исследователи истории в 20-м веке и в наши времена стали считать Сталина — «русским» и даже — «русским националистом», что в корне неверно, ибо, повторюсь, — добросовестные исследователи Сталина знают, что Сталин присоединился к террористам, к революции — как бунтующий грузинский националист, а вышеприведенные высказывания Ленина в адрес Сталина были всего лишь страшными ругательствами Ленина, позорными ярлыками, которые Ленин пытался повесить на Сталина.

Не буду даже обсуждать — считал Сталин себя грузином, осетином, аланом или потомком полуполяка Пржевальского, но с полной уверенностью после детального изучения Сталина в периода до 1917 года утверждаю — русским он себя точно не считал и не осознавал, а включение его в революцию — это был его протест против господствующей над его Родиной Российской империей с ее господствующим русским народом, — и это несмотря на его марксистскую солидарность с русским пролетариатом и русскими террористами-революционерами, и это было желание изменить существующую ситуацию. И к 1923 году Сталин точно не изменился и не стал русским. И читатель в этом убедится по многочисленным высказываниям Сталина, которые будут цитироваться в следующей главе.

В этой теме есть ещё другой аспект, — некоторые граждане и исследователи истории считают Сталина русским по духу, - потому что он был государственником, собирателем былой Российской империи в виде СССР, но не всех государственников на нашей планете следует называть — «русскими»... В этом ракурсе следует на будущее крепко запомнить — Сталин был представителем нацменьшинства и довольно странным марксистом-государственником (ибо в этом определении каждая часть полностью исключает другую), точнее: марксистом-романтиком-созидателем, который с определенного момента истории стал симпатизировать русскому народу и сильно его уважать. В обоих рассмотренных случаях многие фанатичные русские сталинисты прибегают к упрощенной удобной трактовке, и желаемое выдают за действительность...

В начале марта 1923 года Ленин после очередного тяжелого периода, придя в сознание и осознавая своё тягостное положение, решил наблюдение за «архиважным вопросом» передать своему духовному брату Л. Бронштейну, которого просил «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», и в своей последней записке, адресованной грузинским оппозиционерам П. Мдивани, Ф. Махарадзе и др. Ленин выражал к ним симпатию и писал: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением. Ленин. 6 марта 1923 г.» (ПСС, т. 54, с. 330).

Ленин готовил им антисталинскую речь для выступления на апрельском 12 съезде, но его здоровье совсем ухудшилось и не позволило ему это сделать.

Заканчивая эту тему, стоит отметить, что ленинский принцип построения государства был закреплен ещё и в Конституции СССР, которая была принята второй сессией новоизбранного ВЦИК 6 июля 1923 г. и окончательно утверждена II съездом Советов СССР 31 января 1924 года.

Этот ленинский проект административно-национального построения государства Сталин, несмотря на своё принципиальное несогласие, не стал менять, скорее всего потому, что были другие первоочередные вопросы и некогда было: до 1927 года шла борьба с Троцким и его единомышленниками, затем была необходимость реализовать глобальные проекты — индустриализация и коллективизация, затем в середине 30-х — заговоры и чистки, затем вспыхнувшая в Европе очередная война и подготовка к ней, а после войны ленинский лозунг «свободы самоопределения наций» не выглядел рискованным и опасным в ситуации жесткого контроля Сталиным государства и всех его сфер.

В конце этой главы хочу обратить внимание на неприятные отзвуки рассмотренной темы в наши годы, в 21 веке. Казалось бы, — всё совершенно понятно: понятны взгляды и позиции Сталина и Ленина по вопросу государственности в национальном вопросе и их принципиальные разногласия, и что при создании СССР был реализован проект Ленина. Однако в 2008 году во время знаменитой уже телепередачи «Имя России» мы могли услышать от наших знаменитых соотечественников, мягко выражаясь, странные глупости. Например, знаменитый художник Илья Глазунов стал утверждать, что разработанное Сталиным админи-

стративно-национальное деление стало миной замедленного действия и сработало в «перестройку», а мина то была — ленинская.

«Живущий последние дни вождь стал постоянным союзником сионистов. С именем Ленина связана их самая крупная победа при создании СССР: как ни противился Сталин, а в Основной закон образовавшегося содружества наций вошел важнейший пункт, закрепивший за любой нацией права суверенитета, вплоть до отделения. Эта мина замедленного действия рванет 70 лет спустя», — сделал вывод в своей книге историк Николай Кузьмин.

Второй раз свою возмутительную неграмотность в истории России (первый я указывал в книге № 3 этой серии) продемонстрировал в вышеуказанной телепрограмме знаменитый Никита Михалков, который утверждал, что Сталин не создал ничего прочного, и СССР после него развалился. Повторю ещё раз — созданное в конце 1922 года государство под названием СССР — было ленинским, ибо Ленин его создавал согласно своим принципам, а Сталин, как несогласный с этим проектом подчиненный Ленина, в этом принимал участие и вместе с другими ленинцами реализовывал ленинский замысел, ленинскую идею.

Во-вторых, — не надо путать Н. Михалкову прочное с вечным, в этом смысле ещё никто из людей ничего не создал, покажите мне в истории человечества империю, которая не развалилась или не была завоевана... Это просто антисталинский пропагандистский популизм Н. Михалкова плюс его неграмотность в истории. В-третьих, — это не очень порядочно: ошибки Хрущева, Брежнева, Андропова и Горбачева с Ельциным вешать на Сталина.

Кстати, в этой телепередаче уважаемый мною губернатор Краснодарского края вдруг приписал Сталину расказачивание... Зачем на Сталина вешать тяжкие кровавые преступления Бронштейна-Троцкого, Ленина-Бланка, Яши Свердлова, Якира и прочих откровенных человеконенавистников и сатанистов?..

В 2007 году в России вышла книга современного коммунистического идеолога С. Кара-Мурзы под названием «Матрица "Россия"» (М. «Алгоритм»), в которой он пишет: «В России, когда начался либеральный развал империи, большевики провозгласили право наций на самоопределение, как раз чтобы сохранить единство трудящихся всей Российской империи — и на этой основе произвести её «пересборку» уже в виде СССР. Без признания этого права было невозможно нейтрализовать националистические «элиты», которые после Февральской революции растащили империю. И эта программа "усмирения этнонационализма" признана в мировой науке блестящим достижением».

Во-первых, об откровенном лукавстве Кара-Мурзы, — я впервые слышу, что мировая наука назвала проект, который громко рухнул в

1991 году из-за грубой ошибки в своей основе, при создании — «блестящим достижением»... Во-вторых, не следует забывать, что, несмотря на объявленный принцип — «свободное право наций на самоопределение», эта большевикская «пересборка» в большинстве случаев была осуществлена кровавым вооруженным путем. В-третьих, — тот же 1991 год убедительно показал, что «этнонационализм» не был усмирен этим ленинским принципом, а многочисленные факты истории СССР показывают и доказывают, что еврейский «этнонационализм» не был усмирен и до 1991 года, и многочисленные еврейские диссиденты до сих пор хвастаются, что это именно они и разрушили СССР... Очередной раз уверенная «авторитетная» и ангажированная неграмотность Кара-Мурзы не просто выглядит нелепой, но уже утомительной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Борьба Ленина и Крупской против Сталина

В первых числах января 1923 года конфликт между Лениным и Сталиным продолжал усугубляться, — к важным концептуальным разногласиям добавилась ещё и личная неприязнь Крупской к Сталину. «...Было уже предельно ясно, что полностью здоровье Ленина не восстановится, что к прежней роли лидера Ленину вернуться уже не суждено. И возле больного закрутился клубок интриг. Пропахшая лекарствами квартира Ленина, маленький мирок, где вся жизнь, казалось бы, сосредоточилась около постели парализованного вождя, превращается с этого момента в арену закулисной борьбы, которая выплеснулась в пресловутых диктовках политического "завещания", — отметил в своей книге Валерий Шамбаров («Нашествие чужих»). — Стоит учесть, что изначально эти диктовки не назывались "завещанием". И их вообще не рассматривали в качестве единого целого. Та трактовка, которая сейчас считается "общепринятой", выработалась в ходе дальнейшей борьбы за власть...

...В конце декабря одна из секретарш Ленина была вдруг отстранена от своих обязанностей. Кто? Аллилуева! То есть в составе секретариата она осталась, но для диктовок её больше не вызывали и не привлекали. И лишь после этого стали рождаться работы "завещания". Они представляют собой машинописные копии, никем не заверенные, нигде не зарегистрированные...

Привлекались к этой работе (и подтверждали её своими свидетельствами) только те работницы секретариата, которые относились к "команде Крупской" — Гляссер, Володичева, Фотиева. В. А. Сахаров обратил внимание на несоответствие датировок некоторых документов с "Журналом дежурных врачей". В ряде случаев в тот день, которым датирована работа, "Журнал дежурных врачей" указывает на плохое самочувствие Ленина и ни о каких диктовках не упоминает...

Реальных претендентов на перехват власти зимой 1922/1923 года было два — Сталин и Троцкий. Так что совсем не трудно определить, на кого работала Надежда Константиновна. При этом она постоянно апеллировала за помощью к Каменеву и Зиновьеву. Двум деятелям, которые, как и Лев Давидович, тоже были связаны с "мировой закулисой"...».

Эти «два брата-акробата» — Каменев и Зиновьев, были не прочь сыграть в свою собственную игру за власть, но не получилось, почему — объяснял В. Молотов: «Сталин провёл решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, — раз врач запретил. Они жаловались Крупской. Та возмутилась... Сталин ей ответил: "ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина". Крупская: "Но Ленин сам хочет этого!" Сталин: "Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить"». Как видим в борьбе за власть Сталин «ставил плечо жёстко» даже Крупской, которая видела преемником Ленина Зиновьева и лоббировала его перед Лениным.

С самого начала 1923 года Ленин продолжал «прессовать» Сталина, опускать его авторитет и скуреживать его перспективы, — 4 января 1923 года Ленин закончил писать своё знаменитое письмо с характеристиками различных большевикских руководителей, начатое 22 декабря, которое недоброжелателями Сталина было лукаво названо — «Завещанием». В этом послании Ленин писал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым на должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место другого человека...».

Что значит сместить Сталина с должности генерального секретаря? — Это значит лишить Сталина политической силы — мощного административного ресурса, и лишить всякой перспективы. Но это письмо-«завещание» не было сразу придано гласности, Крупская, по каким-то своим соображениям, придержала его на год как мощную козырную карту, а письмо Ленина с заметками по национальному вопросу с «великорусским держимордой» дала огласке весной 1923 года на 12 съезде партии, а письмо-«завещание» с рекомендацией отставки Сталина дала огласке на 13 съезде партии.

Письмо Ленина от 4 января 1923 года («завещание») ясно говорило о том, что Ленин осознавал свою трагическую ситуацию и беспокоился, чтобы его достижения попали в надежные руки единомышленника. В этом письме Ленин раскритиковал всех из ближайшего окружения, но можно выделить две крайности: первая — особо попало Сталину, вплоть

до неприятной для Сталина практической рекомендации — «предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина». Вторая, — меньше всего критики досталось Бронштейну-Троцкому, несмотря на то, что в предыдущие годы эти два вождя сильно ругались, и Ленин обзывал его язвительно «иудушкой». Но между ними была некая мощная духовная связь единомышленников и единоплеменников. Ленин в своём «Завещании» Троцкого лишь пожурил за "чрезмерную самоуверенность", но отметил его "выдающиеся способности" и даже указал, что Троцкий — «самый способный человек в настоящем ЦК».

«Троцкий постоянный противник Ленина до революции и после — по всем основным вопросам.

А всё-таки Ленин его включил в Политбюро. А это фигура таковская...», — вспоминал Молотов. — Троцкий всюду насаждал свои кадры, особенно в армии». У Бронштейна везде были свои ставленники, всё было под контролем.

И активные действия Сталина в кадровой политике к концу 1922 года Бронштейном и его соплеменниками были замечены и вызвали серьёзную настороженность. И если Сталин старался пропитать различные государственные структуры своими единомышленниками «штучно» и неброско, то ближайшее окружение Бронштейна решило весь этот труд Сталина нейтрализовать «оптом» и демонстративно, — и на январском пленуме ЦК РКП(б) 1923 года глава советского правительства Розенфельд-Каменев неожиданно для некоторых озвучил инициативу: «Политбюро считает первым вопросом, вместо отчета товарища Сталина, заслушать сообщение о положении дел в дружественной нам Еврейской компартии. Пришло время, товарищи, когда без бюрократических проволочек следует всех членов ЕКП принять в члены нашей большевистской партии».

Как видим, — Розенфельд довольно демонстративно отодвинул Сталина, который немало времени потратил на подготовку отчета, и показал другой более важный приоритет. Сталин попытался помешать: «Я не против приема нескольких тысяч членов Еврейской коммунистической партии в Российскую коммунистическую партию большевиков. Но прием должен быть без нарушений нашего устава — то есть индивидуальным. Все вновь вступающие, согласно уставу, должны представить рекомендации пяти членов нашей партии с пятилетним стажем. Я говорю об этом потому, что в программе Еврейской компартии записано: евреи — божья нация, призванная руководить всем международным еврейским рабочим движением. В ЕКП принимаются только евреи. Необходимо, чтобы вступающие в нашу партию и вся ЕКП на своем съезде отказались публично от сионистских задач своей программы».

Как видим, Сталин открыто задел «святое». В ответ на сильную аргументацию Сталина на помощь Розенфельду и переходящим гуртом евреям-коммунистам вскочил раздраженный Бронштейн-Троцкий: «...На декабрьском пленуме ЦК ЕКП 1922 года принято решение: отказаться от сионистской программы партии и просить о приеме всей партии в состав партии большевиков. Я думаю, нельзя, как рекомендует товарищ Сталин, начинать нашу совместную деятельность с недоверия, это будет оскорбительно». (В этой главе я вынужден повторно вернуться к этому историческому событию).

Сталин не был к такому повороту событий готов, и предложение Розенфельда было принято — партию загустили истинно революционной кровью. Сталин этот локальный бой временно проиграл, он на это "ответил" более масштабно только через год, после смерти Ленина — «ленинским призывом» из русского народа, который верно называть — «русский призыв».

В январе 1923 года на стороне противников Сталина Н. Крупская развернула бурную деятельность, используя любой случай «возвращения» Ленина в сознание, чтобы его «правильно» политизировать. Кончилась эта «настройка» Ленина Крупской против Сталина тем, что Сталин в конце января по телефону довольно беспардонно сделал замечание Крупской, — что она чрезмерно нагружает Ленина политикой во вред его здоровью. Обиженная Крупская по этому поводу подняла большой шум, превратив этот случай в скандал. Сталин, как человек порядочный, в этой ситуации 1 февраля 1923 года попросил Политбюро освободить его от этой партийной функции — опеки над больным Лениным, и объяснил случившееся. Члены Политбюро посовещались — действия Сталина посчитали правомерными и просьбу Сталина отклонили.

Крупская на этом не успокоилась и в феврале ещё усерднее стала настраивать Ленина против Сталина, используя уже случившийся скандал. Выдавить у Ленина некое гневное решение по отношению к Сталину Крупская попыталась очень оригинальным, ярким театральным образом. Как вспоминала сестра Ленина Мария Ульянова, — Крупская устраивала больному Ленину шокирующие истерические сцены — «была не похожа на себя, рыдала, каталась по полу».

Вообразите себе сцену — тучная Крупская, рыдая, с растрепанными волосами в истерике катается по полу перед Лениным, сидящим в коляске, и между этим важным политическим делом украдкой поглядывает на его реакцию... В общем: «два сапога — пара». И это Крупская вытворяла — прекрасно зная, что Ленину с его больным мозгом категорически нельзя нервничать, что это очень опасно для его здоровья и жизни...

На Ленина эти яркие сцены всё-таки подействовали, впечатлили, убедили и в начале марта 1923 года Ленин устроил разборки со Ста-

линым. Он не пошел на радикальные политические решения, а только 5 марта потребовал у Сталина извиниться перед Крупской, Ленин: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать её. Хотя она вам выразила согласие забыть сказанное... Я же не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин. Копия — тт. Каменеву и Зиновьеву».

Сталин ответил Ленину на следующий день - 6 марта: «Т. Ленин! Недель пять тому назад я имел беседу с т. Надеждой Константиновной... сказал по телефону ей приблизительно следующее: "Врачи запретили давать Ильичу политинформацию... между тем вы, оказывается, нарушили этот режим, нельзя играть жизнью Ильича" и прочее. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое... предпринятое "против вас". Впрочем, если вы считаете, что для сохранения отношений я должен взять назад сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя вина и чего, собственно, от меня хотят?» В последней фразе раздражение и «норов» Сталина видны отчетливо.

Далее произошло весьма странное событие, — ответ Сталина Ленину не передали, родная сестра Ленина М. И. Ульянова вспоминала, что ответ Ленину «решили не передавать». То есть — это Крупская решила не передавать, чтобы ещё более усилить озлобление Ленина против Сталина.

«В феврале 1923 года Ленину стало совсем плохо, и он попросил Сталина принести ему яд. Сталин обещал, но не принёс», — вспоминал свидетель тех событий В. Молотов. Если вспомнить многие восторженные мнения о Троцком, отмеченные мною в предыдущей главе, например Моисея Урицкого: «Как ни умён Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого», то в создавшейся ситуации — с апреля 1923 года наступило время Бронштейна-Троцкого, время его власти... Тем более, что, как мы уже наблюдали ранее, — после начала смертельной болезни со второй половины 1922 года Ленин помогал Троцкому, пытался всемерно его усилить.

«В последние месяцы жизни (Ленина), по мере убывания сил, эта страстность все чаще переходила в какую-то болезненную сверхвозбудимость. При этом день ото дня нарастала его душевная тяга к Троцкому...», — отметил в своём исследовании Николай Кузьмин («Возмездие», 2004 г.).

Алексей Меняйлов в своей книге «Сталин. Тайны Валькирии» (М., 2006 г.) также отметил: «Ленин, если помните, боялся, что к власти придут национальные силы коренных народов России, и хотел, чтобы во главе правящей ленинской клики был поставлен плоть от плоти этой клики — Лев Троцкий (Лейба Бронштейн)».

Тяга Ленина на смертном одре к Бронштейну-Троцкому понятна: несмотря на то, что ранее по «рабочим вопросам» они часто цапались, но по их отношению к большинству вопросов и главное «по делам их», — это совершенно родственные черные души на сознательном и бессознательном уровнях, близнецы-братья: циничные и кровавые «красные дьяволята», бесы, которых даже великий психолог и пророк Ф. Достоевский в кошмарном сне вообразить не мог.

«Что русские? Всем хороши, но не хватает одного — твердости. А наше спасение именно в этом, — доказывал Ленин. — Вы же, надеюсь, не собираетесь делать революцию в белых перчатках? А некоторые, к сожалению, и до сих пор... В общем, это рассусоливание надоело. Надо дело делать! А Лев Давидович человек надежный. Таких, батенька, днем с огнем...» (Из исследования Н. Кузьмина). А надежность Бронштейна в «твердости» по отношению к оккупированному русскому народу мы прекрасно знаем.

В конце 1922 — начале 1923 года получился довольно трагичный и смешной сюжет — два кровавых вождя-демона, ведомые взаимной тягой и пониманием важности данной исторической ситуации, тянутся друг к другу, а согласно строгим рекомендациям врачей и решению Политбюро между ними стоит строгий пунктуальный служака-разлучник Сталин.

«Обдумывая в своей постели со всех сторон, как сложатся в партии отношения без него, Ленин не мог не предвидеть, что Сталин и Зиновьев попытаются использовать мое небольшевистское прошлое для мобилизации старых большевиков против меня. "Завещание" пытается предупредить попутно и эту опасность», — вспоминал в своей работе «Завещание Ленина» (1932 г.) Троцкий заботу Ленина о нём.

Некоторые еврейские исследователи истории эту тягу Ленина к Троцкому также отметили, например, Ю. Фельштинский в журнале «Горизонт» (1990 г.) отметил: «В последние месяцы своей жизни Ленин действительно "простил" Троцкому его отклонения от ленинизма и откровенно предложил заключить блок против Сталина... Но именно в 1923 году, когда на сторону Троцкого стал умирающий Ленин, Сталин ответил на это укреплением своих позиций в партийном аппарате». Поддержка авторитетного Ленина, — это огромный плюс для бесспорного тогда наследника Ленина. И 14 марта 1923 года Карл Радек в «Правде» формально отметил этот факт статьей под названием «Лев Троцкий — организатор побед», чтобы не было сомнений — кто следующий вождь и глава государства. И Троцкий решил, что этого достаточно...

Но «хитрюга» история распорядилась иначе. У Бронштейна-Троцкого оказалась немало минусов, кроме подчеркнутой Лениным «чрезмерной самоуверенности» в своей гениальности; их мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Минусы Бронштейна-Троцкого и рукотворные минусы Сталина

«Чудовищная авторитарность, своего рода неспособность или нежелание быть хотя бы заботливым, внимательным к людям, отсутствие той привлекательности, которая была свойственна Ленину, обрекали Троцкого на известную изоляцию», — отмечал довольно мягко Луначарский минусы этого кровавого тирана, деспота, диктатора. Именно авторитаризм Троцкого в виде чудовищного деспотизма, тиранства, неуважения жизни людей и даже своих соратников напугал его наиболее вероятных союзников — Розенфельда-Каменева и Апфельбаума-Зиновьева, которые временно присоединились к Сталину, и это во многом предопределило победу Сталина на первом этапе противостояния.

В марте 1923 года в преддверии 12 съезда партии после упомянутой статьи Карла Радека ещё была издана и его рекламная брошюра «Товарищ Троцкий — создатель Красной армии, организатор наших побед», в которой Троцкий опять же — выдающийся вождь, гений и, соответственно, следовало понимать — единственный и бесспорный глава партии и СССР после смерти Ленина. Эту пиар-волну поддержал и главный по прессе — Н. Бухарин. Но, несмотря на эту поддержку и то, что Троцкий был главнокомандующим Красной армии, многие красноармейцы прекрасно помнили, как Троцкий расстреливал каждого десятого и ставил в спину красноармейцам пулеметы заградительных батальонов. А матросы-балтийцы прекрасно помнили не только кронштадтскую трагедию своих товарищей, но и то, что Троцкий расстрелял свою же охрану из балтийцев — около 60-ти матросов только за то, что его телохранители посмели требовать у «демона революции» улучшения бытовых условий, причем разъяренный Бронштейн лично застрелил четырех русских матросов, после чего набрал охрану из китайцев. А лихие кавалеристы Ворошилов и Буденный точно помнили, как по приказу Бронштейна

были арестованы и расстреляны из пулеметов 270 бойцов 6-й кавалерийской дивизии Буденного...

А эти и многие другие «подвиги» Бронштейна давали один большой пугающий минус — атмосферу сильного антисемитизма в захваченной стране — от красноармейцев до крестьян. Как уже неоднократно я отмечал — Кронштадтское восстание прошло с антиеврейскими лозунгами и против Бронштейна лично, крестьянские восстания русских крестьян также носили такой же характер. «Юдофобство (антисемитизм) одна из самых резких черт на лице современной России... Юдофобство везде: на севере, на юге, на востоке, на западе», — писал в 1922 г. С. С. Маслов. Еврейский исследователь истории С. М. Шварц также отметил антисемитизм в этот период — «это было гораздо более опасное явление», которое, по его же утверждению, поразило рабочий класс, большевистских чиновников и даже партаппаратчиков среднего уровня. Еврейский исследователь истории Бикерман пытался дать этому объяснение: «Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной армии... Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона... Русский человек видит теперь еврея и судьёй, и палачом...».

Не придало Бронштейну плюсов и его активное участие в Холокосте казачества, борьба с православной церковью и установление скандального памятника Иуде. Не могло не раздражать русских людей и то, как кровавые захватчики беззастенчиво славили себя — меняя названия русских городов на — Троцк, Свердловск, Зиновьевск, Тухачевск и т.д. А то, что было минусом для Бронштейна-Троцкого, то было «автоматически» плюсом для Сталина.

А минусы для Сталина упорно пытался делать приходящий иногда в сознание Ленин, который, чтобы сдержать явно бурный рост политического авторитета и влияния Сталина, решил подойти к этой проблеме с другой стороны и в письме-«завещании» предложил размыть это влияние, увеличив число членов ЦК «до нескольких десятков или даже сотни». Ленин видел среди членов своей партии принципиальную разность воззрений по поводу будущего СССР и предвидел на этой почве потенциальный раскол, и пытался всеми силами его избежать.

Подчеркну — к этому моменту откровенных конфликтов в борьбе за власть между Сталиным и Троцким не было. Обдумывая именно эту идею, Ленин вдруг радикально и добавил к ранее написанному: «...предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина...».

Ленин вспомнил свои же слова о неизбежном загнивании монополии и добавил ещё один совет: «Аппарат партийный и советский следует размежевать». Ленин пытается ввести принцип двух начал, если не

диалектический принцип противоположностей, то разделения единой власти на две части: на политическую и административную. Но когда административная власть неизбежно была поставлена под контроль политической-партийной власти, то польза этого начинания сразу была сведена к нулю.

Ленин разрабатывал и другие приемы, о которых писал в вышеупомянутой работе Троцкий:

«Для контроля над закулисной деятельностью секретариата Ленин разрабатывал общие меры организационного характера. Так возник план создания высокоавторитетного партийного центра в лице Контрольной комиссии из надежных и испытанных членов партии, иерархически совершенно независимых... 23 января Ленин переслал через Крупскую для напечатания в "Правде" статью на тему о проектируемой им реорганизации центральных учреждений.

Опасаясь одновременно и предательского удара со стороны болезни, и не менее предательского сопротивления секретариата, Ленин требовал, чтоб статья была напечатана в "Правде" немедленно: это означало прямую апелляцию к партии. Сталин отказал в этом Крупской, сославшись на необходимость обсудить вопрос в Политбюро. Формально дело шло об отсрочке всего на день. Но самая процедура обращения к Политбюро не предвещала ничего доброго.

По поручению Ленина, Крупская обратилась за содействием ко мне. Я потребовал немедленного созыва Политбюро. Опасения Ленина подтвердились полностью: все члены и кандидаты, присутствовавшие в заседании, Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин, были не только против предложенной Лениным реформы, но и против напечатания его статьи. Для утешения больного, которому каждое острое волнение грозило катастрофой, Куйбышев, будущий глава Центральной контрольной комиссии, предложил напечатать особый номер "Правды" со статьей Ленина в одном экземпляре...

Я с возмущением отверг предложение мистифицировать Ленина, высказался за предложенную им реформу по существу и потребовал немедленного напечатания статьи. Меня поддержал явившийся с запозданием на час Каменев. Настроение большинства было, в конце концов, сломлено тем доводом, что Ленин все равно пустит статью в обращение, ее будут переписывать на машинках и читать с удвоенным вниманием, и она тем острее направится против Политбюро. Статья появилась в "Правде" на другое утро, 25 января».

Но этого Ленину показалось мало, и когда после «провала» в феврале, он немощный, полупарализованный в начале марта пришел в сознание, то первым делом опять активно продолжил свою борьбу против Сталина, которую проследим опять в интерпретации Троцкого: «Свою

мысль о роли ЦК, как охранительницы партийного права и единства, Ленин развивал в связи с вопросом о реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), во главе которой в течение нескольких предшествующих лет стоял Сталин. 4 марта в "Правде" появилась знаменитая в истории партии статья "Лучше меньше, да лучше"...

...В высшей степени важна для нашей темы та гласная оценка, которую Ленин давал Рабоче-крестьянской инспекции: "Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать"...».

Да, в этой статье Ленин делал сильный разнос Сталину, наносил ему сильный удар, не называя его по имени: «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны...».

Троцкий: «В статье "Лучше меньше, да лучше" Ленин открыто указывает на то, что предлагаемая им реформа инспекции, во главе которой был незадолго перед тем поставлен Цюрупа, должна встретить противодействие'всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной". "В скобках будь сказано, — прибавляет он многозначительно, — бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных". Это был намеренный удар по Сталину как генеральному секретарю. Не будет, таким образом, преувеличением сказать, что последнее полугодие политической жизни Ленина, между выздоровлением и вторым заболеванием, заполнено все обостряющейся борьбой против Сталина».

Троцкий утверждает, что в начале 1923 года было ещё одно письмо Ленина, Троцкий:

«На июльском Пленуме 1926 года Зиновьев говорил: "В начале 1923 года Владимир Ильич в личном письме к т. Сталину рвал с ним товарищеские отношения" (Стенографический отчет Пленума. Вып. 4. С. 32). И другие ораторы, в том числе М. И. Ульянова, сестра Ленина, говорили о письме как о факте общеизвестном в кругу ЦК. В те дни Сталину не могло даже прийти в голову оспаривать эти показания». Это было письмо Ленина по поводу жалобы Крупской на поведение Сталина, когда ответное письмо Сталина Ленину не передали.

Вернемся к знаменитой статье Ленина «Лучше меньше, да лучше». Непонятно — почему эта статья была в СССР так знаменита(?), ибо кроме критического популизма в ней нет ничего ценного. Что, кроме красивой критики, предложил Ленин? — Предложил: во-первых, банальную, привычную «максимальную чистку нашего аппарата», дабы убрать оттуда сторонников Сталина, да и самого Сталина. Во-вторых, — «Послать несколько подготовленных и добросовестных лиц в Германию и в Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса» — это вместо ликвида-

ции государства по Марксу Ленин решил использовать в строительстве своего государства опыт капиталистических стран. В-третьих, Ленин, вероятно, решил поступить оригинально, «креативно» и в теме подготовки кадров предложил весьма неясную сомнительную белиберду:

«Наконец, к разряду их работ будут относиться занятия теорией, т. е. теорией организации той работы, которой они намереваются себя посвятить, и практические занятия под руководством либо старых товарищей, либо преподавателей высших институтов организации труда.

Но я думаю, что ограничиться такого рода академическими работами им никак не доведется. Наряду с ними им придется подготовлять себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п...

Если я писал выше о том, что мы должны учиться и учиться в институтах по высшей организации труда и т. п., то это отнюдь не значит, что я понимаю это "учение" сколько-нибудь по-школьному, или чтобы я ограничивался мыслью об учении только по-школьному. Я надеюсь, что ни один настоящий революционер не заподозрит меня в том, что я под "учением" в этом случае отказался понять какую-нибудь полушутливую проделку, какую-нибудь хитрость, какую-нибудь каверзу или нечто в этом роде. Я знаю, что в западноевропейском чинном и серьезном государстве эта мысль вызвала бы действительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает.

В самом деле, почему не соединить приятное с полезным? Почему не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полушутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное и т. д.? Мне кажется, что наш Рабкрин выиграет немало, если примет эти соображения к своему рассмотрению, и что список казусов, посредством которых наша ЦКК или ее коллеги по Рабкрину выиграли несколько своих наиболее блестящих побед, будет обогащен немало похождениями наших будущих "рабкринщиков" и "цекакистов" в местах, не совсем удобоупоминаемых в чинных и чопорных учебниках».

Желающие разобраться в этой ленинской «гениальности» могут сделать паузу — ещё раз прочитать и обдумать, а мне вспомнилась в этом случае белорусская поговорка-диагноз: «сдитянеу дед» или мягко говоря: Ильич был уже далеко не в лучшей интеллектуальной форме... На апрельском съезде многие сторонники Сталина и объяснили многие высказывания Ленина последнего периода его болезненным состоянием.

Активная политическая жизнь Ленина в связи с прогрессирующим параличом полностью прекратилась в апреле 1923 года. Последними действиями Ленина была просьба в марте к Троцкому по национальному вопросу «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии» и ранее указанное письмо к Мдивани. Троцкий: «5 марта (Ленин) пишет мне по поводу своего меморандума по национальному вопросу: "Уважаемый тов. Троцкий. Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным, если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом. Ленин. 5 марта 23 г."

В тот же день он впервые открыто солидаризуется с непримиримыми грузинскими противниками Сталина, извещая их особой запиской о том, что он "всей душой" следит за их делом и готовит для них документы против Сталина — Орджоникидзе — Дзержинского».

Это Ленин готовился добить Сталина на 12 съезде РКП(б), который проходил в апреле 1923 года, но уже не смог, потому что 7 марта у Ленина случился третий инсульт, и вместо него на съезде нанесла удар его жена — Н. Крупская. Подытоживая политическую жизнь Ленина-Бланка, историк Н. Кузьмин отметил: «Создатель партии большевиков закончил свою жизнь откровеннейшим троцкистом». Это совершенно верно, и выше в двух главах мы в этом убедились.

Но не все исследователи истории это понимают, некоторые фанатичные сталинисты, а в первую очередь — фанатичные ленинцы упорно «не видят» вышеизложенные факты, — «духовную» любовь Ленина к Бронштейну-Троцкому и глубокий конфликт между Сталиным и Лениным, и пытаются лживо говорить о симпатии Ленина к Сталину, например, сталинист Константин Романенко в своей книге написал следующую выдумку:

«Странно, но даже за десятилетия историки так и не поняли, а точнее, не хотели понять скрытой логики ленинского «Завещания». Ленин убежденно желал, чтобы после его смерти преемником остался именно Сталин. Но он передавал не монархическую власть, и у него не было уверенности, что его воля будет выполнена. Поэтому Ленин сделал остроумный и, как показали дальнейшие события, беспроигрышный ход». И Романенко утверждает, что конкурентам Сталина Ленин дал убийственные характеристики, не позволяющие выиграть гонку, а Сталина якобы обвинил всего лишь в грубости, после чего Романенко делает вывод: «И расчеты Ленина оправдались — Сталин остался на посту руководителя партии».

Вернемся к событиям весны 1923 года. Ещё до апрельского съезда Сталину пришлось преодолеть серьёзное испытание, — несмотря на недоброжелательное и даже отвратительное отношение к Сталину, Крупская 17 марта 1923 года вдруг обратилась к Сталину с секретной просьбой принести Ленину смертельный яд. Казалось бы, по всей логике отношений Крупской проще было обратиться с этой просьбой к Бронштейну или к своим любимчикам — Розенфельду-Каменеву или Апфельбауму- Зиновьеву...

При этом стоит заметить, что в «Журнале дежурных врачей» 17 марта не было отмечено никаких просьб Ленина о яде. Ленин в этот день вообще говорить не мог... То есть — Ленин не просил дать ему яд, не собирался покончить жизнь самоубийством. То есть, идея с ядом исходила от Крупской. Можно понять, что Крупская хотела умертвить Ленина из гуманных соображений — чтобы прекратить его муки, но то что она обратилась за ядом к Сталину, который до этого случая уже несколько раз отказывал Ленину в этой просьбе, — это уже было похоже на попутную провокацию-«подставу» со стороны Крупской.

Сталин, почувствовав неладное, перестраховался — озвучил эту секретную просьбу Крупской в узком кругу и 21 марта официально написал записку членам Политбюро: «В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном "просьбу Вл. Ильича Сталину" о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия...». Политбюро по этому поводу собралось и одобрило действия Сталина. Если бы Сталин принес смертельный яд, то можно представить, как пострадал бы авторитет Сталина, если бы после смерти Ленина все узнали, что это Сталин принес яд и отравил вождя... И никакими объяснениями, что это была просьба Крупской, Сталин бы не отмылся. Но Сталин поступил осторожно, мудро.

17-25 апреля 1923 года прошел 12 съезд партии, на котором Крупская неожиданно предъявила письмо Ленина с заметками по национальному вопросу, в котором Ленин высыпал на Сталина ворох обвинений-оскорблений: «истинно русский человек», «великоросс-шовинист», «подлец», «насильник», «типичный русский бюрократ», «национал-социалист» и «грубый великорусский держиморда».

В ответ на это Сталин быстро «перестроился» и в своём докладе 23 апреля 1923 года попытался перехватить инициативу в этом вопросе, сделав свою аналогичную «накладку» — сам говоря об этом же, но не о себе, а о других: «Национальный вопрос имеет для нас значение и с точки зрения внутреннего положения, не только потому, что в численном отношении бывшая державная нация представляет около 75 миллионов... Но прежде всего потому, что за эти два года мы ввели так называемый

нэп, а в связи с этим национализм великорусский стал нарастать, усиливаться... Таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается такая новая сила — великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения...».

В этом докладе Сталин также часто говорил о «крестьянстве ранее угнетенных национальностей». Вот ещё характерное высказывание Сталина из этого доклада на 12 съезде: «Только тогда и только поскольку Советская власть, до последнего времени являющаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной...».

Или ещё — Сталин: «Основная опасность, отсюда проистекающая, состоит в том, что в связи с нэпом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть всё нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское».

В общем, можно отметить, что нацмен Сталин на этом съезде попытался убедительно доказать, что он точно не является «истинно русским человеком» и тем более — «великороссом», и от ленинской грязи отмылся тем, что заделался таким же метателем такой же грязи... Его противники такой изворотливости, такого «хода» точно не ожидали, не были к нему готовы, — и оказались обезоружены и растеряны, и опять проиграли.

Кроме того, реакция делегатов съезда на письмо Ленина получилась во многом обратной — многие делегаты ранимо удивились русофобии Ленина, — он ли это писал? Не слишком ли сказалась на его уме болезнь? Или можно перефразировать известную истину(?): что у здорового на уме, то у больного на языке... У русских национальный, вернее — «интернациональный» вопрос уже накопился до сильного раздражения. И в этой ситуации обвинения Сталина в русском национализме из обвинения превратилось в похвалу, в тихое — «молодец» депутатов, поэтому Сталин зря так усердно старался доказать обратное. Говорил Сталин в этом докладе и о местном национальном шовинизме.

«В сеньорен-конвенте XII съезда он (Сталин) решился уже говорить в свойственном ему стиле о письме Ленина как о документе больного человека, находящегося под влиянием "бабья" (т. е. Крупской и двух секретарш). И под предлогом необходимости выяснить действительную волю Ленина решено было письмо сохранить под спудом», — объяснял провал атаки на Сталина Троцкий.

На этом съезде Сталин счел необходимым ещё раз подчеркнуть своё отношение к ленинскому "праву самоопределения": «Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, — это нужно сказать прямо, —

право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса (считай коммунистической партии. — Р. К.) на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым. Так обстояло дело, например, в 1920 году, когда мы вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву».

Здесь, конечно, Сталин наворотил оригинально: в интересах обороны напасть на Польшу... — чтобы затем в интересах обороны напасть на Германию и т.д. Так «обороняясь» можно зайти далеко... Это, кстати, говорит об уровне грамотности и разумности делегатов съезда, — если Сталин, рассчитывая на этот низкий уровень, мог сказать подобное.

Без улыбки трудно прочитать ещё одно высказывание Сталина по этой теме на съезде:

«Многие ссылались на записки и статьи Владимира Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как его здесь нет... Тем не менее, я вынужден одно место аксиоматическое, не вызывающее никаких недоразумений, процитировать, чтобы у товарищей не было сомнений насчет удельного веса национального вопроса. Разбирая письмо Маркса по национальному вопросу в статье о самоопределении, тов. Ленин делает такой вывод:

"По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса". Тут всего две точки, но они решают всё. Вот это надо зарубить себе на носу некоторым не по разуму усердным товарищам».

Вот так полетел увесистый булыжник в полюбившегося Ленину Мдивани и ему подобным, при живом молчаливом Ленине... Остается отметить, что умник-Сталин постарался — в этом случае «домашняя заготовка» получилась мощной.

Заканчивая рассматривать конфликт Сталина с Лениным по национально-государственному вопросу, можно отметить, что Сталин ещё долго не успокаивался и возвращался к этой истории, например, через два года после смерти Ленина — в декабре 1926 года Сталин говорил: «тов. Ленин перед 12 съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукоммунистов типа Мдивани... что я преследую их. Однако последующие факты показали, что так называемые "уклонисты", лица типа Мдивани, заслуживали на самом деле более строгого отношения к себе, чем это я делал, как один из секретарей ЦК нашей партии».

К 12 съезду Сталин приготовил ещё одну креативную заготовку, — выступил с инициативой в защиту угнетенных нерусских народов: «Нельзя, товарищи, при наших условиях, когда Союз объединяют в общем не менее 140 миллионов людей, из которых миллионов 65 нерусских, — нельзя в таком государстве управлять, не имея перед собой здесь, в Москве, в высшем органе, посланников этих национальностей...

До сих пор был у нас ЦИК РСФСР, потом создали ЦИК Союза, теперь ЦИК Союза придется разделить на две части... Вот почему я думаю, что съезд должен принять учреждение специального органа — второй палаты в составе ЦИК Союза, как органа абсолютно необходимого».

Мало того, что эта идея Сталина в определенном смысле была правильной, и к тому же — он переключил внимание депутатов на обсуждение этой новой идеи, но эта идея ещё явно принесла дополнительные плюсы Сталину в виде симпатий лидеров различных нерусских национальностей, которых серьёзно уважили, и их «эго» было сильно польщено. Получилось, что на 12 съезде Сталин не только удачно защитился, но ещё и укрепил свою позицию, увеличил число своих сторонников, развил свой авторитет и будущий успех.

Кстати, на 12 съезде диктаторскую партию РКП(б) переименовали в ВКП(б). Недовольная результатами работы этого съезда Крупская не унималась, и через месяц — в конце мая заинтриговала сообщением, пугнув Сталина, что у неё есть ещё одна никому не известная очень важная работа Ленина «Письмо к съезду», которую она предъявит на следующем съезде партии. Для обсуждения этого сообщения даже собралось Политбюро, но долго не обсуждали, потому что были для обсуждения более важные текущие вопросы, — в июне начались массовые стачки и забастовки рабочих в различных городах СССР.

Заканчивая эту главу, стоит заметить — в начале апреля 1923 года Ленин по состоянию здоровья прекратил всякую *деятельность,* его жизнь как политика закончилась. Хотя стоит отметить, что политическая жизнь Ленина продолжилась после его смерти — его работы читали, его достижения жили, его авторитетное имя активно старались использовать все стороны, борющиеся за власть в СССР. Но неоспоримо — с апреля 1923 года СССР остался без верховного вождя, место на «троне» СССР стало свободным в ожидании нового лидера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА СТАЛИНА ЗА ВЛАСТЬ И ЗА СВОИ ЦЕЛИ

«Высшее наслаждение - найти для себя врага и раздавить его, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина»

Сталин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1923 год. В преддверии схватки

Понятно, что Сталин не искал врага, этот враг давно был рядом. После того как Ленин выбыл из борьбы и власти, — сразу «автоматически» врагом № 1 для Сталина стал самый вероятный, самый ожидаемый преемник Ленина — Лейба Бронштейн-Троцкий.

Если не обращать внимания на «технические» стычки Сталина и Бронштейна во время Гражданской войны как двух сильных характеров, то, как мы наблюдали ранее, — скрытое смысловое, идеологическое и, соответственно, политическое противостояние началось после окончания Гражданской войны — в 1920 году. И как мы наблюдали в предыдущих главах — Ленин в последний период своей политической жизни старался приобщить Бронштейна-Троцкого к своей борьбе против Сталина, и даже навязчиво пытался подтолкнуть его в эту борьбу. Но Троцкий упорно отклонялся от этой борьбы, хотя можно предполагать, что в дружном тандеме Ленин и Троцкий смогли бы без особого труда расправиться со Сталиным. Троцкий высокомерно «не опускался» до «мелких» теоретических споров и непонятного копошения внутри «этой» страны, он был выше этого, он глобалил, ведь он ещё в 1917 году сформулировал аксиому:

«Сейчас, после столь многообещающего начала русской революции, у нас есть все основания надеяться на то, что еще в течение этой *войны* развернется во всей Европе могущественное революционное движение. Ясно, что оно сможет успешно развиваться и прийти к победе только как общеевропейское. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель». Этот постулат Троцкий написал в брошюре под издевательским названием «Программа мира», хотя по смыслу эту брошюру следовало бы назвать — «Программа перманентной войны».

Рассматривая в предыдущей главе события первой половины 1923 года, нетрудно заметить очень низкую политическую активность Бронштейна-Троцкого внутри страны, хотя к нему каждый день приходил один из лечащих врачей Ленина — Гетье, который докладывал о плачевном состоянии Ленина и, соответственно, — о близкой смерти главного в стране человека. Чем это объяснимо? Это важно понять, потому что пока Сталин усердно набирал очки — увеличивал свой политический вес, расширял своё влияние, то Троцкий вел себя пассивно, и это выглядело странным. Ему, как первому после Ленина, предложили выступить на 12 съезде с отчётным политическим докладом, но он отказался, хотя выступил на съезде с докладом о состоянии промышленности, хотя ею не занимался.

Кроме той успокаивающей самоуверенности вождя — что никуда не денутся — сами пригласят и вручат власть, следует отметить следующее: во-первых, как оказалось, — Троцкий не очень комфортно, неуверенно чувствовал себя в этот мирный период, тем более в условиях сложной витиеватой «шахматной» игры, которую уже вел за власть Сталин. По уровню интеллекта в этом противостоять Сталину пытался только Ленин, затем Крупская, по крайней мере — пытались... Троцкий привык действовать в боевых условиях: в подполье, при захвате власти, в Гражданской войне. И методы этого кровавого палача: расстрелять инакомыслящего, расстрелять каждого десятого для примера и для устрашения, взять в заложники семьи и т.п. - эти его методы в мирной жизни не годились, а искать мирное решение в поисковом режиме, как это делал Ленин и Сталин, — у него не получалось. Он долго перестраивался, долго приноравливался к мирным условиям.

Почти верно заметил еврейский историк Р. А. Медведев («К суду истории») — Троцкий определялся до осени 1923 года. «Почти» — потому что в первом полугодии Троцкий не вальяжно определялся и не вел себя пассивно, а вел сверхактивную работу в другой сфере, — он всё свои усилия направил на большую интенсивную подготовку очередного похода по продвижению «мировой революции» и гегемонии своего народа с использованием «оседланной» силы русского народа, опять — на Варшаву и на Берлин! Поэтому в это период Бронштейну некогда было активно проявлять себя внутри СССР, был сильно занят, он опять глобалил, опять координировал свои действия с польскими и немецкими евреями-революционерами, которые готовили там очередную коммунистическую революцию.

С начала 1923 года в режиме секретности в большевикских верхах шла острая дискуссия по вопросу продолжения «мировой революции» в ближайшее время, организации её в Германии и очередной проход через Польшу. Естественно, — главными локомотивами этой идеи

были Бронштейн и глава Коминтерна Апфельбаум-Зиновьев, который активно пропагандировал эту идею на различных закрытых партийных собраниях. И понятно — кто был против очередного мирового похода. Сталин в апреле на 12 съезде в пику Троцкому стал убеждать, что он идет не в ту сторону, и, ссылаясь на высказывания Ленина в работе «Лучше меньше да лучше», стал утверждать, что народы СССР «органически связанные с Китам и Индией», и поскольку эти страны по численности населения самые большие, то, по мнению Сталина, «важны для революции прежде всего».

Запутка у Сталина не получилась, тем более, что военная машина Троцкого и Коминтерн Зиновьева уже «на всех парах» работали на новый поход на Запад. Вначале посланник Бронштейна по фамилии Копп провел в Варшаве тайные переговоры о пропуске многомиллионной Красной Армии через территорию Польши. За эту уступку большевики обещали отдать полякам Восточную Пруссию. При этом в Москве прекрасно понимали, что если Германия будет захвачена, то судьба находящейся между двух советских стран Польши будет решена легко. В Варшаве это также прекрасно понимали, поэтому всякие переговоры о походах Красной армии через Польшу были отвергнуты. Интересно, что в 1939 году польские власти опять получили из Москвы похожее предложение.

Тогда началась основательная подготовка по нескольким направлениям. Усилилась работа с польским пролетариатом, если в прошлый поход переагитированные большевикскими агитаторами польские докеры предательски отказывались разгружать в портах оружие для польской армии, то теперь, помня опыт лета 1917 года, большевики смогли перетянуть на свою сторону польских железнодорожников, которые объявили бессрочную забастовку и парализовали работу железной дороги, В Кракове польские коммунисты вместе с рабочими разоружили местный гарнизон и фактически захватили этот древний город. Но получилась «накладка» — по приказу Троцкого в Краков для развития и расширения восстания должны были срочно примчаться из Варшавы товарищи, работавшие под крышей советского полпредства, но с их же участием польские железнодорожники уже парализовали железные дороги... А когда первыми прибыли депутаты польского сейма и толково объяснили «массам» суть происходящего, то восставшие сложили оружие. А расположенные недалеко от Кракова уланские полки добрались до Кракова своим ходом и предотвратили повтор.

Генштаб Троцкого уже разрабатывал оперативные планы, а опытный большевик-террорист Уншлихт организовывал теракты по всей Польше, — в 1923 г. произошла череда «загадочных» взрывов: от редакций газет до складов с оружием. Организованный террористами из Москвы взрыв в центре Варшавы склада с боеприпасами в варшавской крепости

был такой силы, что роту солдат, стоявших на плацу за полкилометра от крепости, подняло в воздух и выбросило в Вислу, при этом пострадали сотни мирных людей. Было организовано несколько неудачных покушений на польского лидера Пилсудского. А на польских территориях, где проживали белорусы и украинцы, «крашенные» советские диверсионные отряды «настраивали» местное население против властей по методу, подсказанному Лениным Эфроиму Склянскому: «Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим. — Ленин) пройдём на 10-20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100 000 за повешенного» (из исследования А. Арутюнова).

«Осенью 1923 года это была не только идея. 20 октября военная комиссия ЦК разработала план мобилизации Красной Армии — на случай вооружённой помощи территориальному проекту (до 2,5 млн. человек) и создание для этих целей 20 новых дивизий. Специально отбирались люди, знающие немецкий (со времен плена у немцев в Первую Мировую)», — писал Иоахим фон Риббентроп.

Для всего этого множества подготовительных к очередному походу мероприятий требовалось громадное количество денег, причем не напечатанных бумажных советских, а — валюта, золото и драгоценности. А где это всё взять? Известный сталинист В. Карпов в своей знаменитой книге «Генералиссимус» объяснял: «Все изъятые под предлогом помощи голодающим ценности в действительности пошли совсем на другие дела. Определенный процент — Троцкому, о чем сказано в постановлении Политбюро: "Реввоенсовет немедленно получит из числа драгоценностей на 25 миллионов рублей... сумма эта предназначена на мобилизационные запасы, не облагается налогом и при определении военной сметы не учитывается".

И ещё Троцкому шли огромные суммы на осуществление его главной мечты — разжигание мировой революции (вернее — захвата планеты и народов, как недавно России, посредством мировой революции. — Р. К.). В письме Ленину, Красину, Молотову 23 марта 1922 года он требует денег немедленно: «...Для нас важнее получить в течение 22-23 гг. известную массу ценностей на 50 миллионов, чем надеяться в 23-24 гг. получить 75 миллионов для наступления пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран".

Самые ценные антикварные вещи после изъятия, под строгим наблюдением лично Троцкого, направлялись в Госмузей. Какая трогательная забота о ценностях русского искусства! Но эта забота сразу обретает иной смысл, когда читатель узнает — Госмузей возглавляла жена Троцкого, Мадам Троцкая (Седова)».

Кстати, этими утверждениями и доказательствами сталинист В. Карпов опроверг ложь другого сталиниста — Ю. Мухина, который

написал: «Сейчас глуповатая часть православных голосит об "ограбленных" большевиками церквах. Эти люди не задумываются о том, что, возможно, они и на свет появились только потому, что большевики на эти ценности закупили хлеб для их предков и не дали предкам умереть». От переполняющего возмущения это утверждение Мухина можно прокомментировать коротко — играя на маленькой частичной правде Ю.Мухин врёт нагло, очень цинично и очень сволочно...

Большая группа коммунистов-террористов направилась из Москвы и в Германию для организации красной революции. «Радеку ставилась задача взять на себя руководство германской компартией, Шмидту — организовать революционные ячейки в профсоюзах, которые потом превратятся в Советы, Пятакову (Тархису) — осуществлять общую координацию и связь с Москвой. Уншлихт должен был организовать снабжение оружием, формирование вооруженных отрядов и местных ЧК. Кроме них в Германию были откомандированы Берзин, Тухачевский, Крылов (Соболевский), Ягода. Туда направлялись выпускники и слушатели спецфакультета академии РККА, их предполагалось использовать для закладки баз с оружием и обеспечения боевиков. Для переброски за границу были мобилизованы все коммунисты-немцы (их в СССР набралось аж 20 тысяч!)... — писал в своей книге В. Шамбаров. — Российские деньги отпускались практически без счета. И расходовались тоже без счета — секретарша берлинского резидента Коминтерна Рейха (того самого, который по приказу Ленина набирал у Ганецкого драгоценные камни) при последующих разбирательствах давала показания, что чемоданы, сумки и коробки с деньгами валялись у них повсюду, мешали проходу, загромождали столы и стулья, путались под ногами». И это когда в России бушевал ужасный смертельный голод.

Понятно, что долго под ногами сумки с деньгами и драгоценностями валяться не могли... В этой истории обогатились многие коммунисты-интернационалисты. И упомянутый Яков Самуилович Рейх не был исключением, он поймал оказию и осуществил золотую мечту многих «коренных» коммунистов — с наворованными российскими деньгами и драгоценностями зажил богатым и уважаемым человеком в США...

В период после апрельского съезда и до октября 1923 года Бронштейн-Троцкий редко занимался внутрироссийскими проблемами, иногда отвлекался от мировой глобальности только для того, чтобы побороться с русским шовинизмом. Например, на секретном четвертом совещании ЦК РКП по национальным вопросам 9-12 июня 1923 года Троцкий предлагал такой метод борьбы с русским шовинизмом в своём ведомстве: «Я предлагал несколько месяцев тому назад у нас по военной линии: поймать командира, человека вообще вооруженного, который в своей служебной сфере проявляет шовинизм, высказывания, например, по отношению к представителям малых или культурно отсталых национальностей высокомерие или презрение и предать его публичному суду, — не для того, чтобы его расстреляли, можно просто выбросить из армии, лишив его общественного доверия, — но важно, чтобы суд был публичный с представителями красноармейцев и местных туземных крестьян и рабочих».

Кстати, на этом совещании при национальных лидерах: М. Д Халикове из Башкирии, Т. Рыскулове из Туркестана, М. Ербанове из Бурят-Монгольской АССР, А. Енбаеве из Татарской АССР и прочих Бронштейн называл их народы — «туземцами», нагло демонстрируя шовинизм своего «цивилизованного» народа. При этом весьма коварно предлагал: жесткую большевикскую политику «на окраинах нужно проводить великорусскими руками», чтобы затем все «эксцессы» со стороны власти свалить на «великорусский шовинизм» и разжечь у «окраинных» народов ненависть к русскому народу.

В самый разгар подготовки к очередному мировому походу в СССР произошли для советских властей неприятные события — летом 1923 года начались в разных городах массовые стачки и забастовки рабочих, которые были категорически недовольны своим положением, рабочие при коммунистах жили намного хуже, чем при царе... Это было уже не результатом военной разрухи, ибо Гражданская война закончилась уже три года назад, — и за три года ситуацию в стране при желании можно было улучшить, а это было результатом пагубной внешней и внутренней политики Ленина и всего Центрожида(по С. М. Дубнову). Во-первых, — необходимые для экономики страны средства и ценности в огромных количествах выводились в Польшу и Германию для подготовки революции и похода.

А во-вторых, в результате «простых» действий Ленина в экономике с финансами, вернее в результате афер «гениального» Ленина с финансами, наступил закономерный хозяйственный кризис в стране, который советские историки назвали — «жесткий хозяйственный кризис 1923-1924 гг., забыв при этом добавить — и социальный и, как следствие и конечный этап его, — политический.

А как этому кризису было не случиться, если «Денежная масса выросла в период с 1 июля 1921 года до 1 января 1923 года в 850 раз и достигла около двух квадриллионов рублей... Рубль за этот период обесценился в 260 раз», — пояснял после сталинский министр финансов А. Г. Зверев. В период с 1921 по 1923 гг. Ленин использовал печатный станок, чтобы увеличить количество «пустых» рублей-бумажек в обращении «приблизительно в 20 000 раз». Сами коммунисты потеряли счет, контроль за выпускаемыми каждый месяц триллионами, сумма которых к концу 1923 года достигла примерно 700 квадриллионов рублей.

Понятно, что в этих условиях рабочие и тем более крестьяне не могли ничего купить — их зарплата и их накопления исчезали, обесценивались с огромной быстротой, и с такой же быстротой дорожали самые необходимые товары, и становились недосягаемыми, ибо инфляция в этот период в СССР подняла цены примерно в 160 000 раз по сравнению с 1913 годом.

Массовые стачки и забастовки рабочих с экономическими требованиями — фактически против советской власти, сильно испугали руководителей страны, оставшихся без вождя, грозил произойти новый Кронштадт и новые рабоче-крестьянские восстания. Когда в сентябре 1923 г. на Пленуме ЦК обсуждались эти стачки и забастовки рабочих, Сталин отметил и другие промахи партийцев:

«Первая причина — это волна брожения и забастовок в связи с заработной платой, прокатившаяся по некоторым районам республики в августе этого года... Вторая причина... это те массовые отпуска, которые наши партийные товарищи допустили», партийные «ячейки в этих районах мало активны, политически и культурно отсталы», «плохо нас информируют с мест», «не изжили некоторых пережитков военного периода».

И как обычно в таких ситуациях большевики стали искать — кто подбил рабочих, якобы сами доведенные до отчаяния рабочие не способны на стачки и забастовки, стали искать «контру»: белое подполье, эсеров, меньшевиков, патриотов, но никого не нашли (немного позже Зиновьев нашел группу патриотически настроенных поэтов и писателей во главе с Ганиным и расправился с ними). Кто-то убил совершенно мирного сына Циолковского. И, как всегда, разъяренные коммунисты остановили свой репрессивный взгляд и удар на последних оставшихся в живых священниках и уцелевших ещё церквах, и стали яростно громить и арестовывать. Это, в свою очередь, вызвало ещё большее протестное возмущение рабочих.

В этой ситуации Сталин взял на себя инициативу, ответственность и решил пресечь карательные «перегибы», очередные кровавые «эксцессы» и 16 августа 1923 года разослал циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30, в котором говорилось:

«ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьёзное внимание на ряд серьёзных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношения к верующим и к их культам...

Исходя из сказанного, ЦК постановляет:

1) Воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений...

2) Воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих...

3) Воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов...

4) Воспретить аресты "религиозного характера"...».

Колхозы в конце 20-х годов не были изобретением Сталина, в 1923 году газета «Известия» объявила конкурс на лучший колхоз в СССР, это якобы должно было предвещать рабочим скорое изобилие, а пока в условиях нэпа кибуцы активно создавались только в крымском Израиле.

С большим пропагандистским шумом летом 1923 года решением сессии ЦИК была введена в действие первая Конституция СССР — «самая демократичная в мире». Но рабочих особо не обрадовало закрепленное Конституцией их преимущество перед крестьянством и ущемление прав крестьян. Кроме этого, необходимо было срочно принимать другие, более фундаментальные «успокаивающие» меры экономического характера, и кто-то должен был взять на себя инициативу принятия решений. А второй вождь захватчиков — Бронштейн-Троцкий занимался совсем другим — глобалил, уже видел себя господствующим над всей советской Европой... В этой ситуации в пору было вспомнить аксиому знаменитого русского дипломата Горчакова: ничего не предпринимать во внешней политике такого, что могло бы навредить внутри страны, и деньги пора было направлять не для закупки динамита для терактов в Польше и оружия для немецких террористов-революционеров, а на продовольствие для оккупированного народа...

В этой ситуации Сталин проявил активность и стал подтачивать принципиальную позицию Троцкого, высказывать сомнения по поводу разумности его действий и политики. «Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты её подхватят, они провалятся с треском. Это в "лучшем" случае. А в худшем случае — их разобьют вдребезги...» — писал Сталин в письме главе второго штаба «мировой революции» — Коминтерна Зиновьеву 7 августа 1923 года, намекая ему, что все усилия и средства будут потрачены зря и за это придется кому-то ответить.

Раньше Сталин своих фундаментальных убеждений не открывал и политесно вторил Ленину и Бронштейну, Сталин: «...Развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах». Теперь же Сталин стал действовать смелее, причем — он не отказался публично от возможности мировой революции, а по ситуации стал действовать «гибко», продвигая следующее логическое утверждение — если в Западной Европе нет условий для революций, нет шансов для успешной революции, то что делать Бронштейну и прочим воинственным гегемонам? — Сидеть в СССР и ждать? Сколько ждать?

«Так как победы нет ещё на Западе, то остается для революции в России "выбор": сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство» — сгущал краски Сталин, хотя с учетом нэпа постепенное «перерождение» — «возвращение» было весьма вероятно. Тогда что остается, если даже временно отложить «мировую революцию»? — Придется что-то создавать, что-то строить в СССР...

А Бронштейн-Троцкий был категорически принципиально против этого, считал состояние СССР достаточным для функции опорной базы мировой революции. В своей брошюре «Программа мира» в 1917 году, написанной после захвата власти в России, он утверждал: «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках, значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма». А когда возникли споры после Гражданской войны на тему — что делать дальше: строить что-то в России или продвигать дальше мировую революцию, то Бронштейн переиздал в конце 1922 года эту свою брошюру и в послесловии к ней добавил, как считал, самое важное:

«До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром... Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». И это своё утверждение Троцкий дополнительно аргументировал последними событиями: «Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр. являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках».

Сталин продолжал использовать свои возможности в кадровых назначениях, увеличивал свою политическую силу, и не только назначал на различные должности своих сторонников или «нейтральных», которые были бы ему благодарны, но стал незаметно разреживать ряды потенциальных сторонников Бронштейна, например, летом 1923 г. не без участия Сталина соратник Троцкого Раковский был отправлен послом в Лондон. Раковскому это льстило, да и по комфортности жизнь в Лондоне отличалась от советской, но в полной мере участвовать в делах внутри СССР, как соратник Троцкого, он уже не мог.

Сталин стал активно пропагандировать альтернативное «мировой революции» направление деятельности — строительство нового государства, стал убеждать, что коммунистическая партия должна «из партии переворота внутри России превратиться в партию строительства, в партию созидания новых форм хозяйствования». Предсказуема на это реакция Троцкого:

«...Самой крупной ошибкой Сталина является его теория о возможности строительства социализма в одной стране».

В ответ Сталин стал брать себе в союзники авторитет уже молчаливого Ленина — его высказывания ещё в 1915 году, — что в результате неравномерности развития различных стран не исключен вариант строительства социализма вначале в одной стране, Ленин: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира...».

Тогда, — в 1915 году Троцкий ответил на статью Ленина и фактически согласился с этим утверждением, Троцкий: «Что ни одна страна не должна "дожидаться" других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах...». Теперь же, в 1923 году, Троцкий принципиально придерживался противоположного мнения.

А Сталин долго и усердно доказывал обратное, даже когда уже в СССР давно не было Троцкого, например, известный швейцарский писатель и журналист еврейской национальности Лион Фейхтвангер после встречи со Сталиным в 1937 году в своей книге «Москва, 1937 год» отметил, что Сталин ему особо подчеркнул, что «построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция».

А наш современник — шумный предводитель еврейской общины в Харькове Э. Ходос так охарактеризовал намерения и планы Сталина: «Отказавшись от "хазарского" пути развития, Сталин изобрел собственный способ исторической "кладки" Страны Советов. В качестве трех "китов", на которых началось возведение уникального, не имеющего аналогов государственного образования, "отец народов" использовал следующие принципы: коллективизацию сельского хозяйства, индустриализацию промышленности и централизацию власти.

Что касается третьего "кита", то именно это сталинское достижение фактически свело на "нет" главное завоевание строителей Второй Хазарии — разрушение самодержавной модели управления государством. Выстроив жёсткую вертикаль власти, Сталин, по сути, реанимировал самодержавие, и создал собственное "ноу-хау" — "социалистическую

монархию", определившую, в свою очередь, политический строй управляемой им страны как "социалистическую империю"».

Знаменитый в «перестройку» и для некоторых наших интеллигентов и сегодня «авторитетный» историк Дмитрий Волкогонов в рассматриваемой нами теме не разобрался, не понял многого и в своём двухтомнике, посвященном Сталину, фиксировал тенденцию верно, но неверно её трактовал: «Сталин... все более отходил в сторону от ленинской концепции... Истолковав по-своему ленинизм, диктатор совершил преступление против мысли... Гуманистическая сущность ленинизма в сталинских "преобразованиях" была утрачена». Конечно, по поводу «гуманности» Ленина, разумности или порядочности Д. Волкогонова можно только горько улыбнуться... — Это мы подробно наблюдали в предыдущей книге.

А тогда, в начале строительства, Сталин упорно отстаивал свои взгляды и, благодаря своей феноменальной памяти и трудолюбию, отыскивал новые высказывания Ленина в пользу своей позиции, при этом умудрялся гибко, компромиссно соединять казалось бы несоединимое:

«...Тов. Ленин считал Республику Советов факелом, освещающим путь пролетариям всех стран. Вот что говорил об этом тов. Ленин: "Пример Советской республики будет стоять перед ними (т.е. пролетариями всех стран. И. Ст.) на долгое время. Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов"...

Задача состоит в том, чтобы поддержать этот факел и упрочить его существование во имя победы мировой революции».

Этой дискуссии со Сталиным Троцкий не придавал серьёзного значения, как он вспоминал в своей книге о Сталине — ещё на апрельском 12 съезде Сталин был средним чиновником-бюрократом и никто его выдающимся не считал, и через 3-4 месяца мнение Троцкого о Сталине сильно не изменилось, он его по-прежнему сильно недооценивал. В этот период в СССР при парализованном Ленине главными большевикскими деятелями считались Бронштейн-Троцкий и Апфельбаум — Зиновьев, это они осуществляли в данный период главную деятельность, решали главную задачу.

Троцкий серьёзно встревожился, когда вдруг появился извне старый «коренной» революционер-террорист, а ныне скучающий в роскоши европейский миллионер Парвус-Гельфанд с многочисленными иностранными козырями в рукавах. Парвус также боролся с Российской империей и немало сделал для её разрушения и захвата, но ничего от

этого и за это не получил. Парвус с завистью наблюдал как мимо него и без его участия из России из Эрмитажа и других музеев и хранилищ проплывали в США и другие страны накопленные многими веками русскими сокровища... И теперь он решил потребовать от своих бывших подельников обычной справедливости. И связавшись через находящегося в Лондоне Радека, Парвус передал своему старому другу ещё со второй еврейской террористической войны против России (1901-1906 гг.) Троцкому весть: своё желание войти в состав Советского правительства. Это был серьёзный игрок и мог испортить грядущий глобальный праздник Бронштейну и Зиновьеву, — отобрать у них кусок славы.

«Обескуражены были многие, но в первую очередь Троцкий и Зиновьев. Этого ещё не хватало! Парвус мог вломиться в ситуацию как слон в посудную лавку. Начались лихорадочные переговоры. У нового претендента имелись на руках сильные козыри. Он недвусмысленно намекал на ужасающие разоблачения. В конце концов от него откупились, заплатив ему в качестве отступного два миллиона марок», — отметил в своём исследовании Н. Кузьмин.

«Хозяйская» активность Сталина, проявленная летом 1923 года в отсутствие Ленина и фактическом «отсутствии» Троцкого, также не осталась ревностно не замечена. В связи с этим летом 1923 года произошла одна история, достойная быть фрагментом хорошего спектакля или фильма. Позиция «героев» на сцене следующая: Ленин безнадежно болен, Троцкий фанатично играет в свою «войнушку» и весь поглощён её подготовкой, в городах недовольные рабочие проводят стачки и забастовки, Сталин летней жарой один пыхтит, «пашет» — управляет государством, а все остальные «вожди» наслаждаются летним отдыхом в отпуске в южном советском раю и лениво шевелят мозгами — анализируют ситуацию, расклад внутрипартийных сил и пытаются прогнозировать на тему — что будет происходить после смерти Ленина и на чьей стороне — Сталина или Троцкого выгоднее, перспективнее оказаться?...

Эту ситуацию в середине 30-х некоторые заговорщики вспомнят как пример и объяснение того, что они приняли участие в заговоре в 30-х только из карьерных соображений, «сидели на двух стульях», чтобы не прогадать, если Сталина свергнут, как выиграли те, кто в 1923-1924 поставили на «рискованного», маловероятного наследника власти Сталина, и проиграли те, кто поставил на совсем надежного Бронштейна...

На отдыхе на лечебных водах в Кисловодске в июле 1923 года «на природе» встретилась группа партийцев: Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Лашевич (председатель Сибревкома), Ворошилов и Орджоникидзе. И произошло так называемое с усмешкой — «пещерное совещание», на котором руководитель боевого Коминтерна Зиновьев закономерно

выразил недовольство высказываниями Сталина против осуществления «мировой революции» и предложил присутствующим союз с Троцким против Сталина. Более того, — у Зиновьева была припасена мудреная заготовка — он предложил собравшимся способ ослабить растущее влияние Сталина: чтобы Сталина ослабить, необходимо сильно ослабить Секретариат ЦК, а чтобы это сделать, необходимо отобрать у Секретариата многие функции управления, либо необходимо размыть руководство введением новых членов, чтобы Сталин с ними поделился полномочиями, властью. Можно было без труда догадаться, — что за Апфельбаумом-Зиновьевым стоял очень занятой Бронштейн-Троцкий.

Сторонники Сталина Орджоникидзе и Ворошилов отвергли эту идею, и тут же в пещере «похоронили» это начало заговора против Сталина. В этой ситуации Апфельбаум-Зиновьев понял, что попал в затруднительную ситуацию, — понятно, что Сталину его предложение станет известным и ему придется со Сталиным объясняться, выкручиваться, и он решил упредить донос и заодно попробовать удачу — а вдруг Сталин согласится с его предложением... И Зиновьев решил намудрить: подговорил бестолкового «Балаболку» Бухарина на якобы «невинную» шутку, и 29 июля 1923 года они отправили из Кисловодска Сталину письмо, в котором написали:

«...Два обывателя предлагают ввести в Секретариат для консолидации Зиновьева, Троцкого, Сталина». Сталин, скорее всего, недовольно хмыкнув, подумал — ничего себе шутки «обывателей», — ввести в мой Секретариат моего противника Бронштейна-Троцкого и его друга по Коминтерну... Размыть мою власть хотят и лишить её... У Бронштейна вся Красная армия и огромный авторитет вождя, а у меня авторитет поменьше и какой-то Секретариат, если на это соглашусь, то у Троцкого и Зиновьева будет и Красная армия и Секретариат, а с чем останусь я?.. Тоже мне — нашлись игроки... (дальше, думаю, пошли не очень приятные эпитеты в адрес разомлевших от жары «обывателей»).

И Сталин, мудро-хитро ухмыльнувшись, оригинально и дипломатично им отвечает, в начале «скосив под простачка»: «Не пойму, что я должен сделать, чтобы вы не ругались. Было бы лучше, если бы вы прислали записочку — ясную и точную». Далее в ответном письме Сталин как бы между прочим легко и одновременно тяжко обвинил Зиновьева и Бухарина в попытке партийного разрыва и разрыва их дружной работы, дружбы: «Все это, конечно, в том случае, если вы в дальнейшем за дружную работу (я ...стал понимать, что вы не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное)... Действуйте, как хотите». Похоже, Сталин не только выдвинул серьёзное обвинение, но и не на шутку разозлился и психанул, дав ложную свободу и ответственность важного выбора, испугав этим здорово «обывателей» — авантюристов.

В последней трети этого письма Сталин миролюбиво решил сгладить вторую острую часть письма и дружелюбно ненавязчиво надавил на товарищескую и партийную совесть этих «обывателей» — «шахматистов» и с притворным «пофигизмом», как маститый актер, написал: «Дней через 8-10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился). Всего хорошего.

Постскриптум. Счастливые вы, однако, люди. Имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы... А я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая. Причем я же оказываюсь виноватым. Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь, друзья мои. И. Ст.».

Нетрудно представить мимику читающих этот ответ и переглядывающихся после каждой фразы этих кисловодских горе-мудрецов... Думаю, Сталин предугадывал ответ на его письмо, который был уже во многом спроецирован его письмом, но всё же волновался, ждал ответа. И «друзья» быстро поспешили закрыть тему: «Разговоры о разрыве — это же, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи. Куда вы думаете ехать отдохнуть? Привет».

Нетрудно также догадаться — что после этого письма подумал Сталин об этих любителях эпистолярного жанра, и не стоит это озвучивать... Уверен, своё вышеизложенное письмо Зиновьеву и Бухарину Сталин писал долго, напряженно, взвешивая каждое слово. И, зная «кавказский» характер Сталина, уверен — при выставлении конечного суммарного счёта в середине 30-х этим партийным «обывателям» он припомнил им и эту напряженную, нервную историю с письмом. Ибо то жаркое лето 1923 года было важным моментом, — перед грядущим столкновением формировались две «армии», две силы, для колеблющихся происходил момент выбора, происходил некий процесс сепарации, раздела, — во многом определяющий в будущем исход сражения. И кто какие фигуры перетащит на стартовую позицию — имело важное значение. Сталин понимал, что «Балаболка» — «Бухарчик» до такого иезуитского «хода» не додумался бы, — и эта идея «разбавить» Секретариат — полностью Каменева, или, возможно, подсказанная ему кем-то из его окружения или даже самим Троцким. И было понятно, что Зиновьев — это сильная политическая фигура, формально даже сильнее Сталина — руководит не только Ленинградом, но и пустившим щупальца в различные страны Коминтерном. В борьбе с вождём, с гигантом Голиафом — Троцким такую фигуру хорошо бы иметь на своей стороне, в своём лагере. И если Троцкий лишится такой фигуры, то урон для него будет большой, весьма ощутимый.

У зажравшегося Зиновьева всё есть, за что его зацепить?.. Шансов немного, но стоит попробовать его перетянуть на свою сторону... Подчиненная Апфельбаума-Зиновьева сотрудница Коминтерна А. Куусинен дала любопытную характеристику своему начальнику: «Личность Зи-

новьева особого уважения не вызывала, люди из ближайшего окружения его не любили. Он был честолюбив, хитер, с людьми груб и неотесан... Это был легкомысленный женолюб, он был уверен, что неотразим. К подчиненным был излишне требователен, с начальством — подхалим. Ленин Зиновьеву покровительствовал, но после его смерти, когда Сталин стал пробиваться к власти, карьера Зиновьева стала рушиться» (Куусинен А. «Господь низвергает своих ангелов», Петрозаводск, 1991.)

И Сталин поступил «гибко», играя на известном самолюбии и честолюбии Овсея-Герша Ароновича Апфельбаума-Зиновьева, — вначале, 22 сентября 1923 года на пленуме ЦК РКП(б) и на совещании ЦК с парторганизациями не Троцкому, а Зиновьеву доверили зачитать секретный доклад «Грядущая германская революция и задачи РКП». А затем при явной поддержке Сталина 25 сентября 1923 года на Пленуме ЦК Зиновьев был введен в Оргбюро.

Сталин оказался ещё и фартовым, — увлекшись подготовкой к очередному походу и обуреваемый гегемонскими страстями, Бронштейн-Троцкий влез со своим хамством, жесткими манерами и приказами в Коминтерн и фактически беспардонно оттеснил от руководства ранимого Зиновьева. Понятна возмущенная реакция амбициозного Зиновьева, который также не прочь был покрасоваться героем на международной арене. Таким образом, — обиженный Зиновьев «отсоединился» от Троцкого и присоединился к проявившему к нему уважение и симпатии Сталину и стал его союзником во внутрипартийной борьбе против Троцкого. А в этот период лучшим другом Зиновьева был Бухарин и, как всегда, — Розенфельд-Каменев, семья которого в 1904 году в Тифлисе приютила Сталина. Хотя есть трактовка, что Розенфельд-Каменев, будучи родственником Троцкого (был женат на его сестре), якобы встал на сторону Сталина в роли «крашенного» — «засланного казачка», но беглый секретарь Сталина Борис Бажанов утверждал о Каменеве: «В области интриг, хитрости и цепкости Каменев совсем слаб».

К концу сентября внутрипартийные «передислокации» — «перекартовки» улеглись и стал явно виден расклад — и вдруг оказалось явное преимущество Сталина. И как раз в это время в руководстве СССР заметили, что поляки и французы стали интенсивно готовиться к отражению очередного нападения Красной армии, — стало понятно: произошла утечка информации о подготовке, и неожиданно напасть на Польшу не получится, а отсюда вытекает много нерадостных выводов...

В этой ситуации, и в ситуации внутрипартийного перевеса Сталина, — Сталин с октября 1923 года перешел в наступление против последнего вождя революции — Бронштейна-Троцкого. Началась горячая партийная дискуссия — продолжать подготовку к мировой революции

в Польше и Германии — когда вся эта операция потеряла секретность, и Красную Армию уже ждут подготовленные орудия и пулеметы Польши и Франции, или дать отбой, сворачивать подготовку и весь этот грандиозный план. Засланный в Германию Г. Пятаков 1 ноября 1923 года из Берлина докладывал Сталину:

«...Мы имеем 11 000 винтовок, 2000 револьверов и по 11/2 сотни пулеметных пистолетов... Для меня ясно, что чем бешенее мы поведем атаку против с.-д., тем скорее этот процесс пойдёт... Меня очень беспокоит наше внутрипартийное положение в СССР... Только ради Бога не устраивайте драку — иначе тут всё пропадет. Если вы будете драться, то мы бросим работу здесь...» (С. С. Хромов. «По страницам личного архива Сталина», М., 2009 г.).

И опасения Пятакова подтвердились — ...и всё задуманное и подготовленное в Германии и Польше пропало. И для Троцкого было неприятной шокирующей неожиданностью, когда на очередном Пленуме в декабре 1923 года единым блоком против него резко выступили Сталин, Зиновьев и Каменев, обвинив его в том, что он «переоценил» революционную ситуацию в Германии и Польше, и трагедия 1920 года с Красной армией может повториться с большими потерями. И неожиданно был дан отбой очередному походу «мировой революции»...

После этого «отбоя» нетрудно догадаться о состоянии ошарашенного Бронштейна-Троцкого, вернее — трудно представить это возмущенное состояние во всех его клочковатых красках... Это была большая личная трагедия Бронштейна-Троцкого и многих ему подобных агрессивных гегемонов. Ибо маховик «мировой революции» уже был давно запущен, уже были затрачены на это огромные средства и усилия, уже в Гамбурге по предыдущей отмашке начались баррикадные бои, в Саксонии и Тюрингии были организованы местные советские правительства, а в Лейпциге была уже создана болыиевикская германская ЧК, глава которой — Крылов уже составлял списки немецких патриотов — жертв «красного террора»... Но рухнули красивые планы «немецкого Октября» и продолжения «перманентной мировой революции», для Троцкого исчезал смысл жизни...

Понятно, что оставшись без поддержки Москвы — это всё будет задавлено в Германии «консервативными» «черносотенными» силами, не говоря уже о националистической Польше... Так и случилось — вспыхнувшее 23 октября восстание в Гамбурге было подавлено, в том числе и с участием немецких радикальных патриотов-националистов Гитлера, которые затем даже попытались перейти в контрнаступление против либерального правительства и организовать свою революцию с правой позиции — «пивной путч» Гитлера в Мюнхене 8 и 9 ноября 1923 года. Лидер немецких коммунистов Э. Тельман успел избежать расправы и

вскоре появился в родной Москве. В этом же году потерпела неудачу и коммунистическая революция в Болгарии.

Для Бронштейна этот «облом» был потрясающим, он уже видел себя вождем Советских Соединенных Штатов Европы(ССШЕ) или Объединенной Советской Европы и Азии (ОСЕА), — и мечта вот-вот должна осуществиться, и остался бы этот мелкий грузин в своей сырьевой варварской стране выполнять приказы европейского командования по отгрузке какого-нибудь сырья. Но... — эти мелкие колеблющиеся людишки (Каменев, Зиновьев и Сталин) с их мелким маргинальным мышлением не способны понять Бронштейна и всю красоту и глобальность древней библейской ветхозаветной идеи, воплощенной в современных масонских планах... И вообще — с ним почему-то обошлись не как с вождем... — Это было ещё одним неприятным шокирующим открытием Бронштейна. Ведь он был на 100% или даже 200% уверен, что после «убытия» Ленина он остался в СССР единственным непререкаемым и всемогущим вождем. Троцкий потерял ориентацию в действительности. Теперь он понял, что «автоматически» сесть на троне советской власти не получится, его почему-то не признают вождем после Ленина... Кто же теперь после Ленина в СССР хозяин? Что происходит?..

Охлонувший от шока и потрясения Бронштейн решил разобраться в ситуации и организовать сокрушительный контрудар обидчикам, особенно ему хотелось поставить на место этого писаку и выскочку из секретариата, эту усатую «конторскую крысу» — Сталина, благо под его, Бронштейна руководством есть огромная сила — многомиллионная Красная армия и много сторонников в партии.

Вот почему только в конце 1923 года Троцкий «определился» и начал борьбу за власть в России. (Надеюсь, что теперь это понял и «сверхмудрый» лондонский «карась» — еврейский идеолог Рой Медведев). Потерянные несколько месяцев на мировую революцию затем дорого стоили Троцкому, ибо Сталин незаметно начал борьбу за власть на год раньше, и к этому моменту нарастил достаточное преимущество, чтобы не только противостоять второму вождю, но и победить его.

Исследовавший подробно биографию Троцкого Клушин написал о нем: «Одержать победу над ним в крокете означало приобрести в нём злейшего врага». А что уж говорить о рассматриваемой нами ситуации... Бескомпромиссная жесткая схватка была неизбежна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первая схватка

С чего Бронштейну начать? — Куда всунуть лом, поднажать и скатить Сталина? Искушает, конечно, наличие в подчинении Красной армии, но это на крайний случай, а хотелось бы свалить Сталина по партийной линии. К тому же, при ближайшем рассмотрении — с армией было не всё просто. Красная армия с момента захвата власти была самой мощной, определяющей силой, но была и потенциально опасной силой, потому что состояла в основном из русских, которые в любой момент могли прозреть и повернуть стволы в обратную сторону, поэтому было важным знаковым событием — назначение Совнаркомом 14 марта 1918 года Бронштейна наркомом по военным делам, главнокомандующим Красной армией.

Представители избранного революционного народа очень радовались этому назначению, — теперь армия была под их контролем. Напомню из предыдущей книги пример этой радости. 12 апреля 1919 года в харьковской газете «Коммунист» некий ленинский комиссар Мойша Коган весьма доходчиво объяснял украинцам: «...Без преувеличения можно сказать, что великая социалистическая революция сделана именно руками евреев. Разве тёмные, забитые русские крестьяне и рабочие массы могли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии? Нет, именно евреи вели русский пролетариат к заре интернационализма. Не только вели, но и сейчас советское дело находится в их надёжных руках. Мы можем быть спокойны, пока верховное руководство Красной Армии принадлежит товарищу Льву Троцкому. Правда, евреев нет в рядах Красной Армии в качестве рядовых, зато в комитетах и в совдепах в качестве комиссаров евреи смело и бесстрашно ведут к победе массы русского пролетариата...» («Новый мир» №10, 1988 г., стр. 198-218).

Но, несмотря на это верховенство Бронштейна, определенные опасения по поводу поворота Красной армии всё-таки были, приведу ещё

один пример из предыдущей книги. Когда 9 декабря 1919 года после столкновения красного батальона на эстонской границе с эстонскими батальонами был убит командир 11-го стрелкового полка Красной армии Зундер, то при нем эстонцы нашли странную инструкцию-памятку, которую затем опубликовали эстонские газеты и английская газета « Morning Post» (от 3 апреля 1920 года): «...Мы совершили всё, чтобы подчинить русский народ еврейскому могуществу и заставить его, наконец, стать перед нами на колени. Мы почти достигли всего этого, однако., мы должны быть осторожными... Помните, что на Красную армию положиться нельзя, ибо она внезапно может повернуть оружие против нас...».

И восстание Красной армии в Кронштадте подтвердило эти опасения. Патологический русоненавистник и русофоб Лейба Бронштейн публично орал: «Русские — социально чуждый элемент. В опасную минуту они могут стать в число врагов советской власти!» Поэтому он и окружил себя большой личной охраной, состоящей из китайцев-телохранителей и латышей под командованием доверенного соплеменника Дрейцера. И всю эту невеселую картину дополнял тот факт, что в ходе Гражданской войны в армии появилось много авторитетных русских полководцев — Буденный, Ворошилов, Фрунзе и пр., которые были на стороне Сталина и искоса посматривали на Бронштейна...

К тому же у Бронштейна не было полной монопольной власти над армией, потому что у него «под ногами» давно «путался» созданный в гражданскую войну Лениным Совет Обороны, преобразованный затем в Совет Труда и Обороны (СТО).

Лейба Бронштейн прекрасно понимал, что по вышеуказанным многочисленным причинам сам он возглавить военный путч и установить в СССР свою военную диктатуру не мог, особенно в атмосфере царящих в этот период в СССР сильных антиеврейских настроений. Кто из авторитетных военачальников — его сторонников, причем, будучи неевреем по национальности, типа свой для русских, — мог это осуществить? Исходя из этого, поручить возглавить военный путч можно было только одному полководцу-троцкисту, который был в русской крови выше макушки — М. Тухачевскому. И в начале октября Троцкий обсудил с Тухачевским этот вопрос. Тухачевский взял паузу — подумать.

Если кто-то участвовал в революции, чтобы построить новую Россию с новым справедливым обществом, в котором рабочему человеку жилось бы лучше, а кто-то участвовал, руководствуясь идеей мировой революции — мировой гегемонии, то выходец из благополучной дворянской семьи и нееврей по национальности М. Тухачевский, верно почуяв «ветер перемен» — и предав присягу и Родину, участвовал в революции исключительно ради славы и карьеры, мечтал уподобиться своему западному кумиру — Наполеону. В этой ситуации после разговора с Бронштейном Тухачевский, «прикинув расклад» сил, решил не рисковать и занять нейтральную позицию, что явно привело Бронштейна очередной раз в бешенство и прискорбное состояние.

«...Факт остается фактом: в 1923 году Тухачевский отказался поддержать Л. Троцкого и взять на себя роль его "шпаги", реализующей "дворцовый переворот". Неблагодарности Троцкий не простил. Поняв, что его замысел с переворотом провалился, он нанес ответный удар.1 ноября 1923 года Троцкий представил в Политбюро новую "Схему командующих фронтами, начальников штабов и командармов". В соответствии с ней Тухачевский фактически лишился своего поста командующего фронтом, причем в период отсутствия в стране, — осенью 1923 года он в очередной раз был направлен в Германию...» — отметил в своём исследовании (книге) А. Б. Мартиросян. После этого «прокола» у Бронштейна оставалась слабая надежда на главного политрука в армии и более фанатичного троцкиста — на В. А. Антонова-Овсеенко.

В это время Сталин, наблюдая за действиями Бронштейна, не сидел сложа руки. То ли произошла утечка информации, а скорее всего, — не трудно было предположить действия Бронштейна, поэтому его противниками был упреждающе запущен слух, что «Троцкий собирается действовать, как Бонапарт» — с помощью армии установить свою военную диктатуру. Это чтобы и Бронштейна смутить-остановить, и чтобы напугать «нейтральных» партийцев и загнать их в сторону Сталина.

Кроме того, Сталин, основываясь на этих слухах-угрозе на очередном пленуме в октябре 1923 года предложил перестраховаться — осуществить реформу Красной армии: включить в состав РВС несколько членов ЦК. Затем предложил создать при председателе РВС некий исполнительный орган, в который входили бы члены ЦК. Троцкий возмущенно защищался — обратился в ЦКК ЦК с гневным письмом, что это не реформа РВС, а результат личной неприязни Сталина к нему, и предложил свою реформу — новую «Схему командующих фронтами...».

В результате этого локального внутрипартийного сражения партийная верхушка пошла на компромиссный вариант — исполнительный орган при РВС решили не создавать, но решили ввести в состав Реввоенсовета дополнительно Сталина и Ворошилова. Всё-таки Сталин в этом локальном сражении выиграл, а Бронштейн проиграл.

Борьба между Бронштейном и Сталиным развернулась масштабно — сразу на нескольких уровнях, на нескольких «планах» и «полях». Одновременно Бронштейн пробовал атаковать Сталина по партийной линии. После очередной жаркой партийной дискуссии в первых числах октября по поводу мировой революции и строительства социализма в одной стране — в СССР разъяренный Бронштейн вскочил и, хлопнув дверью, покинул заседание, а 8 октября направил резкое письмо чле-

нам ЦК о кризисе в управлении. Началось открытое противостояние. У Бронштейна сразу появились сторонники: А. Розенгольц, А. Гольцман, Г. Пятаков, С. Бреслав, Е. Преображенский и другие — возникла оппозиция Сталину, которая подспудно уже давно существовала и формировалась, но не было ярко выраженного лидера, а теперь в этой роли проявился Бронштейн-Троцкий.

Стоит заметить, что когда весной 1923 года Троцкий, несмотря на настоятельные просьбы, и подталкивания Ленина, не захотел сражаться со Сталиным, то это он после объяснял следующим образом: «Что, однако, могло тревожить и огорчать его (Ленина) в самые последние месяцы, это моя недостаточно активная поддержка его военных действий против Сталина. Да, таков парадокс положения! Ленин, боявшийся в дальнейшем раскола партии по линиям Сталина и Троцкого, для данного момента требовал от меня более энергичной борьбы против Сталина. Меня же сдерживало опасение того, что всякий острый конфликт в правящей группе в то время, как Ленин боролся со смертью, мог быть понят партией, как метание жребия из-за ленинских риз».

Теперь же — в октябре 1923 года «из-за ленинских риз» Бронштейн не постеснялся вступить в борьбу со Сталиным.

Сталин ловко ответил на опубликованное в «Правде» письмо Троцкого — в октябре 1923 года созвал пленум ЦК РКП (б), чтобы разобрать письмо, критику Троцким руководства партии, и Троцкого — как проявившегося оппозиционера, пытающегося расколоть руководство партии и подрывающего единство партии. Пленум поддержал Сталина. Бронштейн опять проиграл. Это был довольно неожиданный и удивительный факт, в первую очередь для ошарашенного Бронштейна. Это был своеобразный переломный момент. Сталин продолжал побеждать, развивал свой успех и всё больше усиливался, всё увереннее себя чувствовал; и, вероятно, глядя прищуренным взглядом на Бронштейна, не раз с удовольствием думал: не так страшен этот черт, как выглядит, не так уж и силен, как многие думали. Многие партийцы-троцкисты были неприятно удивлены и разочарованы Бронштейном-Троцким, — «на проверке» он оказался не таким уж и «гениальным», смекалистым, сильным и страшным. Авторитет Троцкого стремительно сдувался и пикировал вниз.

В этой ситуации решили помочь Бронштейну-Троцкому, подставить ему своё плечо его сторонники, скорее даже это были противники Сталина, ибо это было не всегда одно и тоже, — 15 октября 1923 года 46 видных деятелей партии написали заявление в Политбюро ЦК против Сталина, обвинив его в углубляющемся кризисе в экономике, поскольку Бронштейн был в этой теме ни при чем, — он ведь руководил военным ведомством и занимался организацией мировой революции. А кризис

в экономике СССР, как мы уже наблюдали выше и в предыдущей книге, — был результатом авантюрных хитро-«мудрых» действий ещё здорового Ленина.

Сталин парировал — в ответ обвинил 46 оппозиционеров в «перепеве» письма Троцкого, и главный удар нанес мимо них опять в Троцкого, и опять вторично в одну и ту же «болевую точку» — обвинил в стремлении к личной диктатуре и запрещенной фракционности, то есть в попытке опять расколоть партию. Так как Сталин в этой борьбе первый завладел инициативой, а Бронштейн уже как оппозиционер нападал на существующий порядок и хотел что-то изменить, то аргумент Сталина против Бронштейна — «попытка расколоть партию» каждый раз срабатывал надёжно и мощно, ибо после самоустранения по болезни всё решающего за них вождя — Ленина многие партийцы чувствовали неуверенность и определенный страх будущего. А у Бронштейна против этого аргумента не было никакого противоядия, контраргумента.

В ответ оппозиционеры во главе с Бронштейном решили добиться для себя — как оппозиции, легализации — юридической базы, и, обвинив Сталина в ущемлении демократии(!), — потребовали отмены решений 10-го съезда РКП(б) о фракционности — о запрете группировок внутри партии. Этого, конечно, Сталин допустить не мог, и в вопросе «ущемления демократии» легко разгромил оппозицию, дав в «Правде» ответ в статье «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого»:

«Что же предлагает Преображенский? Он предполагает ни более, ни менее как восстановление партийной жизни по типу 1917-1918 годов», «тогда не было нэпа», «...Восстановление минувших порядков фракционной борьбы привело бы к неминуемому подрыву единства партии, особенно теперь, в отсутствие Ленина», «В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, "демократизм" которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от "демократизма" которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от "демократизма" которого не кричал, а выл весь Донбасс...».

В общем, — партийной публике было весело, сторонники Троцкого были посрамлены, а сторонники Сталина ликовали — у них был настоящий умный лидер, с которым они чувствовали себя уверенно; восторженный Молотов вспоминал: «И вот пошла драка. Я приезжаю как раз в это время. Сталин тут начал наворачивать очень правильно, я считаю блестяще». В очередном локальном сражении Сталин опять выиграл, победил, а Троцкий стал выглядеть хроническим неудачником.

С какой стороны можно ещё атаковать Сталина? И, недолго думая, Бронштейн применил самый простой, примитивный и популярный метод, любимый очень К. Марксом — решил обвинить Сталина в бю-

рократии, и 8 декабря 1923 года в «Правде» была опубликована статья Бронштейна «Новый курс», в которой он писал: «Перерождение "старой гвардии" наблюдалось в истории не раз», и обвинил Сталина и его сторонников в перерождении, в бюрократизации, подвергнув критике «аппаратно-бюрократический курс» партии.

Этот способ годится во все времена и во всех странах. Стоит запомнить каждому человеку до конца жизни: если есть человечество, люди, то, как правило, существует их некая внутренняя организация, самоорганизация, чаще всего — в виде государства, а где существует организация и структуры этой организации — там всегда есть бюрократы и бюрократия, и, с большой вероятностью, существует коррупция.

В связи с этим можно заметить, что «перестройщик» М. С. Горбачев начал свою «перестройку» старым проверенным марксистским методом — с кампании против застойных бюрократов. И не только Горбачев использовал излюбленный лозунг красных демократов, ведь мы слышали этот марксистско-троцкистский лозунг и из уст синих демократов — Явлинского и прочих «яблочников», и от Гозмана, Немцова, Хакамады и прочих «спсошников», не говоря уже о бешенной тетке Новодворской, желчном Сванидзе, занудном Млечине, «мудреном» Радзиховском с Белковским и т.п.

Тогда их знаменитый соплеменник Лейба Бронштейн инициировал внутрипартийную дискуссию о бюрократии с «глубинным» прицелом, — коварно норовил противопоставить истинных революционеров-троцкистов, которые, рискуя своими жизнями, делали революцию на полях сражений, — революционерам-бюрократам, конторским крысам, которые на своих заседаниях и пленумах только мешают истинным революционерам работать. Этот ход был простой, но сильный — он мог затронуть сердца многих старых вояк, армию, чекистов, тех участников гражданской войны, кто в мирное время не приспособился, кто считал нэп ошибкой или даже предательством революции. «Новые большевики» — нэповцы жрали, пили и танцевали в открывшихся ресторанах, а заслуженные голодные и оборванные ветераны злобно за этим наблюдали и с матерной руганью вопрошали «За это боролись?»..

Но «нэп» — это была инициатива сугубо Ленина, его уступка, и все это знали, поэтому — какие могут быть претензии в этой теме к Сталину?.. К тому же — критиковать «нэп» и использовать его для критики — это критиковать самого Ленина... На этой грани Бронштейн уже рисковал нажить себе ещё больше недоброжелателей вплоть до Крупской, к тому же — мощные козыри в дискуссии получал Сталин, ибо Троцкий своими многочисленными атаками сплотил не только сталинскую команду и сталинским сторонников, но и ненадежный союз Сталина с Каменевым и Зиновьевым. По здравому смыслу — Троцкий должен

был что-то предложить очень сладкое Каменеву и Зиновьеву — чтобы отделить их от Сталина, и, перегруппировавшись, атаковать Сталина, но он этого не сделал, и продолжал проигрывать, стремительно теряя свой авторитет даже в глазах одноплеменников.

Поскольку Бронштейн опасно выступил с отеческой позиции старого вождя-большевика, якобы соратника Ленина, фактически задав Сталину вопрос — «а кто ты такой?», то Сталин ему тут же остро ответил, что Бронштейн не старый большевик, а молодой — с 1917 года, что он — старый меньшевик, и это было правдой. Сталин оказался талантливым в этой борьбе, ни в чём не уступал Бронштейну и даже превосходил его.

С какой стороны можно было ещё атаковать Сталина? Почесав свои кучерявые «репки» Бронштейн и его сторонники обратили внимание, что в дискуссиях, спорах и голосованиях большинство почему-то за Сталиным, — почему? Отодвигая в сторону мысль, что Сталин может быть правым, с опозданием обнаружили, что дело в кадрах, — Сталин за один год умудрился «пропитать» и «наводнить» многие структуры и организации своими кадрами, и троцкисты потребовали упразднить назначенство и ввести выборность — «провести перевыборы всех тех парторганов, которые раньше были назначены». Но этим требованием Бронштейн и его сторонники и настроили против себя большую армию назначенцев, до этого момента бывших «нейтральными», которые теперь точно голосовали за Сталина. И понятно — это предложение не прошло. Опять пруха, опять прокол, опять Сталин в выигрыше, у Бронштейна-Троцкого сплошные неудачи.

Ладно — сталинские кадры, но почему «массы», в том числе и «партийные массы», не реагируют стачками, забастовками и восстаниями на возмущенную «праведную» критику Бронштейна? Как это объяснить? — Не природной ли ксенофобией, антисемитизмом русских? Чего там орали рабочие во время летних стачек? И вот готов ещё один проверенный старый болышевикский и бундовский метод, Бронштейн косвенно обвинил Сталина в потворстве антисемитизма, в нечестном использовании его, в использовании общественных настроений, общественной атмосферы. 7 сентября 1923 года советская газета «Еврейская трибуна» сообщала важную новость:

«Комиссариат внутренних дел организовал не так давно специальную комиссию, занимающуюся охраной евреев от "тёмных сил"». То есть Центрожид увидел ещё недобитые «темные силы» и решил провести новую кампанию против русского народа под названием — «борьба с русским шовинизмом», и было введено так знакомое для нас в России в 21 веке понятие — «русский фашизм». «В 1923 году в советский литературный обиход вошло понятие "русского фашизма". Тогда своими

жизнями поплатились А. Ганин с товарищами. Их прикончили на Лубянке. Обвинение в фашизме витало и над головой Есенина», — отметил в своей книге Н. Кузьмин.

В российском обществе, несмотря на расстрелы и мощное запугивание в течение нескольких лет, существовали сильные антиеврейские настроения. По сути — со времен Кронштадтского восстания и рабочих протестов 1921 года они не утихали. Осенью 1923 года в СССР были арестованы члены оппозиционных партийных групп — «Рабочая группа» и «Рабочая правда», больно ратующие за интересы рабочих. В коммунистической партии в очередной раз возобновилась дискуссия по этой теме. «Мы не скрываем цифры о том, что в Москве и других крупных городах происходит рост еврейского населения», который «совершенно неизбежен и в будущем», — говорил Ю. Лурье-Ларин, пытаясь объяснить антисемитизм социальными, бытовыми причинами, и не объясняя — почему евреизация российских городов «совершенно неизбежна в будущем», он предлагал обычные жестокие карательные меры: «Нельзя смотреть на эту практику как что-то стыдное, что наша партия замалчивает... Нужно создать в рабочей среде такое настроение, что всякий, кто выступает с речами против въезда евреев в Москву... каждый такой человек, вольно или невольно, контрреволюционер». А по коммунистическому обычаю с «контрой» один разговор — к стенке и пулю в лоб или затылок, потом добавилась «гуманная» психушка. Понятно, что после этого настроение в рабочей среде улучшалось...

По обычаю — эмоционально, с экспрессией возмущался и Лейба Бронштейн: «Неужели верно, неужели возможно, чтобы в нашей партии, в Москве, в рабочих ячейках антисемитская агитация оставалась бы безнаказанной?» — пытался вызвать он у русского отморозка Николая Бухарина солидарный гнев (из исследования Пола Джонсона). И вызвал, — сторонник коммунистического воспитания русских расстрелами (согласно его утверждениям в 1920 году) Н. Бухарин возглавил созданную «Комиссию ЦК по антисемитизму».

Сталин в этой теме особо не перечил, но не все инициативы Бронштейна и его соплеменников прошли, — «Троцкий сам подготовил документ, назвав его "Декретом о самой угнетенной нации". Это был государственный закон об исключительном положении евреев в СССР. Преимущества этой нации перед всеми остальными касалось самых разнообразных сторон жизни: от назначения на руководящие посты до внеочередного получения квартир, — отметил в своей книге В. Шамбаров, (но) — Декрет провалился, на заседании Политбюро при голосовании не хватило всего одного голоса. Зато прошло предложение о создании "Комиссии ЦК по антисемитизму". Её возглавил Бухарин. Осуществилась также идея Ю. Ларина (Лурье) о включении в программу для

поступающих в высшие учебные заведения обязательного экзамена по антисемитизму».

Старшие поколения, в том числе и старые большевики, видели огромное количество кровавых «подвигов» еврейских террористов в России, начиная ещё с Гершуни и Азефа, а вот молодёжь можно было «нагрузить» «чистой» сильно обрезанной информацией и создать «чистые» поколения русских толерантных космополитов.

Кстати, как мы наблюдали в предыдущих книгах этой серии (№ 3-4), **—** это было любимое надежное дело революционеров-террористов: использовать в своих политических интересах амбициозную и неграмотную молодежь, особенно энергичных полуумков из студенчества. И на этот раз осенью 1923 года «по старой привычке» Бронштейн решил использовать против Сталина эту вечно зелёную радикальность-революционность молодежи, утверждая льстиво за неё, что «молодёжь остро чувствует бюрократию», что она — «важнейший барометр нашей партии».

По сути — Троцкий использовал те же испытанные технологические приёмы, благодаря которым было свергнуто российское руководство и захвачена власть в Российской империи. Но Сталин — это не царь Николай Второй, Сталин тоже эти террористические «университеты» проходил и тут же вступил в жёсткую борьбу с Бронштейном за молодёжь, — во главе Агитпропа поставил «ихнего же» из умеренных — Лазаря Кагановича, и Агитпром своей широкомасштабной антитроцкистской пропагандой и разъяснениями «заглушил» Троцкого.

В этот период, вероятнее всего, между Сталиным и Л. Кагановичем была заключена некая устная договоренность о тесном сотрудничестве против Троцкого, но без ощутимого ущерба для еврейского народа.

Что дальше? С какой ещё стороны *можно* попробовать атаковать Сталина? Но все способы были уже опробованы и исчерпаны. Своему печальному положению несбывшийся глава СССР нашел простое пессимистическое объяснение: «Россия не дозрела до того, чтобы во главе её стоял еврей». Опять эта Россия виновата... По этому поводу можно даже вспомнить «гаррик» современного сиониста Игоря Губермана по поводу несбывшихся планов Мойши Ходорковского:

А если Русь растормошит
герой, по младости курчавый,
она расстроится, что — жид,
и в сон вернется величавый.

Мечты откровенного сиониста И. Губермана можно понять, но тогда — жид Лейба Бронштейн очень больно растормошил и жестоко

захватил Русь, которая теперь всеми силами пыталась от этого кровавого палача избавиться, а он последними усилиями за неё цеплялся.

Что оставалось делать побежденному и униженному Бронштейну в той тупиковой ситуации, захлебываться от собственной ярости, беспомощности и бессилия?.. И в отчаянии Бронштейн решился на радикальный ход, — всё-таки он возглавляет Красную армию, и грех было этим не воспользоваться. На протяжении всей этой «дискуссии», борьбы со Сталиным Бронштейн пытался настроить соответственно солдат и офицеров, — размножил свои критические письма и распространил их в армии через своих сторонников-подчиненных, благо начальником политуправления Красной армии был фанатично преданный ему русский отморозок и выродок В. А. Антонов-Овсеенко, который, будучи офицером Российской империи, в период японской войны изменил присяге, предал, удрал из армии и подался в подполье к террористам, и начал борьбу против российских властей. Во время захвата столицы в октябре 1917 года Антонов-Овсеенко сыграл большую роль — будучи непосредственным подчиненным Бронштейна, он командовал боевыми отрядами по захвату важных государственных объектов: телеграф, почта и т.д. А после захвата России в ходе Гражданской войны в 1919 году он был назначен председателем тамбовского губисполкома, и это он довел многократными жестокими грабежами тамбовских крестьян до восстания и затем участвовал в кровавой расправе над ними. Кстати, и сейчас — в 21 веке почти во всех российских городах есть улицы, названные много десятков лет назад в честь этого предателя и кровавого палача русского народа...

«Начальник политуправления Красной армии Антонов-Овсеенко развернул агитацию в воинских частях и среди курсантов военно-учебных заведений, призывая поддержать Льва Давидовича как "законного преемника" Ленина. Разослал циркуляр, назначив на февраль партийные конференции в военных училищах, что было вопиющим нарушением партийной дисциплины... Сторону Троцкого твердо держал командующий войсками Московского округа Муралов», — отметил в своей книге В. Шамбаров.

Ситуация опасно накалялась. Сталин активизировал своих сторонников в армии — Буденного, Ворошилова, Фрунзе и пр. Военному путчу, перевороту на начальной стадии мог противостоять Ф. Дзержинский со своей ГПУ, который провел чистку своей организации от троцкистов, усилил её и 15 ноября 1923 года дал новое название — ОГПУ.

Бронштейн понимал, что Красная армия, несмотря на наличие большого количества его сторонников в командном составе, за ним не пойдет. Более того — применять в условиях жесткого партийного противостояния армию было крайне рискованно — на фоне общего

недовольства, озлобления и антиеврейских настроений армия вообще могла выйти из-под контроля и всё накопившееся годами выразить в жестоких масштабных погромах. Тем не менее, Бронштейн решил попытать счастья в крайности — попробовать пугнуть своих противников, «взять на испуг» — авось пройдет.

«Один из ближайших и ярых сторонников Троцкого В. А. Антонов-Овсеенко 27 декабря 1923 г. направил в ЦК партии письмо, в котором открыто угрожал руководству партии и государства военным переворотом», — отметил в своей книге Н. Кузьмин.

Но «на испуг» не прошло, это был кульминационный провальный момент этого этапа борьбы, и было похоже на отчаянный «грозный» лай трусливой собаки. Перспектива — жить и работать под диктатурой Бронштейна-Троцкого испугала, возмутила даже «нейтральных» и толкнула их сплотиться вокруг Сталина. Последствия этого пугания были для Бронштейна негативны, их мы подробно рассмотрим в следующей главе. Можно отметить, что Бронштейн-Троцкий сильно разочаровал всех, включая исследователей истории, а Сталин, наоборот, удивил зрелой мудростью, быстрым мощным интеллектом, мудрой выдержкой. Говоря спортивным языком, — несмотря на постоянные атаки Троцкого, Сталин постоянно плотно прессинговал своего противника, ловил все его ошибки, их использовал и превращал в свои плюсы, в своё преимущество. Сталин показал себя маститым гроссмейстером, а интеллект напыщенного грозного Бронштейна оказался на уровне перворазрядника.

В это время ведущие европейские страны и США пировали над поверженной Германией, делили её деньги, имущество, колонии, и сладко наслаждались своей «однополярной» властью, гегемонией над всей планетой; и в этот период никто из руководителей этих стран не знал и не подозревал, что в захваченной, разграбленной, «варварской» и голодной России созрела личность мирового уровня, мощный игрок, которого они через 15 лет высокомерно недооценят, и который через 20 лет сильно изменит политическую карту планеты. — «Хитрость истории»... «Мировая мудрость диалектики и баланса»... «Игры Богов»... «Мудрость Бога»... «Способ продления движения-жизни этого Мира»...

Понаблюдаем за дальнейшей «эволюцией» Бронштейна по наклонной. Что оставалось делать дальше этому «лузеру»? — На партию надежды никакой, — она в подавляющем большинстве за Сталина. Опереться на пролетариат, на «массы»? — Смешно, его-то точно теперь ни русские «массы», ни остатки русской прогнившей интеллигенции не поддержат, не говоря уже о здоровой, а своих «исконно революционных масс» не хватит для победы, да и после кровавых деяний и перегибов в России «титульные революционеры» сами побаивались «как бы чего

не вышло» — фортуна могла от них отвернуться и показать кровавую маску... Что остается делать Бронштейну после последнего ляпсуса — самодискредитации? — В отставку и на пенсию? Троцкий решил продолжить борьбу со Сталиным — в условиях конспирации; в своей книге «Лев Седов: сын, друг, борец» (1938 г.) Бронштейн рассказал — как он для своей борьбы подключил свой последний резерв — семью, старшего сына:

«В 1923 году Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщицкой деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов».

Но для этой деятельности Бронштейну были необходимы немалые деньги. Откуда их взять? И Бронштейн решил пойти по проверенному пути Ленина — разыграть «германскую карту», «развести на деньги» германское руководство. На допросе в 1936 году сторонник Троцкого заместитель наркома по иностранным делам, троцкист и агент германской разведки Николай Крестинский рассказал следствию, что Троцкий поручил ему: «...при официальных переговорах, предложить ему, Секту (германский генерал), чтобы он оказывал систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы...

Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом... Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему... некоторые секретные и серьёзные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых они посылали на территорию СССР в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято и, начиная с 1923 года, этот договор стал приводиться в исполнение» (из исследования Майкла Сейерса и Альберта Кана — книга «"Пятая колонна" тайной войны против России», 1946 г.).

Народный комиссар внешней торговли СССР А. Розенгольц на суде в 1936 году в ходе «незаконных репрессий» также объяснял: «...Моя шпионская деятельность началась ещё в 1923 году, когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных в рейхсвер Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе». Кстати, в 1926 году Розенгольц начал работать ещё и на английскую разведку.

Как мы наблюдали — 1923 год был для Бронштейна-Троцкого очень тяжелым, нервным, полным разочарований и поражений. И неудивительно, что после нервного перенапряжения и сильных расстройств в конце декабря 1923 года Троцкий заболел, лечился в Москве, а затем в январе 1924 года поехал лечиться на Кавказ, «на воды и грязи». Ему

необходимо было успокоиться, отвлечься, уединиться, необходимо было многое переосмыслить и поразмышлять над переменчивостью фортуны, которая и в его отсутствие в столице продолжала упорно работать на здорового Сталина и против него. В связи с этим его поражением и лечением вспоминается грустный «гаррик» его соплеменника и сиониста И. Губермана:

Фортуна коварна, капризна
И взбалмошна, как молодежь,
И в анус вонзается клизма,
Когда её вовсе не ждёшь.

Хотя по правде — в обоих случаях фортуна была ни при чем, всё было логично и закономерно в результате ряда успешных действий Сталина.

Следующий год был решающим для обоих, Валерий Шамбаров главу своей книги, посвященную событиям 1924 года, назвал — «Как страна начала освобождаться от нашествия». Мне это название нравится, но следующую главу о событиях в 1924 году назову иначе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Контрудар Сталина — «ход Бубновым» и «русский призыв»

Сталин не мог оставить без ответа последний ход Бронштейна — угрожающую выходку Антонова-Овсеенко. Этим неуклюжим нападением следовало воспользоваться, — это ведь был прекрасный повод поставить своего человека в армии вместо Антонова-Овсеенко и попытаться провести главную атаку — лишить Троцкого его главной силы — убрать его из армии, вернее — отобрать у него Красную армию и полностью его обессилить.

В этой «шахматной» партии исходная позиция была такова: троцкисты атакуют — Антонов-Овсеенко в конце декабря 1923 года объявил о созыве конференции армейских коммунистов, чтобы призвать их выразить недоверие ЦК, и поднять против Сталина армию. А Сталин и сталинисты наносят многозалповый сокрушительный ответный удар проверенным оружием — обвинили его в попытке раскола партии, во фракционности, подняли возмущенный шум — в попытке использовать армию, и в начале января 1924 года своим решение ЦК и сталинское Оргбюро освободило Антонова-Овсеенко с должности — как опасного политического радикала. На 8-й Всесоюзной партконференции, организованной 16-18 января 1924 года, Сталин объяснял её участникам:

«Что касается Антонова-Овсеенко, позвольте сообщить вам следующее. Антонов снят с ПУРа по решению Оргбюро ЦК, утвержденному пленумом ЦК. Он снят прежде всего за то, что разослал циркуляр о конференции ячеек военных вузов и воздухофлота... без ведома и согласования с ЦК, хотя Антонов признал, что ПУР работает на правах отдела ЦК».

Главный партийный кадровик отправил уволенного из Красной Армии В. А. Антонова-Овсеенко работать полпредом в Чехословакии, подальше от Троцкого.

Сталин действовал решительно, но определенная доля риска была, о внутренней политической напряженности в этот период свидетельствует переписка, 9 января 1924 года Ф. Дзержинский писал Сталину: «Лично. Т. Сталину. Партдискуссия выявила, что в вверенных мне ЦК учреждениях в партийно-политическом отношении неблагополучно в высшей степени — как в ОГПУ, так и в НКПС...». И «железный Феликс» просил дать ему в помощь двух надежных секретарей; Сталин согласился.

Смещение с поста начальника Политуправления армии Антонова-Овсеенко было ещё половиной этой локальной победы, ибо необходимо было, чтобы Троцкий на этот важный пост не смог поставить очередного своего человека, необходимо было поставить человека Сталина.

В этом сражении «местного значения», которое, как потом покажет история, было решающим подковыром под Троцкого, кандидатура на этот пост была крайне болезненным вопросом: Троцкий не мог открыто поставить своего сторонника, а Сталин не мог поставить явного своего сторонника, — в обоих случаях шум был бы большой. Остался вариант — кто кого перехитрит.

Ворошилов, которого иногда обычно обвиняют в простоте и даже примитивности, додумался до довольно хитрого хода и посоветовал Сталину на этот пост якобы компромиссную фигуру — Бубнова, который недавно был на стороне Троцкого, — даже подписал «Заявление 46-ти». «...Я его по гражданской войне хорошо знаю — наш мужик», — убеждал Сталина Ворошилов, и для убедительности добавил: «не раз с ним откровенно говорил». В условиях Гражданской войны «откровенный разговор» одного русского мужика с другим «нашим мужиком» — это говорит о многом...

И «номер» прошел, — Троцкий не противился против «своего» из «Заявления-46-ти», — и Бубнова без особых споров и дискуссий 12 января утвердили на должности начальника Политуправления Красной армии. Троцкий понял свою ошибку, когда было уже поздно. А Сталин решил быстро воспользоваться успехом, своим «казачком», и после всунутого «пальца», решил просунуть в армию целую «руку» — с согласия и при поддержке Бубнова была назначена комиссия ЦК для проверки состояния дел в армии, в которую вошли: А. Бубнов, К. Ворошилов, Г. Орджоникидзе, М. Фрунзе и Н. Шверник. Как видим — в этой комиссии все были сторонниками Сталина, и задача комиссии стояла ясная, понятная — накопать достаточно негатива в работе Троцкого, чтобы было убедительное основание «турнуть» его из армии. А в ведомстве авантюрного Троцкого рутинную работу не любили, всё глобалили, важно надували щеки — готовились к мировой революции, и в армейском хозяйстве бардак был огромным.

На январской конференции Сталин, используя декабрьскую атаку на него Троцкого, планировал в лоб его разгромить. Троцкий прекрасно понимал замысел Сталина и после неудавшегося трюка своё совсем жалкое положение «мальчика для добитья», и попытался оттянуть этот неприятный момент — сослался на тяжёлое недомогание, на серьёзные проблемы со здоровьем и на эту конференцию не явился, и в подтверждение своего плохого здоровья 18 января уехал из Москвы на лечение на Кавказ, в Сухуми. Бронштейн пытался избежать одних неприятностей, но в результате этого получил дополнительно ещё и другие серьёзные неприятности — уехав, не присутствовал на похоронах Ленина...

А Сталин на вышеуказанной конференции свой доклад «Об очередных задачах партийного строительства» начал по отношению к Троцкому откровенно издевательски: «Даже оппозиционные организации и ячейки, которые вообще настроены были против большинства партии и против ЦК, даже они, при всём своём желании придраться, и обычно в своих резолюциях эти организации и ячейки, признавая правильность основных положений резолюции Политбюро о внутренней демократии, старались чем-либо отличиться от других организаций, прибавив к ней некий хвостик, скажем, такой: да, всё у вас хорошо, но не обижайте Троцкого... Я думаю, что если хорошенько разобраться, то может оказаться, что известное изречение о Тит Титыче довольно близко подходит к Троцкому: "Кто тебя, Тит Титыч, обидит? Ты сам всякого обидишь"(смех в зале)...».

После чего Сталин, вооруженный в очередной раз надежным проверенным оружием против Троцкого — ленинской резолюцией 10 съезда РКП(б) об «Единстве партии», начал перед участниками всесоюзной конференции толково, методично перепиливать ему кости:

«Первая ошибка Троцкого выразилась в самом факте выступления статьёй (в «Правде») на другой день после опубликования резолюции Политбюро ЦК и ЦКК, которую нельзя рассматривать иначе, как новую платформу, противопоставленную резолюции ЦК, принятой единогласно...

Ошибка Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями...».

На этой конференции Сталин перечислил и разобрал шесть ошибок Троцкого. Если до этого момента борьба между Сталиным и Троцким велась в ближнем кругу среди «своих» в пределах Москвы, максимум — ещё Питера, то теперь Сталин громил-«опускал» Троцкого во всесоюзном масштабе, объясняя — популяризируя ошибки, опасность и никчемность Троцкого.

На этой партконференции досталось от Сталина «на орехи» в сочных красках многим оппозиционерам-троцкистам, например, связанный с мировым масонством Карл Радек в «Правде» призывал Сталина проявить жалость, гуманность и не обижать оставшегося великого вождя: «Мы не можем молча следить за тем, как подрываются силы борца, являющегося мечом Октябрьской Революции. Хватит бесчеловечной игры со здоровьем и жизнью тов.Троцкого!»

На эту отчаянную истеричность Радека Сталина парировал на этой конференции с присущим ему юмором: «Перехожу к Радеку. Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это — люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это — люди необыкновенные...».

Как уже отмечалось, — неудача продолжала преследовать Троцкого, по известной причине он 18 января выехал из Москвы — чтобы на некоторое время убежать и отдохнуть, подлечиться, поразмыслить о своих следующих действиях и посоветоваться со своими сторонниками. И не спеша по зимним заснеженным дорогам «пыхтел» на паровозе до Сухуми. А когда 21 января доехал до Тифлиса, то получил телеграмму о смерти Ленина. И в ходе дальнейшей связи с Москвой Троцкий узнал, что уже принято решение - через два дня хоронить Ленина, хотя, как затем оказалось, Ленина хоронили через три дня... «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что вам по состоянию здоровья необходимо ехать в Сухум. Сталин», — говорилось в телеграмме. Этот один день «ошибки» или целенаправленного обмана значил много — что Троцкий не успевал по разбитой и заснеженной зимней дороге добраться до Москвы для участия в похоронах. Троцкому ничего не оставалось, как только отправить в Москву сочувственную телеграмму по поводу смерти Ленина.

Отсутствие на похоронах усугубляло и так тяжелое положение Троцкого, наносило ему дополнительный ущерб, потому что — объясняй хоть десять раз причину отсутствия, а многие коммунисты всё равно осуждающе подумали, что Троцкий из-за своего высокомерия даже не счел нужным уважить Ленина и проводить его в последний путь, зазвездился, оборзел, обнаглел... или счел, что — своё здоровье важнее, чем дань уважения вождю... В любом случае — авторитет Троцкого продолжал стремительно падать в глазах коммунистов.

А Сталин на этом фоне опять оказался в выигрыше, кроме того — проявил бурную активность и заботу в подготовке похорон. И не при Троцком, а при Сталине сразу после смерти Ленина завоеванная столица Российской империи, построенная царем Петром Первым, быстро и бесспорно была переименована в честь Ленина — в Ленинград. Более того — 26 января на траурном заседании 2-го съезда Советов Сталин

довольно смело назвал себя учеником Ленина, и торжественно, помпезно произнес от имени коммунистической партии эмоциональную речь-клятву умершему Ленину, — «Клятву ученика учителю», которая выглядела как — «клятва наследника умершему вождю», Сталин выглядел как закономерный новый глава партии и государства.

Надеюсь, теперь многим понятно — почему, по какой причине, с какой целью и в каких условиях в этот период Сталин назвал себя учеником Ленина, ибо будучи на собрании коммунистов в Санкт-Петербурге в феврале 2010 года я услышал примерно следующую фразу: «Да, на Ленине русской крови много, но его следует уважать хотя бы потому, что его учеником называл себя Сталин».

Речь-клятва была опубликована в «Правде» 30 января и распространена по всему СССР.

Понятно, что в своей пламенной речи-клятве Сталин, с учетом ситуации, подчеркнул следующее: «25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовал её, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию. Удары царизма и его опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооруженные нападения Колчака и Деникина, вооруженное вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета буржуазной печати, — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века.

Но наша партия стояла, как утес, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперед, к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплоченность своих рядов. Единством и сплоченностью добилась она победы над врагами рабочего класса.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»

В самом начале борьбы с Троцким Сталин первый схватил увесистый ленинский «лом», на одном конце которого было написано — «единство партии», а на втором — «сплоченность», и гонял этим «ломом» Троцкого всё время и во всех случаях, лупасил его этим «ломом» нещадно, пока не выгнал его из СССР. И против этого «лома» Бронштейн-Троцкий не выдумал никакого приема.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зачем Сталину культ мертвого «бога»?

Не останавливаясь на вопросе — насколько искренне говорил клятву и переживал смерть Ленина Сталин, стоит заметить, что сам факт клятвы Сталина — как факт не только уважения, но и преданности Ленину, преданности его идеалам, как духовного соратника и последователя, — имел в глазах коммунистов большое значение, потому что авторитет Ленина среди коммунистов был очень велик. И этот авторитет Ленина оппозиция уже пыталась ловко использовать против Сталина, противопоставляя ему Ленина, чтобы оттенить негативно Сталина. За неделю до этого — на 8-й партконференции Сталин специально на это обратил внимание:

«Оппозиция взяла себе за правило превозносить тов. Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость...».

Вот это разделение оппозицией Ленина и Сталина, да и фактическое разделение-противостояние между ними в последние месяцы сознательной жизни Ленина Сталин успешно убрал, лишив оппозицию важного козыря, сильного рычага. И теперь он сам мог использовать мощное имя Ленина против своих врагов.

Более того — Сталин пошел дальше: его творчески «понесло» — он решил мумифицировать Ленина и возвести его в культ, в мумифицированного идола, в атеистического «бога», в террористического «бога» — Ленина! И молодым амбициозным ученым-химикам Владимиру Воробьёву и Борису Збарскому было дано задание — попытаться бальзамировать и мумифицировать труп Ленина, чтобы сохранить его для наглядного показа. По решению и под руководством Ленина громили церкви и гробницы христианских святых, выбрасывая публично и оскорбительно их нетленные мощи, а теперь по некой исторической

иронии коммунисты, Сталин решили сохранить «мощи» Ленина, сделать его труп нетленным и «святым».

В. Молотов вспоминал: «Крупская была против, решением ЦК мы это сделали. Сталин настаивал». Крупская не понимала — что задумал великий ученик (прежде всего в политтехнологиях) её мужа, что он решил сделать с её умершим мужем... Да и члены ЦК не понимали задумку Сталина, а если он им что-то пытался объяснить, то, уверен, — они не до конца, не ясно осознавали задуманное и с сомнением относились к грандиозному мистическому плану.

Почему Сталину недостаточно было просто почитать Ленина как крупного исторического деятеля, и, когда разрешат преподавать историю в школах и вузах, — создать для потомков мифический, героический, романтический и совершенно лживый образ революции 1917 года и захватчика Ленина? Почему Сталину недостаточно было просто славить этого «героя» новой власти в стихах, книгах, картинах, памятниках, музеях, в переименовании второй столицы, в годовщинах рождения и смерти и т.п.? Зачем Сталину было делать из Ленина «бога»? Ведь, судя по рассмотренному выше противостоянию между Лениным и Сталиным, — Сталин не был фанатичным поклонником Ленина, видел его грубые ошибки и с ними боролся.

До этого уже были два «бога», возведенные старательно Лениным, - К. Маркс и Ф. Энгельс. Сталин делал из Ленина третьего «бога», и в результате получалась «божественная» террористическая «троица», «тримурти», коммунистический «триглав». Ученый, психолог из Санкт-Петербурга В. В. Можаровский в своей книге отметил:

«Несмотря на то, что советская идеология никогда реально не выходила за пределы православного пространства, она, как и западная информационная экспансия, характеризовалась установками на абсолютность и «вселенскость» своих положений, непременно должных со временем охватить и переустроить все человечество (мировая революция).

Средоточием подобной идеологии выступала, во-первых, «абсолютная троица», символически выражаемая тремя рядом поставленными головами или тремя лицами: Марксом, Энгельсом и Лениным. Все те писания, которые исходят непосредственно от самой троицы, полагались священными, точнее полагалось, что если придерживаться безотносительной и обязательной для всех истины, заключённой в писаниях, то это приведёт к исполнению определённых обетований (к коммунизму). Ссылки на них были необходимы, они предписывались для любой гуманитарной работы, диссертации или исследования.

Причём два из лиц троицы (Карл Маркс и Фридрих Энгельс — «отец» и «дух»...) оставались трансцендентными или потусторонними для советской действительности, а третье лицо (Ленин), во-вторых, воплотившись, принесло себя в жертву за всех обездоленных, обделённых и страждущих людей, оно создало реальное государство, стержнем которого всегда должна выступать священная партия (красная «церковь»)... Таким образом, три основных догмата — о «троице», о «боговоплощении», и о «церкви» — по-прежнему выступали необходимым психологическим содержанием советской идеологии.

Впоследствии активно развивался культ мучеников за советскую веру и культ страстотерпцев. Партийные съезды, как Церковные Соборы, собирались каждые 4-5 лет. Они изрекали непреложную истину, которую всем мирянам следовало исповедовать, а также периодически осуждали еретиков...» (В. В. Можаровский «Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики» (СПб, 2002 г.).

Уж Сталин точно понимал значение церкви для народа, особенно для «масс», и он давно думал, чем заткнуть дыру, оставшуюся после разгрома церкви и Бога, чем заменить церковь и Бога...

С Можаровским я немного не согласен, — после смерти живого «бога» из коммунистической «троицы» Сталин фактически перестроил эту «троицу»: отдалил подальше уже мало актуальных Маркса и Энгельса, и выстроил «святую» коммунистическую «троицу» по-другому, в другом «духовном» иерархическом ключе: на самой вершине «Бог» — Ленин, затем на Земле в народе Его живой «Мессия» — Сталин, лучший ученик, который лучше всех понимает Его заповеди, воплощение «Учителя». И в подчинении и в помощи «Мессии» — пронизывающая народ, держащая его под контролем и в соответствующем «духе» партия новых «апостолов», ведущая во главе с «Мессией» народ через тернии в прекрасное будущее... И теперь вертикальная коммунистическая «троица» выглядела следующим образом: Ленин-«Бог» — Сталин — партия.

Эта идея Сталина была парадоксальной и грандиозной, не укладывающейся в сознании обычного среднего человека, ибо уверен — в тот период разумные люди не могли бы поверить, что из такого кровавейшего в истории России монстра-демократа, как Ленин, можно сделать «Бога», что тонкий коварный психолог, блестящий политтехнолог Сталин эту фантастическую наглую идею сможет реализовать, мастерски манипулируя дозированными информационными потоками...

Все остальные партийные «мы» заинтригованно, с любопытством наблюдали за невероятными идеями и действиями Сталина; «они» — на такое точно были не способны, это был какой-то запредельный по замашке пилотаж, уже нечеловеческий. В случае успешной реализации этой идеи — фактически уже Сталин на их глазах и в их глазах становился «Богом», мастерски манипулирующим трупом Ленина, ещё недавно пытавшегося снять его с поста генерального секретаря, лишить его этой небольшой административной власти, его мечты и цели молодости...

Дело осталось за малым — за химиками, «технический вопрос», чтобы получилось сделать эффектную мумию из трупа Ленина. Некоторые скептики сомневались, что это возможно осуществить, и подозревали, что целеустремленный Сталин в случае неудачи может подменить труп Ленина мастерски сделанной копией из воска или гипса, восковой куклой.

Бронштейн-Троцкий явно не понимал — что происходит, что задумал Сталин, и что с тандемом Сталин-БогоЛенин у него нет никаких шансов состязаться, и он ничего не мог придумать лучшего, как надменно и презрительно обозвать сторонников Сталина — «хранители ленинской мумии».

Доктор социологических наук, профессор Российской академии гуманитарных наук и заведующий отделением социологии Сибирского федерального университета Валентин Геннадьевич Немировский в своей книге «Тайные общества и заговорщики. Куда они ведут Россию?» («Питер», 2007 г.) выразил следующее мнение:

«В тоталитарных режимах Бог был свергнут, а страх смерти находил свой выход в стремлении к слиянию уже не с Универсумом, а с социумом, с вождём, принявшим вид языческого божества. Возникла своеобразная тоталитарная религия как форма инструментальной идеологической системы... Революция 1917 года в нашей стране привела к духовной и нравственной деградации российского социума, способствовала его инволюции к более ранним формам религии и государственности, к распространению инструментально-идеологических систем. Под лозунгом борьбы с "социумом для народа" и старыми предрассудками была заменена одна форма религии на другую, более примитивную...».

Б. Пастернак на эту тему похоже высказывался, что Сталин — это Титан дохристианской эпохи.

В подтверждение верности Ленину 31 января 1924 года на II Всероссийском съезде Советов была окончательно утверждена Конституция СССР, закрепившая ленинский вариант устройства СССР. Эта недемократическая Конституция заменила первую совершенно недемократическую Конституцию большевиков, принятую 10 июля 1918 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Последнее секретное оружие против Сталина

После смерти Ленина фортуна продолжала улыбаться Сталину. Освободившийся важный пост главы правительства — председателя Совнаркома ДК предложили Розенфельду- Каменеву, который неожиданно заявил о самоотводе с любопытной мотивировкой: «Назначить во главе правительства еврея? Да вы с ума сошли! Народ нас может не понять». После такого веского обоснования решили на этот пост назначить русского — А. Рыкова. Учитывая, что Рыков уже не выдержал всех приятных плюсов и соблазнов власти — пил часто и крепко и «наслаждался жизнью», то он был при Сталине в роли послушного «свадебного генерала». И следует заметить, что с этого момента — с конца января 1924 года, большевикское, коммунистическое, советское руководство нельзя уже было называть согласно мемуарам еврейского историка С. М. Дубнова — Центрожид, ибо верховное руководство в ВКП(б) и в правительстве СССР поменялось радикально, хотя насыщенность советских верхов и всей партии «революционной нацией» была попрежнему очень высокой, «густой».

Их долю в партии можно было снизить двумя способами — «чисткой» или «разбавлением» — привлечением в партию, прибавлением новых членов другой национальности. И Сталин, вспомнив идею Ленина — разбавить свежей кровью, новыми кадрами ЦК и Политбюро, расширил эту идею — задумал увеличить число членов всей партии, привлечь новых, причем не из нэпа или служащих, — а из рабочих. И на пленум ЦК РКП(б) 29-31 января 1924 года Сталин и его сторонники протянули резолюцию «О приеме рабочих от станка в партию» под лозунгом: «Рабочие от станка, стойкие сторонники пролетарской революции — входите в РКП! Пролетарии! Шлите в ряды партии лучших, передовых, честных и смелых борцов!»

Этот призыв в партию Сталин назвал политесно — «ленинский призыв», хотя его следует правильно назвать — «сталинский призыв», потому что это идея была не Ленина, а идея Сталина и призыв Сталина. Ещё этот призыв можно назвать — «русским призывом», потому что понятно, что представители «комиссарской» национальности за станком не работали, следовательно РКП(б) — сильно порусела. Кроме того, в условиях НЭПа евреи стали меньше вступать в партию, ибо с НЭПом и концессиями оживилась торговля, активизировался бизнес, в который теперь и пошли новые поколения евреев зарабатывать деньги, а не в партию. Этот факт отметил в своей книге откровенный юдофил Г. В. Костырченко («Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», М., 2001 г.):

«...Но ещё более разительным было присутствие евреев в сфере свободной торговли, которая в массовом сознании ассоциировалась со спекуляцией, различными махинациями и нечестным промыслом. Непропорционально широкое участие евреев в частном секторе при НЭПе было обусловлено в первую очередь тем, что они наработали богатый опыт выживания в этой сфере ещё со времен Российской империи, когда в неблагоприятных для этой национальности социальных условиях мог преуспеть только человек исключительной хватки и изворотливости. Поэтому «новая буржуазия» в СССР в 20-е годы оказалась в значительной мере еврейской. В декабре 1926 года каждый пятый частный торговец страны был евреем, а всего в эту сферу было вовлечено 125 тысяч евреев. В торговом бизнесе Москвы им принадлежало 75,4% всех аптек, 54,6% парфюмерных магазинов, 48,6% магазинов тканей, 39,6 галантерейных магазинов... В западных районах страны доля предпринимателей-евреев в частной торговле была ещё более значительной: на Украине — 66%, в Белоруссии — 90%».

А поскольку рабочие и красноармейцы при полном отсутствии стартовых капиталов не могли заняться бизнесом, то у них был всего лишь один путь лучшей, интересной, обеспеченной жизни — карьера в партии и в административном аппарате, а карьеру на административной работе опять же не сделать без партийности.

Понятно, что, как сказано было в лозунге, — рабочие выдвигали из своей среды наиболее грамотных, активных и смелых, по иронии истории это были как раз те рабочие, которые организовывали летом 1923 года стачки и забастовки и «качали права» под известными антиеврейскими лозунгами. Таким образом, Сталин сразу «убивал двух зайцев»: во-первых, — опасных «буйных» приобщал к управлению партией и государством, «выпускал пар» недовольства из рабочей среды, а во-вторых, увеличивал в партии число недоброжелателей Троцкого, то есть — увеличивал число своих сторонников.

400-тысячная компартия омолодилась в больших масштабах — рабочие на призыв Сталина охотно откликнулись, и в течение 1924 года в партию вступило примерно 241,5 тысяч человек «от станка», «из коренного народа», партия омолодилась на треть. В своих мемуарах Бронштейн с грустью вспоминал: «Достаточно сказать, что 75-80% членов партии вступили в неё лишь после 1923 года... Это разводнение революционного ядра партии явилось необходимой предпосылкой аппаратных побед над "троцкизмом"».

И настроения новых членов компартии сильно сковывали действия Троцкого и его сторонников. В марте 1924 Троцкий жаловался Бухарину, что среди рабочих Москвы открыто говорят: «Жиды бунтуют!», и будто бы он «получил сотни писем на эту тему». Тогда «Троцкий попытался вынести вопрос об антисемитизме на заседание Политбюро, но его никто не поддержал», — вспоминал большевик М. Агурский. Троцкий больше всего боялся, чтоб Сталин в борьбе с ним использует публично козырь антисемитизма. Александр Солженицын в своей книге обратил внимание на свидетельство А. Чилиги, сидевшего с троцкистами в Верхнеуральском изоляторе: «Троцкисты действительно были молодыми еврейскими интеллигентами и техниками». И еврейский историк М. Агурский отметил: «Оппозиция рассматривалась как преимущественно еврейская». Но Сталин не использовал антиеврейские настроения русского народа, — потому что сам был не русским, и к тому же — не рисковал. Но сильные антиеврейские настроения были и в любом случае помогали Сталину, который их невольно «по умолчанию» использовал.

Сталину для «полного счастья», для достижения полной власти осталось сместить Бронштейна с поста военкома Красной армии. Всё это время Сталин продолжал проводить кадровые перестановки, в частности, в секретариат ему удалось ввести своих сторонников — Куйбышева и Андреева, и их вместе с Молотовым он ввел в Оргбюро. Именно Куйбышев затем возглавил комиссию ЦК по исследованию дел в Красной армии.

И созданная комиссия так много накопала недостатков, что для их разборок в начале 1924 года срочно был созван февральский Пленум ЦК, — чтобы избежать «угрожающего развала армии» и срочно принять необходимый комплекс мер по устранению вопиющих недостатков, укреплению армии, «её оздоровлению». Эти меры невозможно было провести без кадровой чистки... — сторонников Троцкого, а там был огромный еврейский термитник: политический комиссар Московского военного округа, большой любитель антихристианских «гарриков» — Губельман, политические комиссары 12-й армии — Мейчик, 4 армии — Ливенсон, витебского военного округа — Дейб, Самарской дивизии — Глузман и военный комиссар Бекман, председатель совета

армий Западного фронта — Позерн, председатель штаба Северной армии — Фишман, комиссар Военного совета Кавказских армий — Лехтинер, а члены Кавказского военного совета — Розенгольц и Назенгольц, чрезвычайные комиссары Восточного фронта — Бруно и Шулман, политический комиссар Петроградского военного округа — Цейгер и т.п., не говоря уже о «героях» уничтожения русского народа — Блюхер, Тухачевский, Якир, Гамарник, Зак и пр., не говоря уже о ближайшем окружении Бронштейна — Склянский, Гиршфельд и пр. Пора было «проредить» это окружение.

«После смерти Ленина удалось создать Комиссию ЦК партии для ревизии военных дел. Её возглавил Куйбышев. Комиссия установила, что Троцкий формировал воинские части по национальному принципу: латышские, татарские, грузинские, еврейские», — отметил в своей книге В. Шамбаров.

Часть обнаруженных негативов свалили на талантливого заместителя Троцкого, умного трудоголика, некогда золотого медалиста — Эфроима Склянского, на котором держалась вся «черновая работа». Троцкий о Склянском говорил: «находился в самой сердцевине военно-административного аппарата». Опытный аппаратчик Сталин знал важность этой работы и знал — как сильнее, больнее нанести ущерб своему сопернику — и 11 марта 1924 года эту «сердцевину» из ведомства Троцкого выдернули. После увольнения Склянского с достаточной долей иронии отправили созидать в ВСНХ — восстанавливать суконные фабрики объединения «Моссукно».

А Троцкого сталинисты решили «усилить» другим опытным военным «кадром» — вызвали из Украины авторитетного в армии героя войны Фрунзе и назначили помощником Троцкому, заместителем наркома по военным делам... Через некоторое время Фрунзе был назначен также начальником штаба РККА, а в состав РВС вошли Ворошилов, Буденный, Орджоникидзе, Бубнов. Бронштейн фактически оказался в окружении сторонников Сталина.

В некоторых случаях сторонники Троцкого пытались активно противодействовать кадровой политике Сталина в армии, и даже применяли излюбленные террористические приемы, например, когда в следующем году Сталин решил укрепить Фрунзе и с этой целью вызвали из Украины ему в помощь легендарного Г. Котовского, то Котовский не доехал до Москвы — его застрелил 6 августа 1925 года подосланный троцкист-террорист, бывший содержатель публичного дома в Одессе, а при большевиках — начальник охраны сахарного завода — Майорчик-Зейдер.

Особенно «троцкистов» было много в политуправлении армии. Поэтому неудивительно, что сторонникам Сталина пришла мысль ликвидировать в армии институт комиссаров и ввести в армии единоначалие.

Эту идею «вдруг» выдвинули Вострецов, Дыбенко, Федько и ещё 11 видных военачальников, их поддержал Бубнов. Вспомнили даже, что сам Троцкий в своем приказе № 511 допускал отсутствие в подразделении комиссара даже при беспартийном командире.

Но всё-таки комиссаров в армии не упразднили, но специально созданная комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) в июне 1924 года устроила под этим предлогом чистку «с пристрастием» комиссаров на профпригодность... В общем, Сталин методично теснил Троцкого в армии, и прибирал её всё больше под своё влияние. Вопрос свержения Троцкого был уже «техническим».

Сталинские сторонники при «живом» Троцком во главе Красной армии начали открытую разъяснительную работу в армии против якобы культа Троцкого в Красной армии, соответственно стали снимать ставшие неудобными плакаты — «Троцкий — вождь Красной армии». Это было похоже на издевательство над Троцким.

Чтобы не было ни у кого сомнений — кто лучше всего понимает Ленина, соответственно — кто заслуживает быть его наследником — вначале апреля 1924 года Сталин в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова прочитал цикл лекций «Об основах ленинизма». Как видим, по-прежнему Сталин доминировал над Троцким, теснил его и удерживал преимущество на всех «полях».

Последняя надежда Троцкого была на грядущий в мае 1924 года 13 съезд компартии, вернее, на секретное оружие против Сталина, которое должна была достать из тайника Крупская — письмо («Завещание») Ленина с рекомендацией снять Сталина с поста генерального секретаря.

Борьба борьбой, а Сталину необходимо было уже что-то строить, что-то созидать, как-то выходить из продолжающегося жестокого экономического кризиса, ведь после Ленина ему досталось ужасное состояние экономики и всей страны. Инфляция была такова, что цены каждый месяц(!) удваивались или даже утраивались (в декабре 1923 — на 136%, в январе 1924 года — на 199% и в феврале — на 280%).

К концу жизни Ленина в СССР было создано около 320 концлагерей, да и вся захваченная Российская империя, а ныне — СССР, была похожа на один большой концлагерь жесткого режима. Известный писатель и бывший советский журналист этого периода Иван Солоневич утверждал:

«Ничем существенным лагерь от "воли" не отличается. В лагере если и хуже, чем на воле, то очень уж не на много... Всё, что происходит в лагере, происходит и на воле. И наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче».

Пользуясь голодом, «Торгсин» продолжал скупать за бесценок золото у населения. Ужасный многолетний голод начал отступать, — стал

ощутим эффект введения нэпа. И если в 1924 году в сельском хозяйстве уже видны были первые положительные нэповские результаты, то состояние промышленности было совсем плачевное. Остатки промышленности работали только благодаря коварной ленинской обманке под названием «ножницы цен» — то есть за счет обмана-ограбления крестьян. В общем — Сталину было о чем крепко задуматься.

Понятно, что пьяница Рыков с такой громадной задачей — подъём промышленности страны — не справится. Сталину необходим был авторитетный единомышленник-созидатель с хорошими организаторскими способностями, трудоголик, который и ожиревшего коммунистического бюрократа «пробьёт» и оборзевшего нэпмана-нувориша «Осю Бендера» на место поставит. И в этой роли Сталин увидел только одного человека — Феликса Дзержинского. Дзержинскому эта идея понравилась, он дал согласие, и 4 февраля 1924 года был назначен председателем совета Народного хозяйства (ВСНХ).

Созданию промышленности способствовали и некоторые внешние факторы. Поскольку в 1922 г. в Генуе посланцы Ленина так и не нашли инвесторов (где, кстати, также прошли переговоры с немцами и 16 апреля 1922 г. был подписан двусторонний договор), то в СССР в конце 1923 года приняли немецкие предложения, и вместо свержения власти в Германии руководство СССР стало сотрудничать с германскими властями, реализовывать совместные проекты, начатые в конце 1923 года: лётная школа в Липецке, танковая школа в Казани, и несколько экономических проектов, в которые немцы тогда инвестировали немалые деньги — 20 миллионов марок. 12 октября 1925 года Сталин и Дзержинский продлили договор о сотрудничестве с Германией и послали в Германию специалистов, чтобы они посмотрели на современные заводы и новые разработки оружия, затем 24 апреля 1926 года был подписан договор между СССР и Германией о ненападении. Это сотрудничество двух «изгоев» продолжалось вплоть до взаимного столкновения — до нападения Германии на СССР в 1941 г.

На фоне этого и правительство Англии 1 февраля 1924 г. признало СССР и выразило готовность к сотрудничеству, а 7 февраля правительство Италии сделало то же самое. В 1924 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Грецией, Норвегией, Данией, Австрией, Швецией и Китаем — и сохранён контроль над КВЖД.

23-31 мая 1924 года прошел 13 съезд компартии, на котором произошла последняя отчаянная атака на Сталина с помощью Ленина — «завещанием» Ленина, и Бронштейн-Троцкий со своей критикой выложился по максимуму. Но оглашение «завещания» Ленина, в том числе и в части критики Сталина, не дало ожидаемого противниками Сталина эффекта, не впечатлило делегатов съезда, ибо они видели:

обеспокоенность Ленина в течение минувшего года не подтвердилась, — Сталин не переусердствовал властными полномочиями. А обвинение в грубости в те жестокие времена выглядело вообще — смешным. Посмотрим, как эти события на съезде описывал в своей книге Троцкий:

«Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Но это не смягчало удара. После первого ознакомления с документом, в Секретариате, в кругу ближайших сотрудников Сталин разрешился фразой, которая давала совершенно неприкрытое выражение его действительным чувствам по отношению к автору Завещания. Условия, при которых фраза проникла в более широкие круги, и, главное, неподдельный характер самой реакции, являются, в моих глазах, безусловной гарантией достоверности всего эпизода. К сожалению, крылатая фраза не подлежит оглашению в печати».

Понятно, что если бы Троцкий эту сталинскую фразу «в сердцах» озвучил бы, то подвергся бы резкой критике со стороны фанатичных ленинцев в умышленной дискредитации Ленина.

И в самом деле — письмо-«завещание» Ленина не было неожиданностью для Сталина, в результате ошибки секретарши Ленина Сталин уже давно был в курсе текста и приготовился к «неожиданному» использованию его против себя.

Ещё до съезда Сталин провел сильную акцию. К 13 съезду партии химики успели подготовить мумию Ленина, и были уверены, что она в ближайшее время не сгниёт. Как я уже упоминал — было немало скептиков, что возможно осуществить задуманное, ведь повторить загадочное искусство мудрецов древнего Египта было непросто, это был научный прорыв, «тянущий» на Нобелевскую премию. Но молодым советским ученым удалось качественно забальзамировать труп. А может, труп всё-таки подменили гипсовым или восковым манекеном? Чтобы развеять все сомнения и недоверия, как свидетельствовал Луис Фишер и многие иностранные журналисты, — их собрали в Мавзолее и — «Збарский открыл витрину, содержавшую мощи, ущипнул Ленина за нос, повернул его голову направо и налево. Это был не воск. Это был Ленин».

Думаю, — если во время этих панибратских ущипов Збарского Ленин вдруг открыл бы глаза и бойко сказал: «Здравствуйте, товарищи!», то уже и так сильно шокированные журналисты дружно поверили бы в оживление, в воскресение... А что уж говорить про «тёмных рабочих» и «полутемных» фанатичных коммунистов... На глазах изумленных людей реализовывалась потрясающая грандиозная идея, — невозмутимые масонские мудрецы в Лондоне и в США от зависти могли расплакаться, да и всё повидавшие мудрые евреи типа бесшабашного

мистика-авантюриста Яши Блюмкина готовы были в шоке шептать — «Харе Сталин, Харе Сталин...». А что уж говорить о внезапно сникшем Троцком... Скорее всего, именно в этот момент он с ужасом и холодком в спине осознал — с Кем он, жалкий нью-йоркский или бердичевский террорист, столкнулся...

Даже «нетемные» в ЦК и Политбюро волновались, сомневались и были шокированы. В общем — подспорье всем в СССР на дороге в неизвестное будущее было хорошим. Этот «бог» всё знал и знает всё наперед, — осталось только верно и точно исполнить Его заповеди... А кто лучше всех знает — что и как, что Он заповедал и что Он имел ввиду?.. Его способный ученик обильными цитатами и объяснениями ещё много лет всем это убедительно доказывал.

А может, кто-то другой желает взять эту огромную ответственность и всё ясно и точно объяснить, и повести за собой по новой неизвестной, полной преград дороге? Кто возьмёт на себя огромную ответственность быть его Мессией?.. Поднимите руки? Уверен, — многим было удобно, комфортно, что Сталин всё взвалил на себя, особенно все дружно стали способствовать росту и «обожествлению» культа «Мессии» — Сталина, когда после провала попытки осуществить коллективизацию мирным путем в 1928 году для находящихся на всех уровнях власти наступили тревожные времена, когда с 30 января 1929 года Сталин начал многолетнюю жестокую Гражданскую войну в СССР против крестьянства.

Во время работы этого съезда Сталин додумался до ещё одного удачного пиар-хода, вернее — это была «домашняя заготовка» с использованием его изобретения, — 26 мая 1924 года он предложил всем делегатам 13 съезда партии посетить мавзолей Ленина и отдать почести, с этого момента этот ритуал поклонения мёртвому коммунистическому «богу», но «вечно живому» в своей идеологии и делах последователей, стал традицией всех съездов. Бронштейн и его сторонники до такого хода не додумались.

После такого совершенно незаслуженного «вознесения на небо» Ленина (с «прицепом» самого себя) критика Ленина в адрес Сталина в «завещании» выглядела как непорядочность и неблагодарность вождя, заслуживающего снисхождения только с учётом его тяжелой болезни.

После всех этих впечатляющих мероприятий Сталин мог позволить себе всё — даже демонстративно подать на этом съезде в отставку. «Подавая, для формы, в отставку, генеральный секретарь капризно повторял: «Что ж, я действительно груб... Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что ж, попробуйте найти».

— «Ничего, — отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина, — нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская». Косвенно здесь Ленину приписывалось *салонное* понимание вежливости. Об обвинении в недостатке лояльности ни Сталин, ни его друзья не упоминали. Не лишено, пожалуй, интереса, что голос поддержки исходил от А. П. Смирнова, тогдашнего народного комиссара земледелия», — писал в своих мемуарах Бронштейн-Троцкий.

Решающим фактором на этом съезде было то, что подавляющее большинство делегатов были сторонниками Сталина, разделяли с ним свои взгляды, и одинаковым было видение будущего России. Многие делегаты в первую очередь были противниками Бронштейна и ему подобных, и уже поэтому «автоматически» были сторонниками Сталина и с недоверием отнеслись к «завещанию» Ленина.

В том числе и учитывая это своё большинство, Сталин и пошел смело, уверенно на этот красивый джентльменский ход — Ленин посоветовал меня сместить с должности, хорошо, тогда я сам подаю в отставку, — принимаете отставку?..

Затем Сталин неоднократно гордился этим случаем, например, через два года на заседании объединительного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 22 июля 1926 г. Сталин с гордостью обратил внимание собравшихся: «Делегации 13 съезда этот вопрос обсуждали, и я не считаю нескромностью, если сообщу, что все делегации без исключения высказались за обязательное оставление Сталина на посту генсекретаря. У меня имеются здесь эти резолюции...». Сталина распирала от этого радость, гордость, торжество, и понятно, что он гордился своим «рискованным» благородным поступком.

Интересно также отметить, что каждая делегация обсуждала вопрос отставки Сталина и все приняли единогласное решение — оставить Сталина во главе партии и государства, — и их можно понять и объяснить, но решение Троцкого?.. Жалкий Троцкий не хотел выглядеть «черной» вороной — противостоять всем, и чтобы избежать этой явно проигрышной позиции вынужден был «маневрировать»... — также проголосовал за Сталина.

К Ленину делегаты отнеслись с сочувствием и «с поправкой» на здоровье его мозга, Троцкий: «Старейшины делегаций проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в том смысле, что письмо написано тяжело больным, под влиянием происков и интриг. Аппарат уже господствовал безраздельно. Один тот факт, что тройка (Сталин, Зиновьев, Каменев) могла решиться попрать волю Ленина, отказав в оглашении письма на съезде, достаточно характеризует состав съезда и его атмосферу... Когда письмо Ленина о разрыве со Сталиным стало широко известно на верхах

партии, уже после распада тройки, Сталин и его ближайшие друзья не нашли другого выхода, кроме все той же версии о невменяемом состоянии Ленина».

Выступление же Троцкого на этом съезде можно оценить, как крайне неудачное, — не в тему ожиданий советских коммунистов, например, вместо столь ожидаемого строительства страны и жизни, он старался «по-боевому» зажечь коммунистов:

«Необходимо разобраться в положении дел в рядах нашей партии. К сожалению, там находится ещё много таких слюнявых интеллигентов, которые, как видно, не имеют никакого представления, что такое революция. По наивности, по незнанию или по слабости характера они возражают против объявленного партией террора. Революцию, товарищи, революцию социальную такого размаха, как наша, в белых перчатках делать нельзя!

Прежде всего это нам доказывает пример Великой Французской революции, которую мы ни на минуту не должны забывать... уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического, всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти...».

Бронштейн пытался выступить с позиции матерого боевого революционера, а получилось — с позиции ненасытного кровавого маньяка. При этом он по-прежнему пытался действовать по-ленински — старался уничтожить интеллект русского народа — его интеллигенцию:

«Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения. Это то, что уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно легче, чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и с его судьбой...».

Хорошо, что на этом съезде 748 делегатов проголосовали против предложенной платформы Бронштейна-Троцкого, возможно, эти русские рабочие и крестьяне наконец-то вспомнили древнюю аксиому-заповедь наших мудрецов-волхвов или опять, пройдя по своей глупости все ошибки, беды и несчастья, «изобрели» её: «Не позволяй пришлому завладеть твоим умом!»

Сталин успешно продолжал заниматься кадровой политикой, в период съезда ему удалось приблизить к себе и настроить против Троцкого двух влиятельных старых большевиков — Томского и Бухарина, которых вместе с Рыковым Сталин протащил в Политбюро, теперь состоящее из: Сталина, Троцкого, Бухарина, Рыкова, Томского, Зиновьева и Каменева.

Что касается речи Сталина на съезде, то он кроме старых тем — об оппозиции и «ленинском призыве» обратил внимание на некоторые явления, характерные и в постперестроечной России: «Оказалось, что частный капитал внедрился не в производство, где риску больше и капитал оборачивается медленнее, а в торговлю...». Из чего Сталину стало понятно, что на инвестиции надеяться нечего, — они промышленность не поднимут. Кстати, — то же самое можно сказать и о частном капитале в России после «перестройки»... — и демократ-либералы, в том числе и В. Путин с Д. Медведевым, ждут спасительных чудо-инвестиций уже более 17 лет...

Далее, Сталин: «...Между государством, с одной стороны, и крестьянским хозяйством, с другой, вклинились купец и ростовщик». И мы сегодня ломаем голову — почему наш бедный фермер продает посреднику молоко и зерно по одной цене, а в магазине цена почти в десять раз дороже. Тогда Сталин предложил создать Наркомат внутренней торговли и поставил ему задачу «овладения рынком».

Сталин поставил на съезде также вопрос и сегодня в России актуальный, — об обеспечении дешевыми кредитами крестьян. На съезде Сталин подчеркнул также плюсы монополии государства во внешней торговле. Особое внимание Сталин обратил на необходимость подъёма промышленности. Как раз в это время курирующий промышленность Ф. Дзержинский спорил до хрипоты с «Кудриным» того периода — с известным еврейским террористом, ставшим в СССР министром финансов, Г. Я. Бриллиантом-Сокольниковым, который пытался сохранить за собой удовольствие распределения и контроля отпущенных на промышленность денег, а Дзержинский впервые предложил рассматривать промышленность не по частям, отдельно по отраслям, — а как взаимосвязанное целое и предложил составлять единый промышленный бюджет, которым после выделения средств должен распоряжаться только нарком промышленности, и Дзержинский настоял на своём.

Обратите внимание — в те годы резко стоял до боли знакомый вопрос — где взять деньги для развития страны? Не печатать же их... Тот же вопрос стоял в России после «перестроечного» развала и грабежа, те же иллюзии на инвестиции и рынок акций... Но России в XXI веке повезло — резко выросли цены на нефть — и стал вопрос: как лучше применить «халявные» деньги? Тогда у Сталина «халявы» не было.

Дзержинский, находясь на посту председателя ВСНХ, в категорической форме высказывался против решения экономических проблем волевыми методами... Понимая, что единственным экспортным товаром является зерно и другие продукты сельского хозяйства, Ф. Дзержинский подчеркнул свою антиленинскую позицию: «В наших отношениях с деревней не должно быть места эксплуатации с расчётом на то, что сельское хозяйство принесёт нужные капиталы для развития индустрии». В этот период Сталин придерживался того же мнения — до 1929 года...

В процессе строительства обнаружилась серьёзная проблема — проблема хороших управленцев, одно дело — рубать врагов, строчить из пулемета и грабить буржуев, а другое — эффективно управлять цехом и тем более — заводом или стройкой, а «старых» управленцев в России осталось мало и те были не удел... Решая эту проблему, Сталин стал давать удивительные, по мнению многих коммунистов, советы: «не командовать, а чутко прислушиваться к голосу беспартийных», «не только учить беспартийных, но и учиться у них. А учиться нам есть чему у беспартийных» (на совещании 22 октября 1924 г.). Беспартийными как раз и были многие «старые» специалисты, которых теперь стали активно привлекать к работе, не голодом и принуждением, как это делал Ленин, а за деньги. Но не все эти «беспартийные» честно работали на коммунистов, многие из них «параллельно» подрабатывали на старых хозяев, которые считали, что советская власть долго не продержится, и они в 1923 году организовались в Париже в «Объединение бывших горнопромышленников Юга России», аналогичная организация возникла и в Польше.

Западные «старшие братья» Бронштейна-Троцкого внимательно наблюдали за событиями в СССР и за борьбой их подопечного за власть. После того, как на 13 съезде не удалось снять Сталина с поста генерального секретаря и хоть как-то его «подвинуть», сотрудники Английского МИДа в СССР, в аналитической записке (Foreign Office 37/1779 № 319 и № 560/ 53/38,27 Jan/ and 1 1Feb/ 1926) своему начальству в Лондоне доложили: «...Чуть ли не сразу после похорон Ленина Сталин откровенно отринул курс на "мировую революцию" и открыто провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране и в интересах всего народа...».

Тревогу у англичан вызвало также то, что Сталин «перешел к политике с использованием "национальных инструментов"...». И руководство Англии решило помочь Троцкому и послало ему в подмогу опытного конспиратора, ученика знаменитого кровавого еврейского террориста Гершуни — Бориса Савинкова. Майкл Сейерс и Альберт Кан в своём исследовании отметили, что — «Претендент на пост русского диктатора Борис Савинков — марионетка англичан (вернее — англо-

американских масонов. — Р. К.) — был послан в Россию летом 1924 года для подготовки ожидавшегося контрреволюционного мятежа». Скорее всего, зная специфику «работы» Савинкова, можно предположить, что его послали не только организовать вооруженные мятежи, подобно организованному им в 1918 году в Ярославле, но и для организации одиночных террористических актов — убийства соперников Бронштейна.

Не случайно как раз в это время Бронштейн опять вернулся к идее военного переворота и даже помирился с Тухачевским, дав ему 18 июля 1924 г. должность заместителя начальника штаба РККА и в тот же день ещё раз его повысил — назначил исполняющим обязанности начальника Штаба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как Бронштейна-Троцкого лишили силы

Летом 1924 года Бронштейн заметно активизировал свою деятельность, опять начал обрабатывать молодежь, для которой решил создать зажигательный, романтический и культовый образ бесшабашного революционера на примере лейтенанта Шмидта П. П. (1867-1906).

Этот пропагандистский зажигательный проект был полностью лживым, ибо на самом деле образ лейтенанта Шмидта был очень далек от положительного. А. Смирнов в своей книге «Масоны в русском флоте 1696-1922 гг.» (СПб, 2008 г.) так описал Шмидта:

«Примеры "сотрудничества" адмиралов и офицеров флота с идеями свободы, равенства и братства были заметны ещё в 1905 году. Наиболее известные из "гуманистов с кортиками" — это адмирал Небогатов и лейтенант Шмидт. Первый прославился тем, что сдал корабли вверенной ему эскадры в плен японскому флоту...

Весной 1905 года на берег Черного моря Шмидт был списан как раз с эскадры Небогатова по причине обострения психического расстройства. В Японии юный мичман Шмид уже *лечился* в психиатрической клинике города Нагасаки в 1901 году... Кадровых офицеров не хватало, потому и "закрыли глаза" на болезнь, чему способствовало ходатайство родного дяди — адмирала в Адмиралтействе. Командуя в Измаиле двумя миноносцами, лейтенант Шмидт самовольно покинул свой пост, прихватив из казны командира 2,5 тысячи золотых рублей наличными. И прокутил с привокзальной проституткой иудейского происхождения эти деньги. После 1917 года эта дама требовала от советского правительства пенсию за свою страдальческую связь с "героем революции", о чем сохранились документы, послужившие основой для создания романа «Золотой теленок».

Деньги закончились, беглеца искали жандармы и юристы военноморского суда. Перед сумасшедшим лейтенантом замаячил извечный

вопрос русского интеллигента — что делать дальше? И тут "подруга его кошелька" и познакомила своего спутника с приятелями...».

Шмидт был психически ненормальным человеком, дрался на балах, закатывал начальству истерики, и катался перед ним в судорогах по полу, в одном из припадков у себя дома так испугал сына Евгения, что тот остался заикой на всю жизнь. Сын, насмотревшись на отца-«революционера», в 1918 году пошел воевать за Белых, умер в Париже в 1951 году.

Во время Второй террористической еврейской войны против России (1901-1906 гг.) Шмидт поднял бунт на флоте и объявил себя главнокомандующим Черноморского флота, и после подавления этой революции был расстрелян. Бронштейн-Троцкий из этого буйного психа стал лепить образ мученика и героя, — назвал его именем полтора десятка кораблей своего ведомства, мост и набережную в центре Петербурга, заказал статьи в газетах, а у Бориса Пастернака заказал поэму о «славном» молодом «герое» Шмидте.

Сталину в ответ пришлось самому плотно заняться молодёжью, пионерским движением и комсомолом. В ответ на зажигательный лозунг Троцкого — «Молодежь — барометр партии» Сталин ответил: «Барометр нужно искать не в рядах учащейся молодежи, а в рядах пролетариата... Партия должна ориентироваться не на учащуюся молодежь, а на пролетарское ядро партии. 200 тысяч новых членов партии — вот барометр». Зажечь молодежь против «бюрократа» Сталина у Троцкого не получилось. И Савинков в СССР ничего не успел сделать, ибо довольно быстро его обнаружили и арестовали сотрудники ОГПУ. Шустрый Емельян Губельман-Ярославский в конце августа 1924 года попытался «повесить» на Савинкова покушение на Ленина в 1918 году. С учетом мощных сил, стоящих за Савинковым, Дзержинский и Сталин, опасаясь международных последствий, избегая их — не расстреляли Савинкова, и содержали его под арестом в довольно комфортных условиях, — сотрудники ОГПУ его неоднократно водили на ужин в столичные рестораны.

Бронштейна продолжала фатально преследовать неудача и внутри страны и во вне, — провалилась попытка зажечь революцию в Болгарии, потерпела неудачу революция в Эстонии, и в завершении печальной картины этого периода — один из доверенных секретарей Бронштейна — Глазман в 1924 году покончил жизнь самоубийством.

Сталину и Дзержинскому в борьбе против Троцкого приходилось «маневрировать», они не стали ругаться с мировым гегемоном — мировым еврейством и всемерно ему помогали строить в Крыму Израиль. «20 февраля (1924 г.) Еврейское телеграфное агентство в Нью-Йорке сообщило, что такие видные советские политики, как Троцкий, Каменев и Бухарин, расценили крымский проект положительно. Той же

позиции придерживались нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, председатель ЦИК СССР М. И. Калинин и председатель Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровский. Очевидно, и Сталин поддерживал на первых порах крымский проект еврейской колонизации. Но самым горячим сторонником и пропагандистом этой идеи стал Ю. Ларин. Выходец из интеллигентной еврейской семьи, уроженец Крыма, он уже в юности встал на путь революционной борьбы... В это время Ларин горячо поддерживал Сталина в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией, а потом проведении насильственной коллективизации».

Не может не вызвать усмешку догадливость Г. Костырченко: «Создавалось впечатление, что сторонники крымского проекта в СССР и за границей координировали свои действия». В августе 1924 Президиум ВЦИК постановил образовать «Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся» (ОЗЕТ) и «Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся» (ОКЗЕТ). Более того — территорию Израиля в Крыму решили расширить за счет земель Кубани, южной Украины и Приазовья. Через месяц — в сентябре-октябре 1924 г. в Москве и Ленинграде произошла первая волна арестов самых радикальных и наглых сионистов, демонстрирующих неуважение к представителям советской власти (вторая волна арестов сионистов произошла в 1928 г.).

Еврейские лидеры тут же бросились выручать своих товарищей и связали их освобождение советскими властями с крымским проектом. «Чувствуя большую заинтересованность советской стороны в получении американских финансовых средств, д-р Розен, пообещав от имени "Джойнта" выделить на еврейское землеустройство в СССР в общей сложности 15 млн. долларов, занял жесткую позицию: выполнение циркуляра советского правительства от 21 июля 1919 года о терпимом отношении к сионистам, прекращении гонений на иудаизм и ивритскую культуру, создание в Москве эмиграционного бюро для отправки евреев в Палестину (прежде всего арестованной сионистской молодежи) и открытия в советской столице отделения банка "Джойнта"», — отметил в своей книге Г. В. Костырченко. И к концу 1924 года почти все условия Розена Сталиным и Дзержинским были приняты.

Один из лидеров еврейского крымского проекта — Розен, увидев, что может легко продавить своими требованиями советских лидеров и понимая важность исторического момента, решил хапнуть для Израиля максимально возможное количество земель и «в конце 1924 года д-р Розен предпринял деловую поездку на Украину для встречи с наркомом земледелия этой республики И. Е. Клименко, — отметил в своей книге Г. Костырченко. — Однако в Харькове американского визитера ждал отнюдь не радушный приём. В ответ на его предложения ускорить выделение под еврейское землеустройство дополнительно 100 тысяч

десятин земельных угодий заместитель наркома земледелия Украины М. Вольф заметил, что следует сначала освоить 30 тысяч десятин, уже ранее предоставленных республиканскими властями для этих целей. Он также заявил, что Всеукраинский ЦИК принял решение возобновить перемещение на восток СССР неиспользуемых трудовых ресурсов, в том числе и безработного еврейского населения».

Понятно, что Розен сразу обвинил Вольфа в антисемитизме, Костырченко: «Присутствовавший на этой встрече С. Е. Любарский (руководитель плановой комиссии республиканского Наркомзема и представитель «Агро-Джойнта» на Украине), поддержав Розена, заметил: "Восток нас не устраивает, он требует энергии украинца-пионера, а евреям нужны уже обжитые районы — Украина, Крым..."

Ещё более негативное отношение к еврейскому переселению выказывали крымско-татарские власти, которые склонны были подозревать центр (Москву) наказать автономию за националистические выступления в мае 1924 года, закончившиеся расстрелом 132 участников "контрреволюционного заговора"».

Понятно, что в этот период советская власть, и в том числе Сталин, довольно быстро расстреливали всех, попробовавших «вякнуть» против строительства Израиля в Крыму, и понятно — почему евреи стремились захватить обжитые другими народами земли; и понятно, что мешающего этому украинца или татарина необходимо было выслать на восток, в Сибирь... В общем, — проект, который мы наблюдали ещё в предыдущей книге, продолжал успешно развиваться; далее обратим внимание на другие события в этот период.

19 августа 1924 года в результате трений с Зиновьевым и Каменевым Сталин на очередном пленуме ЦК опять подал в отставку с поста генсека. И опять его отставку дружно не приняли.

В этом же году Сталин, продолжая создавать советскую империю, перекроил азиатские республики: упразднил Хорезмскую и Бухарскую советские республики и создал, в этом регионе более обширные новые союзные республики — Узбекскую ССР и Туркменскую ССР.

В финансовой сфере Сталин решил исправить ошибки Ленина и с 1924 года начал вводить обеспеченный золотом крепкий советский червонец, хотя этот червонец был обеспечен золотом «виртуально», ибо реально обменять его на золото было невозможно.

После того, как на партийном съезде Бронштейну-Троцкому практически не удалось нанести урона Сталину, он решил нанести по нему серьёзный теоретический удар — и написал свою знаменитую работу «Уроки Октября». В этой работе он описал историю захвата Российской империи, в которой красовался только он, немного Ленин, а Сталина почти и не было. Кроме того, в трактовке Троцкого оказалось, что Ста-

лин не только не играл существенной роли в победе революции, но он ещё и исковеркал политику Ленина. Досталось в «Уроках октября» и Каменеву и Зиновьеву. Он с горечью понимал, что эти два соплеменника сильно ошиблись, выступив против него, и попытался их таким резким образом образумить, вернуть в свой лагерь.

В ответ обескураженный Троцкий получил целый залп: Сталин ответил книгой «Об основах ленинизма» и статьёй в «Правде» — «Троцкизм или ленинизм», Каменев написал статью — «Ленинизм или троцкизм», Бухарин — «Как не надо писать историю Октября», Зиновьев — «Большевизм или троцкизм», и больную затрещину бестолковый Бронштейн получил от Н. Крупской, написавшей возмущенную статью — «К вопросу об "Уроках Октября"».

Сталин, критикуя Бронштейна-Троцкого, утверждал: «Теория "перманентной революции" это разновидность меньшевизма». То есть в этом вопросе критика Сталина была щадящей, даже поверхностной, неглубокой, ибо я уверен, что Сталин понимал, что это — масонская идея, а если ещё глубже — это древняя религиозная еврейская идея.

Возмущение по поводу «Уроков Октября» Бронштейна продолжалось долго. На Пленуме ЦК 19 ноября 1924 г. Сталин выступил с речью под названием «Троцкизм и Ленинизм», в которой говорил: «Но вот вопрос: для чего понадобились Троцкому все эти легенды об Октябре и подготовке Октября, о Ленине и партии Ленина?.. В чём смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискутировать, когда партия завалена кучей неотложных задач, когда партия нуждается в сплочённой работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам?

Для чего понадобилось Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям? Троцкий уверяет, что всё это необходимо для «изучения» Октября. Но неужели нельзя изучать Октябрь без того, чтобы не лягнуть лишний раз партию и её вождя Ленина?» Сталин отвечал мастерски, а Бронштейн-Троцкий нападал и... — опять проигрывал, и был на грани вылета из «высшей лиги». Он уже понимал, что Сталин со своими сторонниками по отношению к нему может пойти на радикальные меры, поэтому Бронштейн превентивно истерически со страниц «Правды» пугал: «Перед уходом я хлопну дверью на весь мир. Тем, кто нас заменит, придется строить на развалинах, среди мертвой тишины кладбища».

В общем, Бронштейн своими непродуманными действиями и словами ещё больше сплотил своих противников и вызвал в ответ ещё большее противодействие. Итальянский писатель, фашист, масон и коммунист Курцио Малапарте бывал в России, наблюдал за внутрипартийной борьбой и в своей статье писал: «Знаменитая "тройка", Сталин, Зиновьев и Каменев, пускает в ход самые изощренные приёмы притворства, интриги и обмана, чтобы скомпрометировать Троцкого в глазах масс, недовольство в рядах его сторонников, возбудить недоверчивое, подозрительное отношение к его словам, поступкам, намерениям. Глава ГПУ, фанатик Дзержинский, окружает Троцкого сетью шпионов и провокаторов; вся таинственная и устрашающая сила ГПУ приведена в действие для того, чтобы одно за другим подрезать сухожилия врагу (неужели Троцкий надеялся, что Сталин с ним будет возиться как Керенский или Николай Второй?.. - Р. К.)...

Приказам Сталина повинуется вся официальная пресса. Постепенно вокруг Троцкого образуется пустота. Самые слабые начинают колебаться, отходят в сторону...».

В конце 1924 года после формирования «общественного мнения» талантливый «шахматист» — Иосиф Сталин красиво заканчивал свою партию с последним вождём, претендовавшим и на захват всей континентальной Европы. Оскорбленные «заслуженные» большевики Каменев, Зиновьев и весь ленинградский губком потребовали вывести Троцкого из ЦК, Политбюро и исключить из компартии. В январе 1925 года по этому поводу собрался очередной Пленум компартии. Но за Бронштейна «вступился» Сталин... «Мы имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался уполномоченный пленум ЦК и ленинградцы вместе с Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились... и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена», — пояснял Сталин.

Троцкий знал, что против него готовились применить жесткие внутрипартийные меры наказания, и понимал всю важность момента и его последствия — если его лишат Красной армии. Это прекрасно понимали и его единомышленники, которые предложили Бронштейну-Троцкому успеть воспользоваться громадной силой своих подчиненных. А. Колосков пересказывал слова своего отца — свидетеля тех событий: «...Накануне сторонники Троцкого предложили ему, тогда ещё руководителю армии, арестовать Сталина, Зиновьева и других, как изменников делу революции. Разговор произошел вечером. Наступила ночь, но Троцкий не дал ответа... На рассвете Троцкий объявил сподвижникам: он отказывается. Он не может допустить, чтобы партия обвинила его в самом страшном для революционера грехе, в бонапартизме...».

Троцкий дрогнул, слабо?... Вероятнее всего, Троцкий ночью взвесил все «за» и «против» и понял, что, во-первых, его резкие действия могут привести к кровопролитию или даже ко второй гражданской войне; во-вторых, это кровопролитие закончится не в его пользу, а в-третьих, может случиться самое страшное, чего боялся С. М. Дубнов и многие его

соплеменники — всё закончится всероссийским, очередным в истории человечества кошмарным еврейским погромом... И всё из-за Бронштейна-Троцкого, который «подставил» свой народ.

Кроме того, было такое впечатление, что существовало некое обоюдное внутрипартийное соглашение - сражаться без пролития крови, потому и Сталин долгие годы, до заварухи 1936-1937 гг., возился с оппозиционерами до неприличия мягко и милосердно — как с детсадовскими шалунами, в то время как любой русский монархист, черносотенец и даже молодой русский поэт с манерами «независимовца» очень быстро получал пулю... И таких, получивших очень быстро пулю — было много тысяч...

Троцкого сняли с военных постов — с поста председателя РВС и наркомвоенмора СССР, — и этим отобрали у него мощную политическую силу, обессилили его совсем. Это сталинское «ограничились» — было коварно издевательским. Ход был прекрасным — якобы сталинисты выбрали «меньшее из двух зол», и многие отметили благородство Сталина...

Этот поединок интересно описывал очевидец тех событий — итальянский писатель, коммунист Курцио Малапарте (1898-1957 гг.): «Сталину совершенно несвойственны такие качества русских, как апатия, ленивое непротивление добру и злу, туманный, бунтарский и вредоносный альтруизм, наивная и жестокая доброта. Сталин не русский, он грузин: его хитрость соткана из терпения, воли и здравого смысла; он упрямец и оптимист». Из этой оценки вырисовывается эдакий образ революционного грузинского «вора в законе». Курцио Малапарте:

«Противники обвиняют его в невежестве и недалекости, но они неправы. Нельзя сказать, что это человек образованный, европеец, измученный софизмами и духовными озарениями: Сталин — варвар в том смысле, в каком понимал это слово Ленин, то есть враг западной культуры, психологии и морали. Его ум — ум чисто рефлекторный, инстинктивный, первобытный, лишенный каких бы то ни было предрассудков культурного или нравственного свойства... Сила Сталина — в его невозмутимости и терпении. Он следит за поведением Троцкого, анализирует его действия, вслед за быстрыми, нервными, неуверенными шагами соперника слышна его медленная, тяжелая крестьянская поступь. Сталин — замкнутый, холодный, упрямый, Троцкий — горделивый, порывистый, эгоистичный, нетерпеливый, весь во власти честолюбия и буйного воображения, натура горячая, дерзкая и агрессивная. "Жалкий еврей", — говорит о нем Сталин. "Жалкий христианин", — говорит о Сталине Троцкий». Судьба, история рассудила — кто из них жалкий.

Оказалось, что с хитростью, коварством и прагматичной мудростью Сталина не мог соперничать тогда в СССР ни один «сверхмудрый» еврей, масон и даже вождь революции Бронштейн... Понятно, что уже

за этот факт и за обиженного Бронштейна-Троцкого и, соответственно, за неблагоприятное изменение хода истории — евреи будут мстить давно умершему Сталину ещё много веков. Значение этой победы не все осознают. Это, конечно, была ещё не полная и окончательная победа над Бронштейном и прочими гегемонами, но это был решающий момент — «Сталинград» этой эпопеи, дальше добить Бронштейна было уже «делом техники» и времени. Осознать этот важный поворотный момент в истории России следует хорошо, и я согласен с известным исследователем истории этого периода В. Карповым:

«Сталин спас страну от сионистского нашествия, агентура которого проникла во все сферы партийного, государственного аппарата, карательных органов, профсоюзов и творческих организаций. Эта его победа может быть приравнена к победе над германским нашествием 1941-1945 годов. Сионисты никогда не забудут поражения, которое нанес им Сталин. В наши дни и вечно они будут поносить, очернять, обливать желчью Сталина, потому что он их лишил очень важного, почти достигнутого продвижения к заветной цели — мировому господству через захват России.

Сталин не дал им возможность разрушить Российское государство и создать на его территории свою "Землю обетованную"».

26 января 1925 года наркомом и председателем Реввоенсовета СССР вместо Бронштейна-Троцкого был назначен М. Фрунзе и... ничего не случилось — ни громкого «хлопка дверью», ни обещанной Троцким после этого «кладбищенской тишины» не было. Хотя ведомство Дзержинского было в боевой готовности и ожидало худшего варианта развития событий.

Сталин опасался слияния Бронштейна с Красной армией с его сторонником Томским, возглавлявшим профсоюзы, при их слиянии образовалась бы мощная антисталинская сила, но этого не произошло. И после снятия с поста военкома Бронштейна, Сталин снял с поста председателя профсоюзов Томского, после чего мог облегченно вздохнуть.

Итак, Сталин пережил одного вождя захватчиков Российской империи и в борьбе за власть победил второго, и пришел к власти, возглавил СССР. И стоит зафиксировать этот исторический момент, который подводит некоторую историческую черту, является важным «Рубиконом». Во-первых, думаю, что те, кто организовывал захват Российской империи в 1917 году, — такого исхода через 7 лет не ожидали, что некий нацмен, грузин(!) Сталин возглавит новое коммунистическое государство. И более того, во-вторых, — этот затесавшийся в ряды революционеров-террористов грузин стопорнет, закроет главнейшую цель всего начинания, цель революции — достижение «мировой революции», мировой гегемонии.

В-третьих, это был тот случай — когда после боя победителю во многом гораздо тяжелее, чем побежденному, который, кроме моральных и психологических потерь, мог теперь беспечно расслабиться и получить удовольствие от жизни в других её аспектах. Теперь победителю и предстояло решать все проблемы разрушенной, ограбленной, нищей страны; теперь — это его огромная ответственность за всё: и за ошибки, недосмотры и т.п.

В-четвертых, те, кто безапелляционно называл большевикскую, советскую власть — еврейской властью, еврейской оккупацией, Центрожидом (что зафиксировал еврейский историк С. М. Дубнов) теперь были в смятении, ибо ситуация изменилась, верхушка власти поменялась, во главе стоял не еврей — грузин Сталин, поэтому теперь эту власть Центрожидом уже неверно было назвать, хотя сталинисты убрали с верхушки власти всего несколько евреев и их помощников среди представителей других национальностей, а несколько миллионов евреев так и остались на разных уровнях власти во главе СССР... Этой возникшей усложнившейся национальной смеси у власти трудно было четко дать некое ясное определение. А как теперь её следует называть?..

Назвать власть грузинской также было невозможно, причём она оставалась большевикской, советской. В этот период было оригинальное сочетание — Россия была во многом ещё под еврейской оккупацией, но эту еврейскую власть возглавлял грузин Сталин. Советский Союз, бывшую Российскую империю возглавлял всё-таки не русский, но уже и не еврей. И эти перемены на самой верхушке власти одних обнадежили, другим дали какие-то иллюзии — что Сталин инициирует большую перестройку во всех сферах в стране, третьих, — насторожили: что от него ожидать и чем это закончится...

После этой важной стратегической победы перед Сталиным и его сторонниками открывался большой простор для деятельности, во-первых, они могли теперь беспрепятственно восстанавливать разрушенное хозяйство страны и строить новое государство. А, во-вторых, поскольку после окончания победной для большевиков Гражданской войны прошло уже почти 5 лет, и ничего их власти не угрожало, то после победы над Бронштейном-Троцким Сталин мог начать «оттепель» — раскрепостить оккупированные классы и нации Российской империи: изменить законы, отменить декрет Ленина и Бронштейна от 12 мая 1919 об организации концлагерей и ликвидировать организованные к этому году 320 концлагерей...

Теперь осталось набраться терпения и ждать, — на все вопросы, сомнения, неясности, надежды и иллюзии могли дать ответ только действия Сталина, его дела, он теперь самый главный, он теперь «у руля».

Причем сразу можно точно и сочувственно утверждать, что этот грузин вынужден будет работать по 20 часов в сутки и балансировать «по краю» между тремя мощными силами, «между тремя огнями»: между настороженно на него глядящей правящей мощной еврейской элитой — между многомиллионным русским народом (с его представителями во власти), готовым вот-вот схватиться за вилы и обрезы и «взорваться», сорваться - и между огромной внешней силой, выигравшей Первую мировую войну, и по-хозяйски наблюдавшей со стороны и сверху... Переизбыток «адреналина» в этой жесткой и сложной «игре» Сталину и рискнувшим с ним пойти по этому пути соратникам гарантирован. В следующей части книги будем наблюдать действия возглавившего СССР Сталина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОРЬБА СТАЛИНА С НОВОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1925 год. Восстановление экономики страны. Появление новой оппозиции

Если до января 1925 года из двух основных задач: борьба за власть с Троцким и строительство новой страны — более важной задачей, на первом месте для Сталина была — борьба за власть, то после января 1925 года, лишив конкурента силы и захватив власть, приоритет задач поменялся местами: теперь главное — строительство, а затем ответ ослабленной и побежденной оппозиции, если она будет слишком сильно мешать работать. В связи с этими переменами менялись и другие приоритеты, например, теперь уже не СССР должен был служить «мировой революции», соответственно Коминтерну, а Коминтерн должен был служить СССР, превратившись в инструмент внешней политики нового государства. Против ленинской политики — «разделяй, сталкивай и властвуй», Сталин начал совершенно другую — «Созидай и оберегай созданное». СССР в этот период не был ещё ни державой, ни империй, для этого Сталину предстояло ещё много поработать.

В апреле 1925 года прошла 14 партконференция, которая поддержала идею Сталина о возможности построения социализма в одной стране. Сталин пытался для этой цели настроить, мобилизовать всех членов партии. На этой конференции с докладом о восстановлении хозяйства страны выступил главный локомотив этой работы — Ф. Дзержинский. Сталин прокомментировал его выступление: «Рост металлической индустрии есть основа роста всей индустрии вообще и народного хозяйства вообще... Тов. Дзержинский прав, говоря, что наша страна может быть и должна стать металлической». Сталин стал вникать в различные вопросы и аспекты экономики.

Несколько слов стоит сказать в этот период о Феликсе Дзержинском, который уже год (с февраля 1924 г.) занимался наведением порядка

в хозяйстве страны. Русской крови на «железном Феликсе» до этого момента было много, но с 1924 года он выступил созидателем. Этот единомышленник Сталина не создавал новую промышленность или новые формы хозяйствования в деревне, как это позже будет делать Сталин, он занимался первым этапом — восстанавливал разрушенную Гражданской войной «старую» промышленность, запускал стоявшие заводы и фабрики.

После анализа разрушенного большевиками хозяйства страны Дзержинский принял очень правильное решение — чтобы активизировать промышленность, решил в первую очередь запустить паровозные заводы, починить железные дороги и организовать по ним слаженное движение. Это означало, что запускались вслед за паровозными заводами — вагонные, металлические, деревообрабатывающие, железные и угольные рудники, заводы, производящие оборудование для них и т.д. Если проводить историческую аналогию, то мы видим, что для принятия правильного решения Дзержинскому понадобилось не более месяца, а в похожей, но намного более легкой ситуации Гайдару, Чубайсу, Ельцину, Кудрину, Путину и Медведеву не хватило многих лет (более 10-ти). Хотя стоит отметить, что в отличие от последних Сталин и Дзержинский поставили задачу возрождения промышленности, а не жировать на богатствах захваченной страны и выжимать по максимуму из построенного предыдущими властями и поколениями...

Одновременно Дзержинский стал ликвидировать накопленные ленинские и троцкистские негативы — контрабандную торговлю, и в частности, контрабандный вывоз драгоценностей Хаммером, который лишился своего покровителя Ленина и вынужден был начать строить «для отмазки» карандашную фабрику. Дзержинский ликвидировал и местный контрабандистский «оффшор» — Роскомбанк Олафа Ашберга. Здесь было удачное сочетание у Дзержинского двух функций — он мог использовать информацию ОГПУ и его силовой ресурс для пользы экономики.

В период противоборства внутри партии за власть и бесконечных дискуссий такое впечатление, что только Дзержинский и его подчиненные реально занимались созидательным трудом.

Вклад Дзержинского в развитие железнодорожного хозяйства России был очень большим. Понимая огромное значение транспорта, как «кровеносных сосудов» страны, Дзержинский много уделил внимания не только железным дорогам, но и много сделал для развития водного и морского транспорта и пароходства. Под «кипрскими флагами» при нем советские суда не ходили...

Стоит обратить внимание на любопытный многоговорящий факт, — с поста председателя ВЧК или ОГПУ Ф. Дзержинский в отставку

не просился, а с должности председателя ВСНХ, в силу возникших трудностей в работе и в силу непонимания и противодействия красной бюрократии и в борьбе с министром финансов Гришей Бриллиантом-Сокольниковым, железный Феликс в июле 1925 года подал в отставку. Сталин отставку не принял и уговорил Дзержинского работать на этом посту дальше. Ещё один интересный факт — Вячеслав Молотов на запрос Сталина о положении в хозяйстве страны 5 августа 1925 года ответил: «...Твои хозяйственные вопросы задержались ввиду задержавшейся болезни Дзержинского...». Никто из большевикской элиты, кроме Дзержинского, не владел точной информацией о хозяйстве страны.

В этот период (1924-1926 гг.) так сложилось, что Сталин отвечал за «работу» с оппозицией, а Дзержинский занимался хозяйством страны. Благодаря большой созидательной работе Дзержинского в течение года производство стали и проката выросло в СССР на 60-70%, всего было запущено около 400 неработающих, «мертвых» предприятий.

Учитывая печальное состояние экономики страны, следует отметить приятный удивительный факт — Дзержинский, соответственно и Сталин, заказали в 1924 году для обучения советской молодежи на верфях Германии строительство большого учебного парусника «Крузенштерн», который в 1926 году был спущен на воду. Понятно, что подобные удачные начинания Дзержинского и Сталина в экономике очень положительно воспринимались народом и одновременно добавляли негатива врагам созидания в «отдельно взятой стране» — сторонникам «мировой революции», которые злорадно готовились сбросить Сталина с временно захваченной «высоты» на очередном съезде ВКП(б). Поэтому понятно, что сторонники противоположных взглядов — «мировой революции» были заинтересованы в ликвидации этой мощной опоры Сталина.

В плане созидания Дзержинский взял на себя ещё одну функцию — министерства образования и опеки. Поскольку большевиками в Российской империи были убиты пулей или голодом многие миллионы мам и пап, и сосланы в концлагеря, то в СССР в этот период бродили миллионы беспризорных детей, без семей и дома. По утверждению «министра культуры» Луначарского в СССР было 7 миллионов беспризорных детей, а по утверждению Н. Крупской — даже 9 миллионов. Ф. Дзержинский в течение 1924-1925 годов для беспризорных детей организовал 280 коммун и 420 детдомов. Дзержинский объяснял суть, совершенно отличную от идеи "мировой революции", — что представители новой власти должны показать, что они «являются не новой кастой, захватившей власть ради личных интересов, не новой аристократией, а слугами народа». В понимании Бронштейна и прочих гегемонов такие утверждения выглядели если не издевательством, то полной профанаци-

ей. Опять же — если проводить историческую аналогию с современными «рабами на галерах» у еврейских олигархов, то сравнение опять резко не в их пользу.

Заканчивая описание второй, более симпатичной, стороны личности Дзержинского-созидателя, стоит отметить ещё одну его черту, — если Сталин очень подозрительно относился к «старым спецам», и при удобном случае поступал с ними жестоко, то Дзержинский находил с ними общий язык и ко многим относился с доверием и симпатией; М. В. Ходяков в своей книге отметил: «Из всех руководителей ВСНХ, по свидетельству Н. В. Вольского (Валентинова), лично знавшего многих большевистских лидеров, Дзержинский был лучшим. Его ценили даже беспартийные "царские" спецы, говорившие после кончины своего начальника: "Жаль умер Дзержинский. С ним было хорошо работать. Нас, специалистов, он ценил и защищал..."».

В начале 1925 года наблюдалось серьёзное увеличение производства продуктов питания, — крестьян взбодрили реформы нэпа, и эффект этого был очевиден. На фоне предыдущих голодных лет это были радостные изменения. Советую читателям с этого момента внимательно вникнуть в тему крестьянства, потому что это поможет понять весь экспериментальный опыт Сталина в этой теме и почему через 4 года — в 1929 году он пошел на радикальные жестокие реформы.

Проблема голода была решена, и была решена весьма быстро и просто — без всяких инвестиций, власти просто снизили пресс на крестьянство, уровень грабежа и дали немного вольницы — и через два года продовольствия резко прибавилось. Это было также эффектом того, что произошло резкое увеличение посевных площадей, которые не засевались в конце Гражданской войны и в ходе крестьянских восстаний, да и земли убитых казаков стали осваивать. На волне этой эйфории советские экономисты Н.Д. Кондратьев и Н.П. Макаров считали приоритетной задачей максимальное развитие сельского хозяйства, считали его опорным в развитии экономики страны. Потому что в тот период зерно было почти единственным и основным экспортным советским продуктом, за который можно было получить валюту. Н. Бухарин восторженно восклицал: «Всему крестьянству... надо сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство!»

Однако в этой тенденции ортодоксальные марксисты-коммунисты обнаружили негативы: во-первых, буквально за два года крестьянство относительно разбогатело, причём разбогатело и по сравнению с рабочим классом. Естественно, полуголодные пролетарии начали с завистью и раздражением смотреть на крестьян — что ж это получается за пролетарская диктатура? — За что боролись? Кстати, Л. Бронштейн с давних дореволюционных пор считал, что невозможен союз пролета-

риев с несознательным крестьянством, которое необходимо нещадно эксплуатировать, как лошадь или корову.

Во-вторых, идеологи марксизма задумались: крестьянство составляет в России около 80% всего населения — и если это крестьянство будет дальше так обогащаться и идти в сторону буржуазии, то что это за пролетарское коммунистическое государство получится...

В-третьих, в период этого оживления крестьян выявилось их естественное расслоение — после всех раскулачиваний и ограблений с нуля «поднялись» самые трудолюбивые, рукастые, талантливые и смекалистые, а лодыри, горлопаны и пьяницы, естественно, остались на прежнем положении и начинали горлопанить революционные лозунги: необходимо раскулачивать и делиться.

В-четвертых, — рост крестьянского производства естественно привёл к активизации торговли продовольствием, «излишками» — соответственно появилось много торговцев, спекулянтов и типов вроде Оси Бендера (знающего 400 способов, как, не работая, — получить много денег), которые также жили лучше рабочих, стали «франтово» одеваться и всё больше походить на буржуев.

Этот спекулятивный городской капитал, естественно, послужил толчком к появлению различных трактиров и ресторанов... — в которые пролетарий попасть не мог, зато могли себе позволить со своими льготными зарплатами коммунистические партработники, в том числе и чекисты и военачальники, для идейных коммунистов эти новые явления были признаками явного разложения. В результате всего этого получалось, что хороший труд крестьян не вписывался в коммунистическую идею и ей противоречил. Наблюдался забавный парадокс — оказалось много недовольных ростом крестьянского производства, и стали звучать революционные голоса с разных сторон: «Пропеть отходную нэпу!»

Сталину и всей партийной верхушке необходимо было как-то определяться в возникшей ситуации. Сталин же пока наблюдал за дискуссией по крестьянскому вопросу и фиксировал в своём докладе 9 мая 1925 г. ещё одну проблему: «Перевыборы Советов, вскрывшие тот несомненный факт, что в целом ряде районов нашей страны середняк оказался на стороне кулака против бедняка».

Это естественно — что более умные, трудолюбивые и смекалистые крестьяне пользовались авторитетом у односельчан. И эти заслуженные деревенские «авторитеты» прогрессировали — не довольствовались уже жесткими рамками нэпа и не хотели уже жить и работать по обманным ленинским правилам. Эту тенденцию Сталин отметил ещё и осенью 1924 года, на пленуме ЦК РКП(б) в докладе «О задачах партии в деревне» (26 октября 1924 г):

«В чём состоят особенности нынешнего момента с точки зрения положения крестьян? Первая особенность состоит в том, что старый капитал, моральный капитал, приобретенный нами в борьбе за освобождение крестьян от помещика, начинает уже исчерпываться...

Теперь основной вопрос — рынок и цены на городские товары, на сельскохозяйственные продукты. Вот что пишет секретарь Гомельского губкома: "В трех волостях был массовый отказ от принятия окладных листов. Темп поступления по сравнению с тем, каким он должен быть, отстает в три раза. Происходившие беспартийные волостные конференции были настолько бурными, что некоторые пришлось закрыть, а в некоторых была проведена поправка: просить центр снизить налог и повысить цены на хлеб"».

Сталин теперь «разгребал» грабительскую и надувательскую политику Ленина по отношению к крестьянам, всё прекрасно понимал и по поводу ленинских «ножниц цен» говорил: «Дело теперь даже не в налогах, ибо мужик дал бы налог, если бы цены на хлеб были "достаточно высокие" и если бы цены на мануфактуру и на другие городские изделия были "достаточно" снижены... Особенно показательно в этом отношении последнее восстание в Грузии...».

Тогда — осенью 1924 года Сталин не стал менять ленинскую политику — и не менял ни налоги, ни цены на промышленные товары и сельхозпродукцию, а решил улучшить ситуацию просто и дешево — за счет оргмероприятий, Сталин: «Прежде всего необходимо позаботится о том, чтобы создать вокруг партии в деревне многочисленные беспартийные кадры из крестьян, могущие соединить нашу партию с миллионами крестьян». То есть - от профессиональных партийных у крестьян после многолетнего грабежа и кровавых подавлений восстаний была уже злобная отрыжка, и чтобы эту неприязнь уменьшить, Сталин решил создать «промежуток», посредника — «актив из самих крестьян», через которого можно было бы общаться с 80% населения СССР...

Второй рецепт Сталина: «По-моему, для этого необходимо оживить Советы... Почему именно Советы? Потому, во-первых, что Советы есть орган власти, а вовлечение трудового крестьянства в дело управления страной является очередной задачей партии. Потому, во-вторых, что Советы есть орган смычки рабочих и крестьян... Потому, в-третьих, что в советах разрабатывается местный бюджет, а бюджет является животрепещущим вопросом для крестьянства...».

Третий совет Сталина — партийным организациям улучшить свою работу в деревне, убрать «перегибы» и т.п., Сталин: «Оказывается, есть такие коммунисты, которые боятся критики, не хотят вскрывать недостатки нашей работы. Это опасно, товарищи... Ибо одно из двух: либо мы сами будем критиковать себя и дадим беспартийным раскритиковать

нашу работу, — и тогда можно будет надеяться, что наша работа в деревне двинется вперед; либо мы такой критики не допустим, — тогда нас будут критиковать события, вроде восстаний в Кронштадте, в Тамбове, в Грузии...».

Этот комплекс советов, рекомендаций Сталина оказался неэффективным, далеко недостаточным, можно даже утверждать — ошибочным, ибо, хотя и не было повторения «Тамбова», но к осени 1925 года проблемы с крестьянством усугубились, — несмотря на дальнейшее увеличение посевных площадей и урожайности, план продзаготовок был сорван, и чтобы избежать в городах голода, пришлось вводить «режим экономии».

Самый большой умник в окружении Ленина и Сталина в вопросах экономики — Л. Б. Красин по этому поводу 30 октября 1925 года писал в письме жене: «В августе наши испугались слишком большого урожая и, предвидя падение цен и ведя мужиколюбивую политику, дали директиву Внуторгу платить высокие цены при заготовках. На придачу совершили ещё ряд глупостей. Результат: мужик поднял цены, хлеба на рынок не везет, экспорт делается убыточным, а, не имея хлеба для экспорта, нам нечем расплачиваться с заграницей за закупленные товары».

Как видим, — когда Сталин решился перейти с ленинской мужиконенавистнической политики к мужиколюбивой и поднял закупочные цены на зерно, то проблем меньше не стало... Похоже, Сталину легче было победить Бронштейна, чем разобраться правильно с проблемами крестьянства.

Раздумывая над этими проблемами, в поисках выхода русский ученый Чаянов издал книгу «Организация крестьянского хозяйства», в которой предложил реформировать крестьянство, переорганизовать его — собрать для труда в организации, для коллективного труда — в совхозы. Но чтобы принять это решение Сталину понадобилось ещё несколько лет. А пока вопрос о проблемах с крестьянством «завис».

В 1925 году в СССР произошло несколько знаковых убийств. Из 14 арестованных в 1924 году «за разговоры» русских поэтов и писателей (А. Ганин, В. Галанов, Б. Глубоковский, А. Потехин, братья Чекрыгины и др.) — 12 арестованных в марте 1925 года были расстреляны. А они ведь никого не убили, не проводили теракты, не покушались на переворот или захват власти, а всего-то по молодости и глупости обсуждали совершенно утопическую идею созыва всенародного Великого Земского Собора, на котором народ должен был бы решить дальнейший путь России.

Я вынужден огорчить фанатичных сторонников Сталина, — в этом случае вся ответственность за убийство этих 12 талантливых русских людей и доведение остальных двух до сумасшествия лежит на «истинно

русском» Сталине и на Дзержинском, теперь они уже правили страной и за всё отвечали. В крайнем случае, достаточно было этих молодых людей отправить на пару лет «на перевоспитание» в ленинский концлагерь. Ведь когда по делу покушения на Ленина приговорили в августе 1922 года к смертной казни двенадцать еврейских террористов-бундовцев во главе с А. Р. Гоцем и М. Я. Гендельманом, то этот приговор не привели в исполнение, и более того — в 1924 году всех их амнистировали и отпустили на свободу...

Многие исследователи истории и я в предыдущей книге убедительно аргументированно доказали, что великого русского поэта Сергея Есенина умышленно убили, и это убийство имело идеологическую и политическую основу. Убийство 27 декабря 1925 года Сергея Есенина также легло на совесть и ответственность Сталина и Дзержинского, эти «великорусские шовинисты» могли и должны были вмешаться в судьбу великого русского поэта и спасти ему жизнь, дать ему ещё пожить и порадовать народ своим великолепным талантом. Сталин и Дзержинский одной рукой боролись с Бронштейном и его единомышленниками, а другой дружески обнимали Розенфельда-Каменева, Апфельбаума-Зиновьева, Лазаря Кагановича и ещё много тысяч подобных кровавых комиссаров и боролись с малейшими проявлениями русского патриотизма, с русскими патриотами. Получилась эдакая оккупационная политика, отвергающая еврейских радикалов, борющихся за власть.

В 1925 году М. Булгаков начал писать своё знаменитое «Собачье сердце» о пришедшем к власти хаме Швондере, нагло влезающем по-хозяйски в любую квартиру, и о глупом Шарикове, который, превратившись из собаки в человека и наслушавшись пропаганды Швондера, сразу стал его единомышленником и соратником и первым делом начал качать «права человека», — это был сильный укор многим русским. Этот социалистический реализм очень не понравился властям, и в ночь на 7 мая 1926 года Булгакова арестовали. Но, в отличие от Гумилева, Ганина или Есенина, его не убили — на этот раз и затем ещё много раз за него вступился Сталин.

До прихода к власти Сталина всё было ясно — оккупация Российской империи еврейскими террористами и обманутыми ими «попутчиками», но приход к власти Сталина сильно смазал, запутал эту четкую черную картину. — Власть как всегда выглядела в виде пирамиды, на самой верхушке которой теперь находился нерусский, нацмен Сталин, а многочисленные нижние этажи власти находились в руках нескольких миллионов евреев и определенной части русских марксистов. Вроде теперь эту власть уже невозможно было назвать «Центрожидом», однако...

Доверенными лицами у Сталина — секретарями были два еврея — Лев Мехлис и Борис Бажанов, а третий секретарь — русский А. Поскре-

бышев был женат на родственнице Троцкого, а сам Сталин был женат два раза на еврейках, а другом и ближайшим помощником у него был Лазарь Каганович. Вот это запутанное полуеврейское переплетение, эта разношерстная смесь марксистов-ленинцев во главе со Сталиным, русскими, лидерами различных нацменьшинств и с огромным преобладанием во власти евреев властвовала в СССР до Второй мировой войны.

Убийство кровавого террориста, бывшего их попутчика, Бориса Савинкова также на ответственности Сталина и Дзержинского, но в данном случае смерть этого убийцы меня не огорчает. Борис Савинков из тюрьмы в письме Дзержинскому 7 мая 1925 года, бравируя, писал: «...либо расстреляйте, либо дайте возможность работать; я был против вас, теперь я с вами...». Не расстреляли, но и больше действовать не дали. Дмитрий Жуков в своей книге «Таинственные встречи» (1992 г.) отметил:

«В 1937 году, умирая в колымском лагере, бывший чекист Артур Шрюбель рассказал кому-то из окружающих, что он был в числе тех четырёх, кто выбросил Савинкова из окна пятого этажа в лубянский двор... Этот слух я передал в 1967 М. П. Якубовичу, и тот с сохранившейся ещё молодой оживлённостью воскликнул: "Верю! Сходится! А я-то Блюмкину не верил, думал, что хвастает"».

Оказалось, что решили убрать опасного свидетеля заговора и масонского посланника с Запада оригинальным способом, а давний подчиненный и друг Бронштейна Яков Блюмкин получил задание сдружиться с Савинковым, чтобы узнать от него всё по-максимуму и хорошо узнать его самого, чтобы после убийства написать от его имени предсмертное письмо в «стиле Савинкова».

Летом 1925 года Бронштейн лишился ещё одного своего друга и помощника — Эфроима Склянского, который был в загранкомандировке в составе работников «Амторга» в США, и, будучи у своих друзей на даче, он на озере Лонг-Лейк катался на лодке, рядом с которой вдруг образовался огромный водоворот, утянувший в глубины лодку с пассажирами. Рок продолжал преследовать Бронштейна и его друзей. Выступая в клубе по поводу смерти Склянского, Троцкий заметил: «Выйдя невредимым из Октябрьской революции, он погиб на мирной прогулке. Такова предательская игра судьбы».

Затем произошла история со смертью М. Фрунзе. При этом большая армия современных исследователей истории, особенно либерально-демократических взглядов, с каким-то невероятным упорством без единого(!) доказательного аргумента пытается убедить наших граждан, что это Сталин организовал убийство Фрунзе — потому что стремился к единоличной власти и полному контролю над армией. Эти наглые лгуны совершенно «забывают», что, во-первых, после снятия Бронштейна с поста военкома в январе 1925 года Сталин уже тогда мог занять этот

пост и этим полностью подчинить себе армию, ибо именно тогда Зиновьев и Каменев его настойчиво уговаривали это сделать, но отказался.

Во-вторых, упорно «забывают», что М. Фрунзе, как это подчеркивал в своих воспоминаниях В. Молотов, был твердым сторонником Сталина, поэтому-то Сталин и пригласил Фрунзе и доверил этому своему надежному человеку такую большую силу — Красную армию, после чего Сталин был спокоен за армию и полностью её контролировал. Другой вопрос — что Бронштейн и его сторонники не соглашались с потерей этой огромной силы. Тогда было всего две реальных силы: Красная армия и ОГПУ, — какая из них была сильнее? — За какую из этих сил стоило побороться? — И в борьбе за какую силу было больше шансов победить? — Эти вопросы являются скорее риторическими, потому слишком очевидны на них ответы. Да и что мешало Сталину в случае недовольства решением Политбюро сместить Фрунзе, — как сместили Бронштейна?..

«В книге израильского автора Арона Абрамовича "В решающей войне" (1982) с беспрецедентной документальной точностью показано, что сформированный Троцким за годы Гражданской войны командный состав РККА едва ли не на все 100% состоял из его соплеменников и идеологических сторонников. Стоит ли после этого удивляться тому, что уже летом — в начале осени 1925 года Фрунзе "удалось" трижды попасть в автомобильные катастрофы, вследствии чего он получил ушибы рук, ног и головы. Причем в третий раз — так и вовсе выпал из машины, в результате чего у него вновь открылось кровотечение язвы желудка. Летом того же года Фрунзе стал настойчиво добиваться назначения себе ещё одного заместителя — Григория Котовского...» — отметил в своём исследовании (книге) А. Мартиросян.

И Фрунзе добился, — Котовского назначили его заместителем, помощником. Но когда Котовский, получив новое высокое назначение в Москву, не спеша, даже вальяжно собирался покинуть берег Черного моря, его поздним вечером 6 августа 1925 года несколькими выстрелами убил приехавший в станицу его подчиненный — начальник охраны сахарного завода. Причем убийца, как религиозный фанатик, даже не пытался скрыться и сразу сознался. Убийство выглядело демонстративным.

Имя убийцы Григория Котовского — Мейера Зайдера по кличке «Майорчик» историки узнали только после развала СССР в 1992 году, когда были вскрыты секретные архивы. Интересно, что не скрывавший своё преступление Зайдер в ходе следствия несколько раз кардинально менял объяснения по поводу убийства, мотива. Вначале, кстати, как и в случае с Кировым, была выдвинута банальная ревность, хотя к этому времени Котовский был хороший семьянин и очень любил своего ребенка.

Далее происходили довольно странные события: Зайдера не расстреляли, хотя в то время за банальный грабеж расстреливали, затем суд осудил его за убийство легендарного командира всего на 10 лет, а будучи в тюрьме уже на второй год Зайдер возглавил тюремный клуб и получил право свободного выхода к гражданским, а вместо 10 лет отсидел всего 2 года и был освобожден... Здесь везде была рука Сталина? Все эти странности можно понять, если вспомнить исследования А. Солженицына — кто руководил тогда местами заключения, и что в судах тогда правил «правосудие» отец Джо Сороса и ему подобные сочувствующие одесскому «герою» Зандеру.

Чтобы какой-либо еврейский террорист открыто застрелил Фрунзе, как например Г. И. Котовского или П. А. Столыпина — это было уже точно опасно — с большими последствиями, поэтому Фрунзе убрали древним и самым тихим способом аптекарей и врачей. Зная состояние его здоровья, достаточно было передозировать наркоз во время операции, скорее всего это и произошло 31 октября 1925 года во время хирургической операции.

Родственница М. Тухачевского Л. А. Норд писала в своих мемуарах, что Тухачевский при ней говорил в 1925 году: «...Никто из военного руководства, кроме Фрунзе, не жил и не живет так армией, как живу я. Никто так ясно не представляет себе её будущую структуру, численность и ту ступень, на которую армия должна стать... Поэтому теперь мне надо добиваться того, чтобы стать во главе руководства армией...». Но на место Фрунзе поставили Ворошилова, а бывший любимчик и подчиненный Бронштейна и один из руководителей в 30-х заговора троцкистов М. Тухачевский в ноябре 1925 года был назначен начальником Генштаба, оказался вторым в военной иерархии, немного не дотянул, но это «немного» много значило. Напомню, — Бронштейн-Троцкий в начале 1924 года простил Тухачевскому отказ от военного путча в конце 1923 года и 1 апреля 1924 года назначил его на высокую должность — помощником начальника Штаба РККА. Теперь амбициозный Тухачевский метил возглавить армию.

Смерть Фрунзе троцкисты решили использовать против Сталина по-максимуму — в этом же 1925 году некто прирожденный комиссар Пильняк срочно начал писать повесть на тему смерти Фрунзе, которая в следующем году была опубликована — «Повесть непогашенной луны», в которой запросто обвинил Сталина в убийстве Фрунзе и сам срочно «пильнул» из СССР. Политбюро 13 мая 1926 года даже устроило обсуждение «творчества» Пильняка. Получилось три в одном: террористическая, идеологическая и политическая диверсии против Сталина; «кто-то» усердно пытался доказать, что не глупее Сталина и что борьба не закончена.

В этот период на работе в ВСНХ Троцкий никакими гениальными решениями или эффективными действиями не выделился. Относительно «нейтральный» «старый» спец Л. Б. Красин 6 октября 1925 года писал в письме жене о Троцком: «...Путается сейчас самым невозможным и позорным образом и лишний раз подтверждает для меня лично давно очевидную неспособность свою разбираться как следует в хозяйственных вопросах...

Сталин был очень внимателен, и, несомненно, благодаря его директивам (после моего подробного доклада) мы убереглись от слишком большой ломки и разрушительных перестроек».

Сталин со своими сторонниками и «старыми» спецами анализировали различные варианты — пытались выработать стратегию, тактику и план развития страны. Но вскоре этот процесс прервался, ибо неожиданно появилась новая оппозиция, которая нанесла мощный удар по Сталину. Сталин был вынужден защищаться, вопрос борьбы за власть в СССР опять встал для него на первое место, стал приоритетным.

В сентябре 1925 года вышла книга Зиновьева «Ленинизм», и ничего не предвещало смены его позиции, никаких признаков недовольства он не проявлял. По логике — Розенфельд-Каменев и Апфельбаум-Зиновьев должны были быть довольны своим положением — они и их родственники в прямом смысле барствовали и пановали, роскошествовали в полной мере, их народ никто не обижал — он продолжал в СССР наслаждаться жизнью, победой и властью, также гегемонил и пановал; амбиции и самолюбие обоих старых ленинцев также было удовлетворено — «рулили» на международном уровне Коминтерном, господствовали над двумя столицами и находились в верхушке управления государством. Сталин их не обижал. Поднимать индустрию и сельское хозяйство они не рвались.

Но кто-то, примерно, в период смерти Фрунзе, быстро убедил Каменева и Зиновьева радикально поменять свою политическую позицию, или они сами осознали последствия поражения Бронштейна, и начавшиеся при Сталине тенденции и процессы, которые их не устраивали. «Первая ласточка» проявилась в ноябре 1925 года — Зиновьев и Каменев на квартире старого большевика Петровского провели «закрытое» неформальное совещание, на котором продвигали идею замены на посту генерального секретаря Сталина Дзержинским, но присутствующий там Орджоникидзе резко выступил против этой идеи. А идея была коварная — попытаться столкнуть Дзержинского со Сталиным по ленинскому принципу «разделяй-сталкивай и властвуй».

Затем, как потом оказалось, эти два брата-перевертыша не афишируя, в глубокой конспирации перешли в лагерь сторонников Бронштейна и стали готовить неожиданный удар «в спину» Сталину на ближайшем — 14 съезде компартии, запланированном на 18-31 декабря 1925 года.

На этом съезде Сталин озвучил свою любимую идею — исходя из того, что СССР «имеет все необходимое для построения полного социалистического общества... — мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке. Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как её подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица...».

Согласитесь - озвученная выше идея Сталина не просто очень актуальна для России и сегодня — в начале 21 века, а—болезненно актуальна, ибо с начала 90-х годов 20-го века правящая демократическая элита превратила Россию в сырьевой придаток мировой капиталистической системы.

Делегаты 14 съезда поддержали эту позицию Сталина и его курс: «держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образования резервов для экономического маневрирования».

Но этот съезд не получился скучным — «хозяйственным», ибо, как оказалось, Розенфельду-Каменеву и Апфельбауму-Зиновьеву было не до этого. Зиновьев заявил, что в рамках внутрипартийной демократии ему необходим в Ленинграде свой печатный орган — журнал «Большевик». Сталин, скорее всего, был готов к их предательству и поступил осторожно: «...Вопрос, поставленный Зиновьевым, об организации в Ленинграде специального журнала под названием "Большевик" с редакцией в составе Зиновьева, Сафарова, Бардина, Саркиса и Тарханова. Мы не согласились с этим, заявив, что такой журнал, параллельный московскому "Большевику", неминуемо превратится в орган группы, во фракционный орган оппозиции...».

На съезде началась горячая дискуссия, в ходе которой сторонники Каменева и Зиновьева — Моисей Лашевич и Бриллиант-Сокольников предложили реформировать секретариат, который узурпировал слишком много власти, а в конце съезда Каменев озвучил главный свой замысел — необходимо снять с поста генерального секретаря Сталина, потому что «...товарищ Сталин не может выполнять роль объединителя большевикского штаба... Мы против единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя». На их стороне выступила и «тяжелая артиллерия» — Н. Крупская. И, казалось бы — новым недругам Сталина хватает сил чтобы снять Сталина, но неожиданно резко и дружно в защиту Сталина выступили делегаты съезда, и последние фразы на эту тему Каменева утонули в многочисленных громких криках с мест: «Неверно! Чепуха! Раскрыли карты! Мы не дадим вам командных высот». И это

не был результат аппаратных игр Сталина, как многие уверяют, и на съезде не кричали «подсадные утки» — поскольку Сталина поддержали партийные делегаты с разных городов СССР.

Видя такую дружную поддержку делегатов съезда, Сталин вначале обезоружил недругов своей прямотой: «Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич — третье, Сокольников — четвертое. Но, несмотря на разногласие, все они сходились на одном... Их платформа — это реформа Секретариата ЦК... Это странно и смешно, но это факт». А затем в очередной раз Сталин расчетливо сыграл на публику: «Если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума и дискуссии...». И очередной раз расчувствовавшиеся делегаты съезда дружно отбросили эту идею. Сталин уже не первый раз успешно на съездах и пленумах публично отказывался от роли лидера, вождя, — и все его дружно упрашивали не уходить, не покидать несчастных «сирот» — этот прием давно был опробован в российской истории царем Иваном Грозным и Б. Годуновым, который укреплял положение лидера, придавал ему ещё большую легитимность и главное, — расширял права. Как Сталин с гордостью утверждал — он хорошо знал историю России...

В конце 14 съезда делегаты осудили инициативы «новой оппозиции», а Сталин ввёл в состав новых членов: Политбюро: Молотова, Калинина и Ворошилова, поскольку в Политбюро были Каменев и Зиновьев. Пожалуй, теперь, в борьбе против прогнозируемого «еврейского триумвирата», — в подборе и выдвижении своих сторонников национальность для Сталина имела немаловажное значение.

В самом конце съезда Сталин сделал красивый примирительный жест: «Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (аплодисменты), глупо об этом говорить». И пригрозил оппозиции кнутом: «Партия хочет единства, и она добьется его вместе с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них — если они этого не захотят». И Сталина дружно поддержали депутаты съезда. На этом съезде отчетливо на стороне Сталина выступил Н. Бухарин. И Сталин после съезда поддержал Бухарина во всех его инициативах; в результате чего в 1926 году сильно повысился авторитет и статус Бухарина в партии и стране.

После 14 съезда Зиновьев написал ещё две идеологические работы — «О большевизации» и «Философия эпохи». В этот период Сталин не был таким жестким, каким стал в 30-х. Сталин не был против публикации работ Зиновьева и более того — он создал бюллетень «Сборник материалов по спорным вопросам», в котором всевозможные оппозиционеры могли опубликовать свои мнения, взгляды и работы. И далее мы увидим — как до 1934 г. (в течение 10-ти лет) Сталин будет мягко возиться со своими упертыми партийными врагами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1926 год. Новая оппозиция. Антисемитизм против оппозиции и Сталин против антисемитизма

1 января 1926 года Пленум ЦК вновь избрал Сталина в Политбюро и Оргбюро, одновременно продлив его полномочия делегата в исполком Коминтерна. Состав Политбюро увеличили в пользу Сталина до девяти членов, добавили сторонников Сталина — Молотова, Ворошилова и «нейтрального» Калинина. Вроде всё шло хорошо и Сталин с Дзержинским и соратниками могли, особо не отвлекаясь на оппозицию, дальше работать над восстановлением разрушенной страны, но не тут-то было — с первых чисел января 1926 года смело и решительно стала действовать новая оппозиция. Прибыв после 14 съезда в свою вотчину — в Ленинград, Апфельбаум-Зиновьев настроил своё окружение против Сталина, в том числе и партийную молодежь, комсомольцев и фактически в «колыбели всех революций» поднял бунт. «Ленинградская правда» в передовой статье призвала к неподчинению решениям 14 съезда.

Увидев появление новой оппозиции и её активность, взбодрилась и старая оппозиция, в своей книге «Моя жизнь» Троцкий отметил: «В течение 1926 года партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью... В различных районах Москвы и Ленинграда были созваны тайные собрания при участии рабочих и студентов обоего пола, проходивших группами от двадцати до ста и двухсот человек...».

Что оставалось делать Сталину, как усмирить бунт на партийном корабле и нормализовать ситуацию в Ленинграде? Апеллировать к ленинградским коммунистам и комсомольцам он не мог, оставалось попробовать противопоставить им ленинградских рабочих и, в крайнем случае, — армию... И в Ленинград 5 января 1926 года срочно прибыли для агитации рядовых заводских коммунистов Киров, Микоян, Орджоникидзе, и с вокзала они сразу направились на крупные ленинградские заводы с разъяснениями, стали готовить рабочих, «голос народа» к перевыборам их регионального лидера.

Сталин не брезговал воздействовать на «массы» откровенным популизмом, например: «Правильно выражать то, что народ сознает, — это именно и есть то необходимое условие, которое обеспечивает за партией почетную роль основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата», или — Сталин: «Нельзя не вспомнить золотых слов Ленина, сказанных им на 11 съезде нашей партии: в народной массе мы (коммунисты) все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем, что народ сознает»...

Все усилия не пропали даром — партийную верхушку в Ленинграде «почистили», Апфельбаума-Зиновьева сняли со всех постов, а на его место поставили во главе Ленинграда — Сергея Кирова. 11 января 1926 года сняли и Каменева с постов в СТО и СНК, и поставили на пост наркома внешней и внутренней торговли СССР. С поста финансов сняли Бриллианта-Сокольникова, и вместо него назначили Н. П. Брюханова.

Неудивительно, что обиженная на Сталина «новая оппозиция», также подчеркнуто назвавшая себя — «ленинцы», обвинила Сталина во многих «грехах»: в пособничестве кулачеству, в назначенстве, в дифференциации зарплаты рабочим и в привилегиях партработникам, обвиняли Сталина в торможении ленинского нэпа и, следовательно, — в слабом развитии среднего класса — мелкой буржуазии, вспомнили даже старый добрый трюк Ленина по национальному вопросу и обвинили Сталина в притеснении коммунистов в национальных республиках — «бюрократический режим пытается парализовать это стремление посредством запугивания местным национализмом... отстраняя национальных работников, как коммунистов второго разряда», и соответственно, как и до революции, захвата, — оппозиционеры требовали всеобщего равенства, братства, свободы и демократии.

И неудивительно, вполне естественно, что одинаковая Беда соединила обиженных на Сталина и потерявших власть, — и весной 1926 года «новая» и «старая» оппозиция слились в борьбе со Сталиным в единый еврейский триумвират. В принципе они могли слиться ещё в декабре 1925 года, но выдержали тактичную политесную паузу. В любом случае Розенфельд-Каменев и Апфельбаум-Зиновьев довольно поздно осознали свою стратегическую ошибку, о чём даже публично признались. «На июльском Пленуме 1926 года Зиновьев заявил, что его борьба против меня была самой большой ошибкой его жизни, «более опасной, чем ошибка 1917 года». Орджоникидзе не без основания крикнул ему со своей скамьи: «Что же вы морочили голову всей

партии?» На эту тяжеловесную реплику Зиновьев официального ответа не нашел», — вспоминал Троцкий в своей работе «Завещание Ленина» (1932 г.).

А большой минус этих двух «братов-акробатов» — ошибку 1917 года использовала то одна, то другая сторона. «В 1925 году Сталин взял под защиту Зиновьева и Каменева против моей критики их поведения в 1917 году», — вспоминал Бронштейн в своих мемуарах. Теперь эту критику эффективно применял и Сталин. Как и раньше и с новой оппозицией Сталин талантливо «фехтовал», остро ловил на противоречиях, например, Сталин:

«"Тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии... Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно — нашу молодёжь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода разъяснений о неправильности позиций тов. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого, — это должно быть очередной задачей пашей партии" (см. Каменев, «Партия и троцкизм», сборник «За ленинизм», стр. 84—86). — цитировал Каменева Сталин. —

Хватит ли у Каменева смелости повторить теперь эти слова? Если он готов их повторить, почему он находится теперь в блоке с Троцким? Если он не решается их повторить, то не ясно ли, что Каменев отошёл от своих старых позиций и перешёл на сторону троцкизма?

Зиновьев писал о троцкизме в 1925 году: "Последнее выступление тов. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, как уже довольно открытая попытка ревизии или даже прямой ликвидации — основ ленинизма. Пройдёт самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу» (см. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», сборник «За ленинизм», стр. 120). Сравните эту цитату Зиновьева с заявлением Каменева в своей речи: "Мы с Троцким потому, что он не ревизует основных идей Ленина", — и вы поймёте всю глубину падения Каменева и Зиновьева».

В этой борьбе Сталин показал себя и как более искусный оратор, например, Сталин:

«Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата... Как обстоит дело на этот счёт у Зиновьева?.. Достаточно взять хотя бы следующее место книги Зиновьева "Ленинизм", чтобы убедиться в этом: "Что такое, — говорит Зиновьев, — существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания? Это диктатура пролетариата. Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса? Коммунистическая партия! В этом смысле у нас диктатура партии"... Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывает:

а) беспартийным массам: не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия всё может, ибо у нас диктатура партии.

б) партийным кадрам: действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можете и не прислушиваться к голосу беспартийных масс...

в) партийным верхам: можно позволить себе роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а значит и диктатура вождей».

Как видим — хотя Зиновьев сказал матку-правду, но Сталин ловко всё перевернул против Зиновьева и прочих оппозиционеров и оказался перед «массами» более убедительным оратором, победителем.

Понятно, что в этом длинном списке обвинений нашлось и уже классическое обвинение — Сталин нечестно использует и даже умышленно разжигает в народе антиеврейские настроения — антисемитизм. И в самом деле — в 1926 году «параллельно» с бунтом оппозиции произошла в «массах» сильная вспышка антиеврейских настроений, недовольства, которая объективно помогла Сталину справиться с новой оппозицией, была благоприятным фоном. В первую очередь наблюдавшие за внутрипартийной борьбой «наверху» за власть русские партийцы из «сталинского призыва» определили эту борьбу как межнациональную и стали это объяснять «массам», и все вместе сочувственно «болели» за Сталина, создав этим для него благоприятный общественный фон.

Бронштейн-Троцкий об этом периоде в своей статье «Термидор и антисемитизм»(1937 г.) вспоминал: «...Многие агитаторы прямо говорили: "Бунтуют жиды"». И в этой же статье он этим антисемитским фактором оправдывал своё поражение:

«"Не забывайте, что руководители оппозиции — евреи", — вот настоящий смысл слов Сталина, опубликованных во всех газетах».

В общем, Сталину в 1926 году было нелегко: с одной стороны — внизу, в массах прогрессировали антиеврейские настроения, а рядом торжествующие гегемоны со своими планами, претензиями и обвинениями.

Тогда, в 1926 г., Троцкий вопрос о возросшем антисемитизме поднял даже на Политбюро. Сталин в ответ якобы стал успокаивать «массы» — опубликовал заявление, что ЦК борется против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому что оппозиционеры.

Хорошим доказательством отсутствия антисемитских настроений у Сталина и наличия у него симпатий к евреям было его благожелательное отношение к строительству Израиля в Крыму. Интересно отметить, что, ещё не построив в Крыму Израиль, — лидеры сионизма очередной раз успешно расширяли его территорию. «11 февраля (1926 г.) была создана комиссия под председательством Калинина, по предоставле-

нию которого 18 марта Политбюро приняло постановление, ключевое положение которого гласило: "1. Держать курс на возможность организации автономной еврейской единицы при благоприятных результатах переселения".

В последующих пунктах говорилось о передаче евреям для сельскохозяйственного использования свободных земель в Джанкойском районе и Евпаторийском уезде Крыма и Приазовских плавней между Кубанью и Азовским морем, а также изыскания для этих целей подходящих территорий на Алтае и Северном Кавказе (в Новороссийском округе)...

30 июля (1926 г.) был принят закон, переводивший северокрымские земельные угодья в фонд Всероссийского переселенческого комитета...» — отметил в своей книге Г. Костырченко.

Эта исключительная привилегия одному «избранному» народу являлась также поводом для антисемитских настроений не только среди «масс», но и среди партийцев.

В это время в СССР хорошо жилось не только сионистам, евреям у власти и евреям-нэпманам, но и даже путешествующим по планете евреям. Например, славный еврейский поэт Перец Давидович Маркиш в этот период пытался издать свои стихи в Риме, Варшаве, Берлине и в других свободных от антисемитизма городах и странах — и никто и нигде не хотел издавать его стихи на идише. Но Маркиш был ещё тот Перец, смекнул и приехал в 1926 году в СССР к Сталину — и за государственные деньги издал в СССР на своём идиш всё что хотел, понятно — это же не Ганин и не Гумилев... Захваченная и оккупированная Российская империя, а теперь СССР, — было для многих евреев самым благоприятным местом жизни. Наплыв евреев в столицы: в Москву, Ленинград и Одессу в те времена был даже намного большим, чем после «перестройки» и расстрела здания Думы — после 1993 года, и даже после 2008 года — после снятия виз для переезжающих из Израиля в Россию.

В марте 1926 года Троцкий писал Бухарину: «Мыслимое ли это дело, чтобы в нашей партии, в Москве, в рабочих коллективах, безнаказанно велась злостная антисемитская пропаганда?» И это на фоне обширных мероприятий — разъяснительных лекций, семинаров по толерантности, которые уже не первый год проводили Лурье-Ларин и Губельман-Ярославский.

В то время даже стократ запуганные остатки русской интеллигенции осмелились возмущаться, например, в 1926 году на митинге по еврейскому вопросу в Московской консерватории (!) выступил профессор Ю. В. Ключников: «Уже Февральская революция (1917) установила равноправие всех граждан России, в том числе и евреев... Создалось определённое несоответствие между количественным составом (евреев)

в Союзе и теми местами, которые в городах временно евреи заняли... Мы здесь в своём городе, а к нам приезжают и стесняют нас. Когда русские видят, как русские же женщины, старики и дети мёрзнут по 9-11 часов на улице, мокнут под дождём над лотком Моссельпрома, и когда они видят эти сравнительно тёплые (крытые еврейские) ларьки с хлебом и колбасой, у них появляется ощущение недовольства.

Страшно нарушена пропорция и в государственном строительстве и в практической жизни в других областях. Если бы в Москве не было бы жилищного кризиса — масса людей теснится в помещении, где нельзя совершенно жить, и в то же время вы видите, как люди приезжают из других частей страны и занимают жилую площадь. Это приезжие евреи... Растёт национальное недовольство и национальная сторожкость, настороженность других наций».

Знаменитый профессор В. И. Вернадский в 1927 г. писал в письме: «Москва — местами Бердичев; сила еврейства ужасающа — а антисемитизм (и в коммунистических кругах. — В.) растёт неудержимо».

Это недовольство зафиксировал в своей книге и Г. Костырченко: «Недовольство "еврейским засильем" в ключевых общественно-политических институциях страны широко распространилось не только в социальных низах, но и в определенных (прежде всего «почвеннических») кругах старой интеллектуально-культурной элиты, ратовавшей за "сохранение национального лица России"».

Интересно обратить внимание — какое вычурное объяснение дал современный страстный юдофил Г. Костырченко антисемитизму того периода в "социальных низах":

«Проявлялось это и в открытой форме, когда из темных и невежественных слоев народа (к 1930 году в стране насчитывалось ещё около 30% неграмотных, о чем доложил Сталин на 16 съезде партии. — Г. К.), ещё далеко не вышедший из-под остаточного влияния дореволюционной черносотенной пропаганды, неслись такие вот призывы: "Бить коммунистов и жидов, доведших страну до гибели", "Даёшь войну, вырежем евреев, а потом очередь за коммунистами"».

Понятно — почему в последние годы Г. Костырченко получил так много наград от различных еврейских организаций. Он эти награды точно не получил бы, и если бы сказал правду: что в отличие от сегодняшнего «забытого» и специально деформированного восприятия того исторического периода, тогда, и в 1926 году, большинство народа воспринимало советскую власть — как еврейскую оккупационную власть, это были синонимы. И ненавидел народ эту власть не потому, что был «природным» антисемитом, а потому, что находился в оккупации под этой властью, погибло много миллионов людей от этой власти, и жилось при этой власти крайне тревожно, опасно и неблагополучно.

С этой откровенно обманной позиции Г. Костырченко, конечно же, не объяснить — почему в России не только «неграмотные социальные низы», но и самые умные люди были антисемитами. Мне придется повторить фрагмент предисловия к одной из моих книг, — бесстыжую ложь Г. Костырченко опровергает израильский историк Яков Рабинович в своей книге «Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну» (М., 2006 г.):

«Следует отметить, что среди русской — и не только русской — интеллигенции антисемитизм не является исключительным явлением. К примеру, великолепный писатель и тонкий психолог Ф. Достоевский грешил, и изрядно грешил антисемитизмом. И. Гончаров, И. Аксаков и многие писатели, деятели искусства тоже были антисемитами...

Многие евреи думают, что антисемит в любом смысле слова — это обязательно дебил, бездарность, неуч или завистник. В общем, негодяй и дерьмо. Но, вникнув в суть вопроса, на основании жизненного опыта я с огорчением понял, что это не всегда так. Нередко недолюбливали евреев вполне уважаемые, талантливые и честные люди. Когда я узнал, что антисемитом был и Чехов, то испытал шок. И я понял, что стоит подумать о причинах этого печального явления. О некоторых из них, например о Владимире Дале, Гоголе, Достоевском, широко известно. О других — о Чехове, Блоке, Белом, Куприне, Флоренском, Булгакове, Лосеве, Шукшине — известно в меньшей степени...».

И к этому списку выдающихся мыслителей-антисемитов можно ещё добавить — М. Лермонтова («Разбойники»), Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, И. Гончарова, Г. Державина, И. Тургенева (повесть-притча «Жид»), В. Розанова, А. Блока, С. Есенина, знаменитых историков Костомарова, Ключевского и Соловьёва, и даже критика Белинского, при этом можно изложить и длинный список выдающихся западных мыслителей- антисемитов...

Впрочем, как мы наблюдали выше — Г. Костырченко сам себе противоречит в различных частях своей книги, указывая, что антисемитизм не был только результатом дремучей неграмотности, но и проявлялся в «"почвеннических" кругах старой интеллектуально-культурной элиты».

Когда Бронштейн-Троцкий возмутился перед Бухариным, что «в нашей партии, в Москве, в рабочих коллективах, безнаказанно ведется злостная антисемитская пропаганда», то впечатленный и возмущенный «Балаболка», «душа коммунистической партии» первым делом яростно набросился на убитого недавно Сергея Есенина, утверждая про этого «черносотенца» — это возврат к черносотенному Тютчеву. «Слюнявенький Н. Бухарин, напечатав в "Правде" свои "Злые заметки", переняв у Безымянского термин "есенинщина", развил целую теорию. На его взгляд, "есенинщина" есть не что иное, как упорное воспевание

затхлой российской старины ("темноты, мордобоя, пьянства и хулиганства, ладанок и иконок, свечек и лампадок"), губительное для новой литературы... — с горечью отметил в своей книге историк Н. Кузьмин, — ...человечишко ничтожный и невеликого ума, Бухарин связал "есенинщину" с "русским фашизмом" (вспомните установку Эренбурга) и директивно заявил: "Для нас обязательна борьба против поднявшего голову антисемитизма"».

Об этом русском выродке можно сказать словами «черносотенца» А. С. Пушкина — Ай да Бухарин...

Шум по поводу повсеместно распространившегося антисемитизма в СССР был поднят настолько большой, что Сталин был вынужден обратить на это внимание и подключить на борьбу с антисемитизмом «тяжелую артиллерию» — Лазаря Кагановича с его Агитпромом, Г. Костырченко:

«26 августа 1926 года в Агитпроме ЦК состоялось специальное совещание, обсудившее меры борьбы с антисемитизмом прежде всего в рядах ВКП(б), которую вследствие начавшегося с 1924 года массового наплыва в её ряды льнущей к власти молодежи мещанско-крестьянского происхождения (так называемый «ленинский призыв». — Г. К.) достаточно серьёзно поразил этот социальный недуг.

Выступивший на совещании журналист М. Е. Кольцов (Фридман. — Р. К.) подчеркнул, что искоренить антисемитизм в стране можно, только уничтожив его вначале в партии, "где он носит характер мелкобуржуазного уклона". Взявший вслед за ним слово Смидович упрекнул присутствующего здесь же заместителя председателя ОГПУ М. А. Трилиссера в том, что его ведомство не борется с антисемитизмом в партии. Тот же парировал: "ГПУ не наблюдает за партийцами". На что включившийся в дискуссию Ларин заметил, что антисемитизм отмечается и среди сотрудников ОГПУ.

По итогам совещания было принято решение подготовить проект постановления ЦК о борьбе с антисемитизмом. Кроме того, руководством Агитпрома была направлена в секретариат ЦК объёмная записка, в которой рисовалась следующая нерадостная картина:

"Представление о том, что советская власть мирволит евреям, что она «жидовская власть», что из-за евреев безработица и жилищная нужда, нехватка мест в вузах и рост розничных цен, спекуляция — это представление широко прививается всеми элементами трудовым массам. Разговоры о «еврейском засилье»... о необходимости устроить ещё одну революцию против «жидов» — эти разговоры встречаются сплошь и рядом.

События внутрипартийной борьбы воспринимаются некоторыми коммунистами и всей обывательщиной как национальная борьба на верхах партии.

В распространении антисемитизма видна направляющая рука монархических группировок, ставящих борьбу с «жидовской властью» краеугольным камнем почти всех своих листовок и прокламаций... Не встречая никакого сопротивления, антисемитская волна грозит в самом недалеком будущем предстать перед нами в виде серьёзного политического вопроса"».

После того как ловко была показана большая политическая опасность антисемитизма для советской власти, исходящего якобы от реваншистских монархических группировок, антисемиты стали «контрой», «врагами революции и народа», — и соответственно к ним стали чаще применять расстрельную статью за антисемитизм, введенную ещё Лениным. На превентивные меры пропаганды были выделены огромные средства — и среди «масс» миллионными тиражами стали распространять «разъяснительные агитки», стали проводить многочисленные партийные собрания и собрания общественности на эту тему, диспуты под зорким оком ветеранов борьбы против антисемитизма: Губельмана под маской «Ярославский», Фридмана под маской «Кольцов» и Лурье под маской «Ларин».

«Используя антисемитизм как некое тайное оружие в верхушечной борьбе за власть, причем в строго дозированном виде, Сталин, как это ни парадоксально звучит, отнюдь не "формально", как утверждал тот же Хрущев, боролся с открытыми проявлениями бытовой юдофобии. И тут он руководствовался не столько античной абстрактной мудростью о Юпитере и быке, сколько злободневным соображением, что рядовой обыватель, проклинавший в 20-е годы евреев, часто имел в виду не столько саму эту национальность, сколько отождествляемую с нею ненавистную ему советскую власть», — объяснял причину активного участия в антисемитской кампании Сталина Г. Костырченко; это объяснение верно частично, оно не полно.

Единственное, чего в этот период в этом вопросе не было — как при Ленине, так это то, что Сталин не записал на пластинку разгромную речь против антисемитизма. Зато Сталин разрешил евреям выслеживать и выискивать в СССР антисемитов и предъявлять их на расправу советской власти через специально созданный для этой цели рупор — журнал «Трибуна».

«С мая 1927 года в Москве на русском языке стал издаваться журнал «Трибуна», который был задуман как рупор советской еврейской общественности и источник информации о жизни евреев в СССР и за рубежом. В течение последующих пяти лет (до 1933 г.) в его номерах детально фиксировались все случаи проявления антисемитизма в Советском Союзе», отметил в своей книге Г. Костырченко. Отмечу одну любопытную деталь, — уверен, если бы Г. Костырченко закончил своё исследование после 2003 года, то он, скорее всего, вышеуказанный факт и некоторые другие не включил бы в свою книгу, а поскольку он закончил свою книгу в конце 90-х 20-го столетия — в период лихой власти в России еврейских олигархов, когда очень слабая Россия с годовым бюджетом всего 20 миллиардов долларов была на грани распада и исчезновения, то мы сегодня имеем возможность ознакомиться с этим трудом и некоторыми другими «смелыми» научными трудами того периода Еврейского университета в Москве. Вернемся в 20-е годы 20-го столетия и понаблюдаем за трагической историей нашей Отчизны и нашего народа.

Дальше и глубже всех в «еврейском вопросе» зашел русский «дедушка» Калинин, который в 1926 году на съезде ОЗЕТа вдруг озаботился расовой чистотой евреев, начавших на волне победоносной эйфории заключать браки с представителями оккупированного «варварского» народа, и Калинин «резко выступил против ассимиляции (советских евреев) и выдвинул широковещательную программу еврейской автономии», — отметил в своём исследовании А. Солженицын. То есть, чтобы евреи в СССР не смешивались в браках с русскими и другими нациями и сохранить их чистое национальное генетическое ядро — необходимо было создать им где-то в хорошем месте на территории СССР автономную республику. Понятно, что сам Калинин не мог до такой «мудрости» додуматься и выступить с соответствующей инициативой... Трудно подобрать хорошие эпитеты этому жалкому деятелю, но до сих пор во всех городах России есть улицы и площади его незаслуженно славящие, в истории России есть много более достойных забытых людей.

В этот период еврейские лидеры согласовали с советской властью создание обособленных отдельных еврейских национальных районов в местах постоянного исторического проживания евреев: в Белоруссии, на Украине, в Молдавии.

На волне этой обеспокоенности и заботы расовой чистотой возникла идея создания ещё одного Израиля на территории СССР, эдакого «чистого анклава», «свободной национальной резервации» в виде отдельной республики, и сионисты вместе с Калининым и Сталиным стали присматриваться к субтропикам Дальнего Востока в районе Теплоозерска, где недалеко от границы с Китаем по берегам рек Биры и Биджана находились очень плодородные земли, заселенные ещё недавно русскими амурскими казаками, которые до 1917 года охраняли протяженную границу с Китаем, а теперь были поголовно коммунистами уничтожены, а уцелевшие удрали в Китай. И возникла ещё одна «креативная» сионистская идея — на месте казачьих станиц Русская Поляна, Алексеевка и пр. построить ещё один Израиль. Эту территорию вместе с советскими сионистами должны были освоить и сионисты, уставшие строить Изра-

иль в жаркой Палестине, кстати, оттуда через 2 года примерно полторы тысячи сионистов прибыло.

Идеологическое объяснение-прикрытие этого проекта было и есть сейчас (в 21 веке) крайне смешным и издевательским: евреи будут защищать восточные рубежи СССР от японцев и китайцев... Это — как в знаменитой песне про «еврейских казаков», которая прозвучала недавно на «5-м» телеканале в телепередаче «В нашу гавань заходят корабли».

Истинный стратегический замысел, суть этого «Дальневосточного Израиля» не озвучивается, скрывается до сих пор. Один из плюсов этого далекого благодатного места — оттуда до США было намного ближе, чем от Крыма... И хотя в современной российской еврейской республике — Биробиджане проживает намного меньше евреев чем в Москве, Петербурге и других российских и украинских городах — около 1%, а 90% населения Биробиджана русские, но и сейчас этот проект продолжает существовать как еврейская республика...

Слеповатый Калинин своей заботой о расовой чистоте евреев «убивал сразу несколько зайцев» и, в том числе, своеобразно объяснял, пытался «легализовать» еврейский национальный проект — «Крымская Калифорния» на «всероссийском кладбище» русских, татар и немцев.

За год до расистской речи Калинина — «Джуиш кроникл» 16 октября 1925 году писала: «Крым предположено сделать теперь заместителем Палестины. Зачем посылать евреев в Палестину, столь непроизводительную и неоправдывающую... большие жертвы и неимоверно тяжёлый труд... Богатая земля Украины открыта для них, и плодородные поля Крыма улыбаются страждущему еврею... Москва явится покровительницей русского еврейства и потому может претендовать на моральную поддержку евреев всех стран» (А. Солженицын). Именно эта политическая составляющая в условиях борьбы с Бронштейном Сталину была важна прежде всего, поэтому упрекать Сталина в гибкости, в потворстве строительству Израиля в СССР некорректно; теперь при всём желании быстро выйти из ситуации, в которую погрузил Россию Ленин-Бланк, было невозможно.

И именно в этот период — 16 мая 1926 г. в Палестине в городе Яффа большая группа сионистов, сообразив: зачем им строить Новый Израиль в тяжёлых условиях пустыни, очищая эту территорию различными способами от арабов, если уже есть Сион, Новый Израиль на территории бывшей России, именуемой теперь — СССР, — и сформировала организацию и целое движение под названием «Союз возвращения на родину». В результате этого сионистского движения в следующем 1927 году реэмиграция из Палестины в СССР превысила иммиграцию на 87%!

В Крыму проживало ещё много татар, — но ведь это не проблема... Председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов не понял новую

линию коммунистической партии, слишком заботился о своём татарском народе и часто выступал в защиту своих земляков. Но по наущению видного теоретика марксизма-ленинизма Ю. Лурье (под маской — Ларин) был расстрелян, — причём не за противодействие еврейской колонизации, а официально — за бандитизм. Ю. Лурье с гордостью утверждал, что даже такой великий авторитет — председатель еврейской международной организации «Джойнт» Луи Маршал признал благодетельное право революционных конфискаций...

Уже много лет наблюдаю в России за современным знаменитым монопольным историком на «5-м» петербургском телеканале, единственном рупоре исторической «правды» — Лурье, и ни разу не слышал от него подобной правды, удивляюсь его гениальной изворотливости. Слышал мнение из местного бомонда — это любимый петербургский историк В. Путина. Философски любопытно — когда-нибудь в России закончится навязчивая «эпоха Лурье»?...

На этой пронзительной философской ноте закончу эту главу. Другие события 1926 года в СССР рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проблемы Сталина. Смерть Дзержинского. Подготовка Бронштейна к «решающему броску»

Экономический кризис в 1926 году существенно поубавился, но по-прежнему серьёзные проблемы в экономике сохранялись. Остатки сохранившейся и восстановленной старой царской промышленной базы эксплуатировались по максимуму и уже исчерпали свой потенциал развития. Но это ещё не значило достижения уровня 1914 года, хотя есть и другие мнения, например, Ю. Мухин в своей книге «Сталин — хозяин Советского Союза» (М., 2008 г.) утверждает:

«В 1913 году на долю России приходилось немногим более 4% мировой промышленной продукции, в то время как её население составляло 9% от населения мира. Это означает, что на душу населения в России производилось в два раза меньше продукции, чем в остальном мире, включая Азию, Африку и Южную Америку, т.е. самые нищие регионы мира». — Это яркий пример натянутого абсурда, ибо послушав Ю. Мухина можно понять, что в Российской империи производилось товаров меньше, чем в Африке, — а представьте себе Африку в начале 20-го века после затяжной англо-бурской войны...

В СССР необходимо было строить новые заводы и фабрики, а денег для этого было очень мало. Сталин позже отметил: «Ещё в апреле 1926 года на Пленуме ЦК оппозиция утверждала, что своих внутренних накоплений не хватит у нас для того, чтобы подвинуть вперед переоборудование промышленности. Оппозиция пророчила тогда провал за провалом».

На этом апрельском пленуме, посвященном экономическим проблемам, Бронштейн предложил на основе внешних заимствований план интенсивной индустриализации страны. Сталин в ответ обвинил его в «сверхиндустриализаторстве» и «сверхчеловеческих прыжках». Од-

нако аргументы оппозиции были довольно убедительны и на закупку оборудования для заводов и экспортных товаров в апреле 1926 г. Советское правительство взяло у Германии заем — 300 миллионов марок. А затем Сталин и сам пришел к выводу о необходимости политики «сверхиндустриализации».

Очень остро стоял вопрос внутренних накоплений, и в этом плане кроме зерна могло выручить ещё золото. В 1914 году Российская империя была на втором месте по накопленному золотому запасу, который составлял 1307 тонн, из которых после Гражданской войны Советскому правительству осталось примерно 400 тонн. В 1926 году в СССР постановлением Совнаркома было разрешено гражданам, артелям и кооперативам искать и добывать золото и другие драгметаллы, но всё добытое должно было в обязательном порядке сдаваться на государственные приемные пункты. Эффект был неплохой — через два года, к 1928 году, золотой запас СССР прирос на 36 тонн, но это кардинально не решало проблему денег для закупки иностранного оборудования.

На апрельском пленуме Сталин не озвучил конкретные предложения, 13 апреля он пустился в длительные аналитические рассуждения, вот несколько фрагментов:

«Возьмите Индию... Есть ли в Индии промышленность? Безусловно, есть. Развивается ли она? Да, развивается. Но там развивается такая промышленность, которая не производит орудий и средств производства. Там орудия производства ввозятся из Англии...», «Из этого следует, что индустриализация нашей страны не может исчерпываться развитием всякой промышленности. Из этого следует, что индустриализация должна пониматься прежде всего как развитие у нас тяжёлой промышленности и, особенно, как развитие нашего собственного машиностроения...»;

«...Необходимо обновить старое оборудование наших заводов и построить новые заводы... Но для того, чтобы обновить нашу промышленность на основе новой техники... требуются большие и очень большие капиталы. А капиталов v нас мало...»; «Англия индустрировалась благодаря тому, что она грабила десятки и сотни колоний... Германия ускорила свою индустриализацию в результате победоносной войны с Францией в 70-х годах... взяв пять миллиардов франков контрибуции у французов, влила их в свою промышленность. Россия, старая Россия, сдавала кабальные концессии и получала кабальные займы...».

При этом Сталин обращал внимание, что и те имеющиеся деньги используются неэффективно, вернее — транжирятся и разворовываются, Сталин: «У нас царит теперь разгул, вакханалия всякого рода празднеств, торжеств, собраний, юбилеев и т. д. Юбиляров всякого рода и охотников до торжеств у нас такая уйма...»; «Замечательнее всего

то, что у беспартийных замечается иногда более бережное отношение к средствам нашего государства, чем у партийных. Коммунист действует в таких случаях смелее и решительнее. Ему ничего не стоит раздавать ряду служащих пособие, назвав его тантьемой, хотя тут тантьемой и не пахнет. Ему ничего не стоит перешагнуть через закон, обойти его, нарушить его... Объясняется это, пожалуй, тем, что коммунист считает законы государства и т. п. делом семейным».

Эта описанная Сталиным ситуация в 1926 году дословно повторилась при Брежневе в 70-х годах перед развалом СССР, впрочем, — как и другая характерная ситуация воровства общенародной собственности, — Сталин:

«Нам необходимо вести систематическую борьбу с воровством, с так называемым «весёлым» воровством в органах нашего государства... Есть воровство стыдливое, скрытое и есть воровство смелое, "весёлое"... Недавно я читал в «Комсомольской правде» заметку Окунева о "весёлом" воровстве... Заслуживает тут внимание не только сам вор, сколько факт, что окружающая публика, зная о воре, не только не боролась с ним, а, наоборот, не прочь была похлопать его по плечу и хвалить за ловкость, ввиду чего вор стал в глазах публики своего рода героем».

Согласитесь — это здорово напоминает обстановку в СССР в 60-80-е годы, — и чем это закончилось известно. Что делать Сталину — как с этими перечисленными негативами бороться? Поскольку загнивание наблюдалось всеобщее: охватило полностью партию и даже ЧК, а что уж говорить о различных нэпманах — Остапах Бендерах, скупающих и перепродающих то немногое, что производила промышленность и сельское хозяйство, понятно — что Сталин один и не может в каждом городке навести порядок. Поэтому он организует для наведения порядка устрашающие показательные карательные акции, чтобы приструнить разом всех в стране. Понятно, что полностью воровство таким образом не искоренить, но (!) этим способом существенно понизить уровень этого воровства на некоторое время можно.

Возникли известные шумные пропагандистские «дела»: «астраханское дело», «смоленский гнойник», «шахтинское», в котором просматривались и вредительские мотивы. Обычно современные либеральные идеологи по своей мерзской привычке лживой вредности объясняют эти устрашающие и одновременно превентивные «профилактические» акции совсем «просто» — якобы это обычный деспотизм диктатора Сталина, который просто «от балды» захотел получить удовольствие от власти, от жестокости, от судебных процессов и угнетения народа. Брежнев и Горбачев этого не делали, — и «подводные» буржуазные отношения (теневая экономика) в СССР достигли своего максимального расцвета, — как это всё печально закончилось мы были свидетелями.

Сталин понимал, что навести порядок необходимо, но это сбережёт деньги, а не прибавит... А где и как взять дополнительные деньги для развития страны? С сельским хозяйством по-прежнему было много проблем, Сталин в апреле 1926 года по этому поводу рассуждал:

«Говорят, что экспорт нашего хлеба невыгоден, нерентабелен. А почему он невыгоден?.. Установлено всеми нашими планирующими органами, что на заготовку одного пуда хлеба достаточно 8 копеек. А на деле получилось... 13 копеек за пуд. А как это могло случиться? —... работник по заготовке... — раньше чем приняться за заготовку хлеба... он заводится армией стенографисток и машинисток, обзаводится обязательно автомобилем и т. д.».

Как наблюдаем — Сталин также решил сэкономить на «аппаратных» затратах.

А что новые «советские» нэпманы, потенциальные инвесторы? Может, они решат проблему денег через развитие и налоги? В тот период истории не было таких гигантских «Ходорковских», «Фридманов» и «Вексельбергов», зато было огромное количество «Остапов Бендеров» новой экономики. Из нашего опыта «перестройки» можно смело утверждать, что бизнес начали те, у кого кроме ума и коммерческой смекалки был достаточный для этого первоначальный капитал, — так было и тогда. «Ш. Эттингер отмечает, что "евреи составляли большинство нэпманов, нуворишей", что подтверждалось и впечатляющим в «Известиях» 1928 года перечнем фамилий "не уплативших государственных налогов и сборов"», — пишет А. Солженицын. И как было видно в предыдущей главе — этот же факт показал нам в своём исследовании Г. Костырченко, когда в некоторых регионах СССР еврейские бизнесмены составляли 90% всех коммерсантов.

В общем, — к лету 1926 года Сталин ещё не определился конкретно — за счет чего развивать промышленность, как увеличить эффективность сельского хозяйства и что делать с мелкобуржуазной стихией, нэпманами из «революционного народа». К тому же оппозиция в этот период стала серьёзно его отвлекать, серьёзно ему мешать идти вперед.

Несмотря на то, что Бронштейна-Троцкого Сталин и его единомышленники лишили его главной силы — Красной армии, и он стабильно пикировал вниз с Олимпа власти, некоторые его сторонники не теряли надежды, что он ещё туда вернется, и помогали ему как могли, например, в 1926 году троцкисты Эйзенштейн и Александров решили помочь своему соплеменнику доступными средствами и много внимания уделили положительному образу Троцкого в фильме «Октябрь». Сталин прослышал про эту оригинальную пиар-кампанию, «ноу-хау» в то время, и приехал к этим умникам в студию; после чего они быстро убрали Троцкого из картины.

А притихший на некоторое время Бронштейн-Троцкий в мае 1926 года совершил загадочный вояж в Германию, якобы по болезни, после чего вскоре оттуда стали поступать агентурные сведения о некой формирующейся в СССР «военной партии» во главе с Тухачевским, которая готовит переворот в стране. Было похоже, что Бронштейн пытался по-прежнему повторить маневр Ленина — подключить себе в помощь некие германские ресурсы.

Вообще-то, в этот период оппозиция подключала внешние силы сразу с двух сторон: с «ленинской» и с «бронштейновской». Что происходило с «ленинской» — германской рассказывал на следствии в 1936-м Крестинский: «В 1926 году... Сект ... выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему не систематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода её к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии... В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения... Деньги продолжали поступать. Начиная с 1923 года по 1930 год, мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валютой».

Слухи о грядущей новой войне в Европе пошли и с другой стороны. После Первой мировой войны и вторичного ограбления Германии в 1923 году путем выдвижения новых условий контрибуции, Англия и её союзники структурировали политическую ситуацию на планете по своему усмотрению. И после подписания «локарновских соглашений» в 1925 году между ведущими европейскими странами, в начале 1926 года в английской печати нефтяной магнат Детердинг сообщил, что идет активная подготовка к войне против СССР...

Западную буржуазию интересовали в первую очередь природные богатства СССР, и если Ленин этот доступ им предоставил, то после неожиданного, «непланового» прихода к власти непредсказуемого Сталина и после того, как самых алчных и оборзевших капиталистов в 1924 — 1926 годах Дзержинский и Сталин приструнили, многие из обиженных задумались о глобальном решении этой проблемы — организовать войнушку за счет «соседского пушечного мяса» и поставить во главе СССР свою марионетку. А в данном случае, как мы наблюдали выше, в эти марионетки Бронштейн-Троцкий в прямом смысле напрашивался, обещая капиталистам советские «золотые горы».

Как на эту неприятную и тревожную информацию должен был реагировать Сталин? Был ли СССР готов воевать с Германией или Англией и её союзниками? — Конечно, нет, — ведь проиграли существующей всего год небольшой Польше... В этой очень ограниченной «для маневров» ситуации троцкисты, стоявшие во главе Коминтерна, ловко Сталина подставили, создали опасную ситуацию. Вероятнее всего, кто-то из коминтерновских умников предложил использовать Коминтерн не для «мировой революции», а для пользы СССР, для его защиты, и предложили «гениальную» идею: чтобы сдержать Англию от агрессивных действий, необходимо по своим коминтерновским связям через рабочее движение создать в Англии внутренние проблемы, чтобы английскому руководству было чем заняться, кроме агрессивной внешней политики против СССР, эдакий способ марксистского шантажа «мировой революцией». И Сталину эта идея понравилась.

Коминтерн без конкретных дел с 1923 года пожирал без толку огромные ресурсы, и теперь Сталин был не прочь получить от него пользу. Естественно, оппозиция в верховных органах — Зиновьев и Троцкий с радостью поддержали свою любимую идею. После чего Коминтерн засучил рукава и начал работать. Далее произошла революционная классика: 1 мая 1926 года английские рабочие, в основном шахтеры, решили массово отпраздновать свой праздник — «Праздник труда и солидарности трудящихся», но праздничные мероприятия вскоре планово приняли политический характер требований рабочих к властям и затянулись на несколько недель, грозя перейти во всеобщую британскую забастовку. Власти Англии принципиально не пошли на уступки. Сезон уже был неотопительный, и на фабриках были ещё запасы угля. Противостояние затянулось не в пользу рабочих, — у них стали заканчиваться деньги и запасы продовольствия. И в этой ситуации власти СССР, Сталин решили помочь английским рабочим и пролонгировать кризисную ситуацию в Англии, — и тайно выслали, передали в подмогу огромную по тем временам сумму денег — 16 миллионов золотых рублей. Это был кульминационный момент этой истории, которого с нетерпением ждали многие недоброжелатели Сталина.

Конечно, утаить, не заметить появление такой огромной суммы в Англии сложно, тем более в рабочей среде, а при умышленной «утечке информации — совершенно невозможно. В результате этой аферы-подставы Сталин бессмысленно потерял драгоценные для экономики страны 16 миллионов золотом и получил очень опасный конфликт с самой мощной страной на планете, предоставил ей прекрасный повод к любым агрессивным действиям.

Получился огромный скандал и даже — нелепица или сверхнаглость: детище пытается подорвать своего родителя, в СССР их Бронштейн плюс некий усатый кавказец Сталин вышли из-под контроля, кем-то возомнили себя, оборзели. А поскольку Бронштейн-Троцкий был практически «не у дел», не у власти, то удар целенаправленно наносился против Сталина. Руководство одного из главных гегемонов планеты, их

эмоции и мысли — не трудно понять: было большое желание преподать урок этому усатому наглецу и «поставить его на место», вернее — сбросить его с захваченного им места.

В июне 1926 года в Лондоне по этому поводу состоялась секретная англо-американо-германская конференция, на которой обсуждали различные варианты «достойного наказания». Интересно, что организатор майского протестного движения рабочих в Англии, их «денежный мешок» и одновременно советский посол и друг Бронштейна Раковский (он же — Хаим Раковер) в Лондоне перед «правителями мира» произнес речь против Сталина.

В это же время в СССР 6 июня 1926 года сотрудники ОГПУ засекли в подмосковном лесу тайное собрание, организатором которого был выходец из богатой одесской еврейской семьи, большевик, заместитель наркома по военным и морским делам СССР, заместитель председателя РВС Ворошилова и кандидат в члены ЦК — Моисей Лашевич. Этот Моисей был старым бойцом, классическим пассионарием из революционного народа — организовывал антиправительственные акции везде: в гимназии, в армии и даже в ссылке в нарымском крае вместе со своей боевой подругой Баси-Бертой Перельман организовал антиправительственную демонстрацию. С учетом того, что друг Бронштейна — Тухачевский занимал пост начальника генерального штаба Красной армии, то ситуация выглядела опасной, «бунтующие жиды» опять серьёзно готовились к очередному бунту.

А кто этой поднимающейся силе мог реально, эффективно противостоять? Конечно, — только ОГПУ во главе с Феликсом Дзержинским. И получилось очень уж логично и закономерно, что 20 июля 1926 г., сразу после речи на заседании в Кремле против Бронштейна-Троцкого и всей оппозиции Феликс Дзержинский внезапно умер. В своей речи Дзержинский обвинил Розенфельда-Каменева, что в должности наркома торговли не работает, а всё время занимается политиканством, и назвал своего зама по ВСНХ Г.Л.Пятакова «самым крупным дезорганизатором промышленности». Кстати, позже мы будем неоднократно наблюдать многие вредительские действия Пятакова.

В общем, Дзержинскому было от чего расстраиваться, тем более у него был хронический бронхит и порок сердца, от сердечного приступа он и умер, «сгорел» на работе. Но не исключено, что ему помогли сгореть «аптекари», ибо ему принесли стакан воды после которого ему внезапно стало плохо.

Ушел из жизни один из жестоких романтиков с подпольным псевдонимом «Яцек», проявивший недюжинный талант вначале в большом зле, а затем даже в добрых делах. По этому поводу впору вспомнить одно философское высказывание Феликса Дзержинского: «Время — самая беспощадная категория бытия».

22 июля по поводу его смерти Сталин в некрологе писал: «После Фрунзе — Дзержинский. Старая ленинская гвардия потеряла ещё одного из лучших руководителей и бойцов».

Понятно, что в любом случае от смерти такой авторитетной личности, такого мощного соратника Сталина оппозиции стало намного легче, и в ближайшей перспективе могло быть вообще радостно, ибо из четырех замов Дзержинского: Менжинский, Г. Ягода, В. Герсон и М. Луцкий, — поляк Менжинский был сильно болен, а остальные три еврея были «латентными» троцкистами и претендовали на место Дзержинского — возглавить ОГПУ. «Всю жизнь я ходил в маске... Взбираясь по иерархической лестнице, я в 1926 году дошел до зампреда ОГПУ. С этого момента и начинаются мои первые попытки игры в "большой политике"», — признался на допросе 26 апреля 1937 года один из главных заговорщиков против Сталина и кровавейший еврейский палач русского народа Генрих Ягода (он же — Енох Гершенович Иегуда), будущий глава ОГПУ в 30-х годах.

Сталин по поводу смерти Дзержинского сказал: «...хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: ГОРЕНИЕ».

После смерти Дзержинского пост председателя ОГПУ занял его соплеменник В. Менжинский, а пост председателя ВСНХ СССР — Валериан Куйбышев, но после смерти Дзержинского многими вопросам промышленности и сельского хозяйства вместе с Куйбышевым занимался сам Сталин.

В июле 1926 года Сталин в срочном порядке снял организатора тайного собрания заговорщиков в лесу Моисея Лашевича со всех постов, но его за измену и заговор против власти не расстрелял и не выслал кораблем за пределы СССР, а написал «Проект резолюции по делу тов. Лашевича и др.» и назначил заговорщика заместителем председателя КВЖД. Был бы на его месте любой русский, например несравнимый по своей опасности с Лашевичем — писатель Гумилев, профессор Таганцев или поэт Ганин — бесспорно был бы скорый расстрел, точнее — Сталин расстрелял бы обязательно, без всяких сомнений. А этого Моисея даже в Сибирь не сослал, хотя, например, в этот же период — в сентябре 1926 года в ходе проводимой инвентаризации крестьянских хозяйств была завершена перепись оставшихся частных крупных землевладений и было обнаружено уцелевших 9 899 семей из бывших крупных владельцев, из которых 3 629 — это примерно 20 тысяч русских людей, как «контру», Сталин выслал в Сибирь... (по данным С.Е.Крыжановского). Лашевич ещё несколько лет будет плести сети заговора, и когда Сталин вышлет Троцкого из Москвы, то расстроенный Моисей Лашевич в 1928 году покончит жизнь самоубийством.

В июле 1926 года за опасную аферу с английскими рабочими сняли с должности руководителя (председателя) Коминтерна Апфельбаума-

Зиновьева и вывели его из состава Политбюро, а на подозрительного Тухачевского сотрудники ОГПУ уже под руководством Менжинского завели отдельное агентурно-наблюдательное дело.

Вполне объяснимо, что сегодня, в начале 21 века, наши граждане это объяснение истории не услышат из самого мощного источника информации — из телевидения от телекагала: Познера, Сванидзе, Вульфа, Млечина, Разумовского и прочих «авторитетов», которые с маниакальным упорством пытаются убедить, «доказать» без всяких доказательств, что Фрунзе и Дзержинского коварно убил Сталин; у них самая популярная лживая версия — это версия лукавого еврейского историка из Англии Роя Медведева:

«Неожиданная смерть Фрунзе в 1925 году и Дзержинского в 1926 изменили расстановку сил в руководстве партии и, несомненно, усилились позиции и влияние Сталина, который сумел в 25-26 годах взять под свой личный контроль руководство Красной Армий и ОГПУ, что было невозможно при Фрунзе и Дзержинском».

Хотя нетрудно убедиться, что смерть Дзержинского была выгодна исключительно оппозиции. Позиция Сталина в Красной армии после замены Фрунзе Ворошиловым не изменилась — осталась прежней, а вот замена Дзержинского Менжинским и затем Иегудой-Ягодой сильно ослабила позицию Сталина в репрессивных органах, и вся последующая история это, бесспорно, докажет, а мы в следующих главах это будем наблюдать.

Сейчас как только зайдёт речь о кровавых событиях тех лет — сразу произносят фамилию Дзержинского или Сталина. И ни одной фамилии более... — и за широкими плечами Дзержинского умудряются прятать сотни еврейских палачей. Даже об Урицком не говорят. Когда свергали памятник Дзержинскому в Москве, то в Санкт-Петербурге обновили большую памятную плиту первому руководителю ЧК кровавому палачу Моисею Урицкому — парадоксально...

А кто сейчас вспомнит тысячи кровавых еврейских палачей, например: Семёна Шварца — председателя Всеукраинской ЧК? Или его коллегу по Всеукраинской ЧК Евсея Ширвинда? Братьев Берманов и других...

Кстати, в связи со смертью Ф. Дзержинского, стоит отметить, что Дзержинский не успел закончить свою программу обустройства беспризорных детей, родителей которых убили в Гражданскую войну. Профессор С. В. Познышев в 1926 году в своей работе «Детская беспризорность и меры борьбы с нею» (М.,1926) отметил, что в различных государственных воспитательных учреждениях собрано 78 398 беспризорных детей, а вне этих заведений на улицах советских городов зарегистрировано ещё 314 690 беспризорных детей.

Вернусь к выезду Бронштейна-Троцкого в мае 1926 года на лечение в Германию, это был явный повод пообщаться и проконсультироваться с сильными мира сего. Но Бронштейн был слишком скандальной и опасной личностью, чтобы германские власти не заметили его приезд, и его пребывание в Германии не получилось тихим и плодотворным. «Когда в мае Троцкий приехал в Берлин делать операцию на горле, его обвинили в том, что он прибыл для организации очередного коммунистического восстания, — писал итальянский писатель Курцио Малапарте. — Но в 1926 году его уже не волновали революции в других европейских странах: от известия о всеобщей забастовке шахтеров в Англии и перевороте Пилсудского в Польше его начинает лихорадить, он ускоряет возвращение в Москву. Это была лихорадка великих октябрьских дней, когда, по словам Луначарского, он был словно наэлектризован. Бледный, в лихорадочном жару возвращался Троцкий в Москву, чтобы организовать штурмовой отряд для свержения Сталина и захвата власти».

Западные покровители и факт прихода к власти в Польше ненавистника большевиков генерала Пилсудского — «социалистического Наполеона», разгромившего Красную армию, сильно обнадёжили и вдохновили Бронштейна-Троцкого. Он стал вспоминать успешный способ захвата им столицы Российской империи в октябре 1917 года. В этом способе, террористической технологии захвата власти подробно разбирался вышеупомянутый итальянский исследователь К. Малапарте:

«...Вопрос государственного переворота в наше время есть вопрос техники. Восстание — это машина, говорит Троцкий: чтобы привести её в движение, нужны специалисты-техники, и никто, кроме них, не сможет её остановить. Приведение этой машины в действие не зависит от общей обстановки в стране, от чрезвычайных обстоятельств... Восстание совершается не массами, его совершает горстка решительных людей, обученных тактике восстания, умеющих быстро и сокрушительно поражать жизненно важные центры технической структуры государства. Этот отряд захвата должен состоять из групп вооруженных людей, рабочих специалистов (эдакий «отряд Оушена». — Р. К.), механиков, электриков, телеграфистов, радистов под командованием инженеров и техников, знающих порядок функционирования технической структуры государства...

"Европейский опыт последних лет, — утверждал Радек, — показывает, что нет ничего легче, чем сломить порыв народа: система полицейских мер — лучшая защита против старых методов западных коммунистов; но она бессильна против быстрых и решительных ударов специального отряда, владеющего техникой октябрьского восстания"... "Со специальным отрядом в тысячу человек, набранных среди берлинских рабочих и укрепленных русскими коммунистами, — утверждал Троцкий, — я берусь захватить Берлин в 24 часа... Вооруженное вмешательство масс необходимо лишь на втором этапе, чтобы отразить ответный удар контрреволюционеров"...».

Внезапная смерть мощной опоры Сталина — председателя ОГПУ Ф. Дзержинского существенно облегчала Бронштейну реваншистский захват власти, и после смерти Дзержинского оппозиция в сентябре 1926 года заметно осмелела — «Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях», — вспоминал Троцкий («Моя жизнь»).

Вылазка оппозиции произошла не только на партийных собраниях. «В октябре 1926 года, когда ЦК партии собирается на пленум в бывшей столице, демонстрация, организованная в честь ЦК, внезапно становится демонстрацией в поддержку Троцкого. Если бы Зиновьев сохранил своё влияние на ленинградских рабочих, этот эпизод мог бы стать отправной точкой к восстанию, — описывал октябрьские события в Ленинграде Курцио Малапарте. — Впоследствии Зиновьев поставил себе в заслугу эту демонстрацию протеста. На самом деле её не предвидели ни Зиновьев, ни Менжинский. Даже Троцкого она застала врасплох: но у него хватило здравого смысла не воспользоваться ею...

В тот день кучка храбрецов могла бы овладеть городом без единого выстрела. Но теперь уже не Антонов-Овсеенко командует отрядами рабочих, боевыми единицами восстания: красногвардейцы Зиновьева боятся предательства со стороны своего командира... У Троцкого начинает уходить почва из-под ног...».

Сталину пришлось применить более радикальные меры — в октябре 1926 года Троцкого исключили из состава Политбюро ЦК ВКП(б), Каменева исключили из кандидатов в члены Политбюро, а Зиновьева отстранили от руководства Исполкомом Коминтерна. Причем инициатором этих предложений выступил не Сталин, а С. Киров. Кроме этого, Сталин решил нарушить единство оппозиции — Розенфельда-Каменева сняли с поста министра торговли и 26 ноября 1926 года отправили полпредом в Италию.

Как видим, — оппозиция потерпела очередное поражение, скатывалась по иерархической лестнице власти вниз, теряя остатки власти. После этой «расправы» оппозиция ушла в подполье, в конспирацию готовить новый «решающий» удар по Сталину, а Сталин теперь мог больше времени и внимания уделить хозяйственным вопросам, строительству государства; эту деятельность Сталина рассмотрим в следующей главе. На 15-й партийной конференции в ноябре 1926 года Сталин ещё раз обратил внимание — в чём принципиальные разногласия его с любителями «мировой революции» и мировой гегемонии: «Основной вопрос, разделяющий партию с оппозиционным блоком, — это вопрос о том, возможна ли победа социализма в нашей стране». Борьба созидателя, строителя с мировыми разрушителями и захватчиками продолжалась, и её дальнейший ход проследим в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1927 год. Под угрозой нападения Англии

В начале 1927 года Сталин вернулся к вопросу о повышении закупочных цен на продукцию крестьян и чтобы цены в городах не поднялись, особый интерес был к экспортному продукту — зерну. Эта проблема очень остра в России и сегодня, в 21 веке. Тогда непманский рынок, конкуренция на рынке — эту проблему «саму собой» никак не могли решить, ибо никто не хотел терять прибыль, более того нередко был откровенный сговор — взаимокоординация цен. Тогда Сталин решил, что государство должно вмешаться в эту ситуацию и само торговать зерном. А. Солженицын в своей работе цитирует свидетеля тех событий Б. Бруцкуса, — в конце 1926 года и начале 1927 г. «реакция началась с удаления частника из торговли зерном. Затем последовали запреты скупки кож, масличных семян, табаку...». В большинстве случаев пострадавшими непманами-перекупщиками-спекулянтами оказались «Осики Бендеры».

Бухарин в начале 1927 года на партийной конференции отметил, что после ликвидации «русской средней и мелкой буржуазии наряду с крупной» — теперь в СССР «еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии...».

«Бухарин описывал картину, которая была у всех на виду. Еврейскую буржуазию не вымаривали сплошь, как русскую. Купец-еврей несравненно реже становился проклятым "бывшим", находились свои заступники и выручатели», — отметил А. Солженицын.

На протяжении двух десятилетий при последнем царе происходил расцвет еврейских торговцев в Российской империи, а при «своих» они расцвели ещё буйнее, иногда их грабили голодные солдаты. Это был первый расцвет еврейского предпринимательства в СССР (второй — в конце «перестройки» и далее). Именно в этот период был создан

символ той эпохи — культовый еврейский герой того времени Ося Бендер, которому до сих пор симпатизируют миллионы российских граждан...

Мог ли этот нэп своими налоговыми отчислениями или инвестициями поднять экономику страны? За эту нэповскую версию развития ратовали Зиновьев и Каменев. При внимательном экономическом анализе ответ был ясен. Тогда по подсчётам экономиста Г. И. Ханина в годы нэпа (1925-1927 гг.) ежегодный прирост ВВП в СССР был всего 2%, в то время как в ведущих европейских странах был 6-8%, а в США — 9-10%. Значит НЭП — не решал проблемы развития страны, а только усугублял это отставание. И, более того, — своей видимой сытостью был обманчиво опасен.

Сталин прекрасно понимал, что при таком разрыве развития через несколько лет с СССР развитые страны считаться не будут совсем, он будет поглощен, исчезнет в первой же вспыхнувшей войне. И теперь уже сабли и тачанки не помогут при всей идеологической марксистской накачке красноармейцев. «Нужны... многие миллиарды и притом в долгосрочные вложения, а удаётся, притом с громадными трудностями, получить за границей лишь подтоварные кредиты на 3-4 года при заказе оборудования», — писал экономист А. Югов. Где взять деньги для развития промышленности? Эта партийная дискуссия в СССР длилась уже 5-й год, затянулась, и ещё длилась бы таким же вялым образом долго... — если бы не «помог» определиться внешний фактор.

Многие в то время были убеждены, что майский конфликт с Англией 1926 года был уже позади, и забыт. Но оказалось совсем по-другому. Оппозиция всё меньше верила в свои силы и всё больше надеялась, что «Запад нам поможет». На следствии в 1937 году Раковский вспоминал события этого периода: «...Я пришел к выводу о необходимости сделать указание нашим единомышленникам за границей, полпредам и торгпредам, чтобы они зондировали у правых кругов капиталистических стран, где они находятся, в какой степени троцкисты могут рассчитывать на поддержку с их стороны».

Ведь из нищего и разрушенного СССР на самые «теплые» места - в европейские столицы уехали или были «сосланы» самые «достойные» захватчики-победители или их друзья, и почти все они были одной национальности. И в июле 1927 года Бронштейн-Троцкий с удовольствием отметил: «На важнейших дипломатических постах, т. е. на непосредственно охране интересов рабочего государства от капиталистических врагов, стоят в настоящее время почти сплошь оппозиционеры».

И эти оппозиционеры — соратники Бронштейна-Троцкого в различных столицах были активизированы. Конечно, бессмысленно поднимать

против СССР, например, Бельгию или Венгрию, поэтому все усилия троцкистов были сконцентрированы на мировом лидере — Англии. И они «подсказали» руководству Англии, что начавшаяся в 1925 году в крупнейшей английской колонии — Китае революция — это дело рук Москвы, происки Сталина против Англии. Вместе с майско-июньскими забастовками рабочих это была уже сверхнаглая дерзость по отношению к мировому гегемону... Москве необходимо было преподнести убедительный урок. И как только руководству Англии пришлось 20 февраля 1927 года подписать болезненное соглашение с китайцами о возврате концессии в городе Цзюцзан, то уже 23 февраля Англия выдвинула руководству СССР «ноту Чемберлена» — жесткое требование не вмешиваться в китайские дела, иначе она официально пригрозила разрывом всех отношений с СССР.

Английское руководство стало действовать в своём типичном стиле — привлекать к этой операции «чужие руки»: подбивать Германское руководство на участие в походе на СССР. Как стало известно из письма от 24 февраля 1927 года английского представителя А. Рехберга полковнику рейхсвера фон Шлейхеру — англичане предлагали сформировать против СССР 300-тысячную совместную группировку. И, несмотря на то, что немцы недавно «наелись» войны, но учитывая, что правительство Германии в это время состояло во многом не из немцев, на что особое внимание обратил в своей книге Генри Форд, то использование «немецкого мяса» было весьма возможно.

Сталин и его соратники, понимая активное участие в этой истории «своих» оппозиционеров ответили с неожиданной стороны — 25 февраля ЦК внесло в Уголовный Кодекс дополнение — наказание за преступление против государства — знаменитую статью № 58, чтобы её можно было инкриминировать за измену. Ситуация продолжала накаляться — 28 февраля «английские» китайцы у берегов Китая захватили советский корабль «Память Ленина», команду поместили в тюрьму. Ситуацией решило воспользоваться французское руководство и «до кучи» в марте навалилось на Сталина с требованием возврата царских долгов. В общем — зима 1927 года выдалась для Сталина «жаркой».

Ситуация всё более накалялась и становилась для СССР угрожающей. Сталин, политическое и военное руководство сделали анализ вооруженных сил СССР на случай войны, причем с Англией... Результаты этой аналитики, выводы были очень удручающи: во-первых, состояние вооружения не выдерживало никакой критики, и, во-вторых, и, возможно, главное — советская промышленность не была готова к войне, в случае войны не была готова поставить необходимое количество снарядов, стрелкового оружия, гранат, орудий, не говоря уже о танках и самолётах... Обсуждение этой проблемы состоялось на мартовском Пленуме партии,

на котором было окончательно решено — в связи с угрозой серьёзной войны необходимо переводить экономику, всё хозяйство страны на мобилизационный режим. Мобилизация всех материальных и человеческих ресурсов для вероятной агрессии — стало неафишированным лозунгом. Это, без сомнений, стряхнуло блажь, расслабленность и увлечение неспешной внутрипартийной «шахматной» игрой за власть с победителей в Гражданской войне, и затем сильно ускорило развитие многих отраслей экономики и страны в целом. На этом же мартовском Пленуме было принято решение в течение месяца срочно составить 5-летний план реформирования Советской армии, её существенного усиления. Именно этот план был первым пятилетним планом в СССР.

А ситуация продолжала усугубляться, — 6 апреля «английскими» китайцами было совершено разгромное нападение на полпредство СССР в Китае, и были захвачены секретные документы, которые были отправлены в Лондон. В этих документах был бесспорный компромат — доказательства активного участия СССР в разжигании и поддержке революции в этой английской колонии. Руководство СССР, Сталин ещё отчетливее стали ощущать холод приближающейся опасной войны с мировым гигантом. Побежденная внутри СССР «мировая революция» продолжала создавать серьёзные проблемы.

8 апреля сотрудники ОГПУ докладывали руководству СССР о «возросшем влиянии Англии» в приграничных с СССР странах — «в Польше и Румынии». Эта неприятная информация «удачно» накладывалась на неприятную прошлогоднюю, когда летом 1926 года в Польше путем переворота к власти опять пришел воинственный Иосиф Пилсудский, у которого был успешный опыт борьбы со своими большевиками внутри страны и на фронтах с внешними. Он несколько лет наблюдал, как после обретения свободы и суверенитета польские либерал-демократы топтались на месте, разрушали и грабили его детище — освобожденную им страну, не выдержал и решил навести порядок — фактически силой захватил власть и установил диктатуру. После быстрого наведения порядка, он мобилизовал страну, народ и, почувствовав силу и уловив международный «ветер перемен» стал «туманно» высказываться — что ничто не вечно, и границы Польши могут измениться и при удобном случае могут расшириться... А после 1920 года в СССР к польскому усатому Иосифу относились более чем серьёзно — с опаской, советские карикатуристы стали в газетах изображать Пилсудского, затачивающего на точильном станке огромные клыки, и эти картинки выглядели совсем не смешно...

Многое свидетельствовало о готовящейся войне против СССР. Ситуация была совсем невеселая, поганая, — ещё до раскола в партии, при дружном единстве Красная армия потерпела поражение от маленькой

Польши, чего же ожидать сейчас, в условиях раскола и противостояния от столкновения с коалиционными войсками, вооруженными современным английским оружием?..

На майском пленуме был принят представленный в общих чертах 5-летний план (1927-1932 гг.) реформирования РККА. «...Вопросам подготовки государства к обороне мы стали придавать актуальное значение только весной текущего (1927) года...» — отметил Ворошилов в декабре 1927 года на 15 съезде партии. В рамках этого плана было принято решение — срочно строить три подводные лодки с названиями: «Революционер», «Спартаковец» и «Якобинец», последнее масонское название намекало на некий дружественный посыл руководству Англии и США...

Понятно, что три подводные лодки против громадного английского флота выглядели жалко, но таковы были возможности советской промышленности того времени. Понятно было, что воевать с Англией оружием десятилетней давности было делом безнадежным; этим можно было воевать с Белыми, с крестьянами, но не с Англией. Поэтому постановлением Политбюро в мае 1927 года были созданы мобилизационные органы союзных и республиканских наркоматов, а также Мобилизационно-плановое Управление ВСНХ. Сталин стал срочно собирать инженеров, конструкторов — чтобы проектировать танки, орудия, подлодки, самолеты, ремонтировали и создавали станки и заводы. Вот тут-то и вылезли все болячки и несовершенства советской промышленности, выявилась острая необходимость переоборудования промышленности. Дзержинский до середины 1926 года восстановил в какой-то мере разрушенное старое, но с конца 1920 года по 1927 ничего нового с новыми технологиями не было создано, не было построено, в этот период новое руководство страны «варилось в своей партийной каше», выясняя между собой отношения.

Май 1927 года следует считать началом создания мобилизационной экономики СССР, которая длилась до 1941 года, во время войны и после неё в связи с восстановлением страны и мобилизацией сил в связи с необходимостью создания атомного оружия. Это исторический момент — когда Сталин изменил «особый путь» Ленина-Бланка и Бронштейна-Троцкого, на который они поставили Российскую империю после её захвата. И «особый путь» еврейских террористов-гегемонов был заменен Сталиным на «особый путь» созидания.

Интересна аналогия: как показывают социологические исследования — в 21 веке после двух сроков безделья и бездарного правления Путина-Медведева на стандартном капиталистическом пути, на третий срок их правления — в 2009 году около 60-70% населения вопреки президенту и премьеру убеждены в необходимости развития России по особому пути...

Вернемся к 1927 году. Ситуацией решили воспользоваться давно поникнувшие деморализованные Белые за рубежом, и один из предводителей Белого движения генерал А. Кутепов распорядился усилить террористические акты в СССР для дестабилизации положения в стране. Скорее всего — это рачительные прагматичные англичане решили подключить «до кучи» и этот простаивающий без дела ресурс.

Понятно, что в этой «интересной» ситуации взбодрилась в СССР троцкистская оппозиция. Бронштейн вспомнил исторические аналогии — случаи ослабления власти, благодаря войне, и принял решение: «Мы должны восстановить тактику Клемансо, который, как известно, выступил против французского правительства в то время, когда немцы находились в 80 километрах от Парижа». Подразумевалось, что когда коалиционные войска остановятся в 80 километрах от Москвы, то после этого Сталин станет более сговорчивым или уйдёт в отставку, и придет спаситель СССР Бронштейн-Троцкий, который легко договориться с наступающей угрозой.

В этих условиях Троцкий пыталась убедить членов Политбюро, ЦК отбросить все созидательные планы и начать срочно готовиться к войне, проводить мобилизацию и т.п. Это была двойная провокация, и Сталин на неё не поддался. Разочарованный Бронштейн-Троцкий отметил: «Главная идея Сталина ещё в апреле 1927 года состояла в том, что к вопросу о темпе нашего хозяйственного развития незачем припутывать международный фактор. На этом и построена теория социализма в отдельной стране». То есть, несмотря на чрезвычайную ситуацию, Сталин упорно придерживался своих убеждений и сохранял спокойствие. Помните, что случилось, когда в 1914 году объявил мобилизацию невыдержанный, слабоумный император Николай Второй?.. — И чего это стоило Российской империи?..

12 мая в Лондоне английские власти провели обыск в офисе российской акционерной компании «Аркос», и нашли там немало компромата о подрывной деятельности советских шпионов в Англии. По этому поводу 24 мая собралась для обсуждения «русского вопроса» Палата Общин и отменила торговое соглашение с СССР. Сталин эту ситуацию использовал против оппозиции, — 24 мая на пленуме ИККИ заявил:

«Я должен сказать, товарищи, что Троцкий выбрал для своих нападений на партию и Коминтерн слишком неподходящий момент. Я только что получил известие, что английское консервативное правительство решило порвать отношения с СССР. Нечего и доказывать, что теперь пойдет повсеместный поход против коммунистов. Этот поход уже начался. Одни угрожают ВКП(б) войной и интервенцией. Другие — расколом. Создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

В ответ оппозиция ещё больше поддавила — 25 мая 1927 года группа оппозиционеров (83 чел.) во главе с Троцким направила очередное письмо в партийные организации об ошибках Сталина во внутренней и внешней политике. Их синхронно поддержало английское правительство — 27 мая 1927 г. оно разорвало дипломатические отношения с СССР и стало обсуждать с союзниками детали подготовки к войне, коалиционного похода против СССР, но эти агрессивные планы англичан «тормозили» помудревшие после последней войны немцы.

В конце мая ОГПУ объявило о раскрытии диверсионной группы английского шпиона Чайта в посольстве Англии в Москве. А 7 июня в Польше белоэмигрант Б. Каверда убил советского полпреда Войкова, и вечером этого же дня в Ленинграде группа из трёх террористов бросила несколько бомб в помещение здания Центрального политического клуба на набережной Мойки, 59, где проходило собрание, — 35 человек были ранены. Ситуация очень напоминала классическое начало очередной масонской или марксистской революции — как в 1901-1906 годах или в 1916-1917-м: террор, дестабилизация обстановки в стране, подпольные типографии, критические боевые листовки, карикатуры, анекдоты про Сталина, осталось только очередной раз обдурить «массы» и вывести их на улицы. Кстати, в этот классический революционный набор входит ещё резкий подъём цен на продовольствие и даже его дефицит, что и произошло в СССР с июля 1927 года... — это было нетрудно организовать, помните — ранее Г. Костырченко объяснял национальный состав коммерсантов-нэпманов, осуществлявших торговлю между деревней и городом; среди них можно было обнаружить немало тех «ветеранов», которые занимались подобным десять лет назад: в конце 1916 года — начале 1917-го...

Сталину ничего не надо было объяснять, он всё прекрасно понимал, ведь он сам в подобных историях два раза участвовал, только он не мог предположить, что против него — коммуниста другие марксисты, коммунисты предпримут подобное, старые проверенные схемы. Он хладнокровно с усмешкой и скрываемой тревогой наблюдал за происходящим и делал быстрые и верные выводы, например, в письме своему любимому собеседнику Вячеславу Молотову 8 июня 1927 года он писал:

«Получил известие об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево... Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов....» (С. С. Хромов «По страницам личного архива Сталина», М., 2009 г.).

Не может не вызывать уважения то, как Сталин быстро и верно понял «многоходовку» руководства Англии, «зрил в корень», так было и перед Второй мировой войной.

Согласно вышеизложенному решению Сталина 10 июня 1927 года по постановлению ОГПУ было расстреляно 20 человек из «бывших» — князь П. Долгоруков, И. Сусалин и др. Как видим, Сталин применил старый проверенный приём наказания и устрашения Бронштейна-Троцкого — «метод заложников».

А по поводу искусственного завышения цен «Осиками Бендерами» Сталин дал указание ОГПУ приструнить наиболее зарвавшихся «мудрых» спекулянтов. И Сталин вынужден был вмешаться в «рынок» и суровыми директивами попытался нормировать цены на зерно и хлеб, и встретил дружное упорное сопротивление. Эти случаи рассмотрим подробнее, когда будем рассматривать тему коллективизации и установления монополии государства на торговлю зерном, вернее — какие факторы, причины сподвигли к этой идее, необходимости Сталина.

Народ в этот период адекватно оценивал ситуацию, видел угрозу войны и реагировал довольно резко и мудро: «На собраниях рабочих, протестовавших против убийства Войкова, звучали и такие реплики: "Мы воевать не пойдём, пусть жиды идут". В отличие от дореволюционного времени, когда в рабочей среде антисемитизма почти не наблюдалось, в 20-е годы эта разновидность национальной ненависти проникла на очень многие заводы и фабрики», — фиксировал действительность того периода Г. Костырченко.

Понятно, что «в отличие от дореволюционного времени» неграмотные рабочие за 10 лет прошли жестокие ленинские «университеты» и прозрели, поумнели; они жили намного хуже 10-летней давности и видели — кто сейчас жил хорошо, кто выиграл в результате их большого обмана Лениным. Нейтрализовать недовольные роптания рабочих Сталин мог только массированной пропагандой — «промывкой мозгов», обещаниями скорого сказочного коммунизма, запугиваниями в пособничестве «контре» и эффективными действиями по улучшению экономики страны, ведущими к улучшению благосостояния рабочих. В общем — поводов, стимулов, причин к индустриализации и коллективизации у Сталина было много. Уверен, совсем немного найдётся людей, завидующих этому человеку на вершине власти, во главе СССР...

К тому же не отлеживалась в стороне, ожидая англичан, и оппозиция: во время отправки в ссылку 9 июня на Дальний Восток одного из участников заговорщицкого собрания высокопоставленных военных-троцкистов в лесу, оппозиция организовала большой антиправительственный митинг в Москве на Ярославском вокзале, на котором выступали Троцкий и Зиновьев. Сталин 18 июня 1927 года писал из Сочи Молотову: «Курс на террор, взятый агентами Лондона, меняет обстановку в корне. Это есть открытая подготовка войны... Демонстрация на вокзале при проводах Смилги показывает, что оппозиция будет и впредь подрывать работу партии по укреплению тыла...».

В этом случае Сталин опять никого из оппозиции не расстрелял и не арестовал, а когда в этом же месяце — июне Президиум ЦКК поставил вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК, то пленум ЦК и ЦКК после долгих обсуждений в августе 1927 года ограничился строгим выговором с предупреждением.

За границами СССР недоброжелатели Сталина деловито суетились — 15 июня 1927 года в Женеве собрались на совещание министры иностранных дел Англии, Германии, Бельгии и Японии — решали вопрос начала войны с СССР или принятия санкций. Обратите внимание — Францию для обсуждения этого важного вопроса не пригласили... Её при удобном случае англосаксы готовы были сдать... Германия опять не поддержала идею войны против СССР, потому что Англия по своему давнему «доброму» обычаю надеялась, что на этот раз война против СССР будет вестись в основном немецким или польским «мясом» под наблюдением английских «мудрецов». И Сталин это прекрасно понимал и в 1927 году объяснял своим соратникам:

«... Английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны».

Это, кстати, — об огромном значении знания науки истории. Известен забавный пример из воспоминаний советского художника Кацмана, который, рисуя в 1935 году портрет Сталина и пользуясь ситуацией, решил завести дружеский разговор с вождём и начал с довольно неудачного вопроса: «Товарищ Сталин, а вы какими языками владеете?»

Сталин сделал паузу, подумал и ответил: «Зато я знаю историю человечества...». После этого некоторое время Кацман рисовал молча. Попутно стоит заметить, что историю Отечества и всего человечества следует изучать каждому молодому человеку, и особенно тем, кто претендует называться — «интеллектуал», «интеллигент», «руководитель» и тем более — «политик», как и великую русскую литературу. По этим двум важнейшим предметам в школе и в вузах не может быть и речи о шаблонных тестовых экзаменах(ЕГ), и здесь речь идет не только о важности и полезности знаний, но и о развитии у нашей молодёжи ума, разума и мудрости, способности самостоятельно мыслить и анализировать, о развитии личности, иначе есть риск профурсеть многое — и Отчизну и саму жизнь. Хотя и понимаю, что чиновникам с таким уровнем интеллекта, как у министра Фурсенко, объяснять подобное бесполезно.

30 июня Сталин принял решение о строительстве ещё 19 подводных лодок. Начальник штаба РККА Тухачевский предложил Сталину свой

грандиозный план реформирования Красной армии — предлагал срочно развернуть 260 красноармейских дивизий, так как прогнозировал интервенцию со стороны Польши. Тухачевский также предлагал все ресурсы экономики ССР бросить на подготовку к войне — произвести от 50 тысяч до 100 тысяч танков, а к этому времени был сконструирован крайне примитивный танк МС-1 мощностью 35 лошадиных сил. Остальное оружие за оставшуюся валюту и золото Тухачевский предлагал купить у Германии. Этот гротеск Тухачевского был очень похож на хорошо продуманную провокацию.

Сталин стал раздумывать о приоритетах в данный период, прекрасно понимая, что осуществление этого плана оставит совсем без денег страну и приведет к очередному более глубокому кризису с трагическими последствиями, и ответил, что реализация этой программы привела бы к ликвидации социалистического строительства: «"План" Тухачевского является результатом модного увлечения "левой" фразой... "Осуществить" такой "план" — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию». В отличие от Сталина в подобной ситуации руководство СССР в 70-х годах, имея достаточно ядерного оружия и его носителей, амбициозно ввязалось не только в гонку вооружений, но в сомнительную по смыслу очень затратную войну с Афганистаном, и какой экономической и затем политической трагедией это закончилось — известно. Збышек Бжезинский в США до сих пор хвастается и бахвалится коварной мудростью западных политиков. Вернемся к Сталину, который пытался найти некоторые плюсы из создавшихся минусов и продолжал «перекрывать кислород» оппозиции.

6 июля 1927 г. в СССР был принят новый закон против оппозиции — закон о введении смертной казни за антисоветскую пропаганду и агитацию в условиях надвигающейся войны.

11 июля 1927 года Троцкий написал обширное письмо Орджоникидзе, в котором он почему-то, посчитав прямолинейного эмоционального Орджоникидзе за своего, который, часто не выбирая выражений и не глядя на лица, критиковал многих, в том числе и Сталина, и стал ему объяснять пораженческую тактику и стратегию оппозиции в грядущей войне. В данном случае Троцкий ничего не выдумал, а как истинный ленинец, взял пример с Ленина, который всё, что мог, сделал для поражения России в Первой мировой войне. Но Троцкий Ленина почему-то не вспомнил, а опять вспомнил Жоржа Клемансо, Троцкий:

«Несмотря на войну и военную цензуру, несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа, он (Клемансо)... вел борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности». А «дряблыми и нерешительными» он называл тех, кто отказался от главной стратегической линии его и Ленина — от мировой революции и мировой гегемонии.

Орджоникидзе оказался не столь мудро-замысловатым политиком, а главное — вовсе не сторонником Бронштейна — и прямолинейно «заложил» великого стратега со всеми его грязными потрохами в голове, показал письмо товарищам... В руки Сталина попал козырный туз... — и такой тяжелый, что им можно было убить противника, но Сталин не стал этого делать, он готовился к войне. 28 июля Сталин в «Правде» писал: «Едва ли можно сомневаться, что основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны... Речь идет о реально действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР — в особенности».

А 29 июля разгорелась горячая дискуссия о внешней политике на пленуме ЦК ЦКК ВКП(б). Троцкий убеждал, что войну можно выиграть только если вымести «мусор» из партии. Троцкого «понесло», и он решил запустить крылатую фразу: «Мусор победы не дает». Хамство получилось запредельным, промашка на эмоциях серьёзная, и Сталин не преминул ею воспользоваться, метко заметил: «Что это за мусор? Это, оказывается, большинство партии, большинство ЦК, большинство правительства... Чтобы "вымести" такое большинство, надо начать гражданскую войну в партии. И вот Троцкий думает открыть в партии гражданскую войну в момент, когда враг будет стоять в 80 километрах от Кремля».

Бронштейна на коктейле из эмоций, амбиций и «избранности» понесло далеко от адекватной оценки ситуации, он сам себя топил в собственном же болоте. Теперь Сталин с этим кровавым ублюдком мог сделать что угодно при полнейшей поддержке подавляющего большинства членов партии — хоть расстрелять за подрывную деятельность. Но осторожный Сталин, вероятно, опасаясь, чтобы к англичанам не присоединились могучие лидеры мирового еврейства, ничего радикального не сделал, а только высмеял: «Смешно, когда маленькая группа, где лидеров больше, чем армии (громкий смех в зале прерывает речь)... если эта группка угрожает миллионной партии: "Я тебя вымету" (очередной взрыв смеха в зале)...».

Возможно, Бронштейн желал бы, чтобы его засадили в тюрьму или даже расстреляли — остался бы героем-мучеником, а вместо этого его дружно позорно высмеяли, с ним уже не считались, его всерьёз не воспринимали, ему было жалко себя — маленького, беспомощного, несчастного, жалкого...

Понятно, что Сталин уже мог издеваться над Бронштейном-Троцким как угодно. Когда-то Бронштейн с Лениным ставили перед собой задачу нарисовать общественности такой же образ российского императора, чтобы над ним смеялись, его не уважали и, соответственно, его не защищали, а теперь сам Троцкий загнал себя в такую ситуацию,

в такой позорный образ. Оппозиция поняла очередную грубую ошибку их «вождя», и как нашкодившие дети, чтобы у них не отобрали остатки сладкой власти, — в последний день пленума 8 августа 1927 года дружно (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Раковский, Муралов и другие) временно или притворно капитулировала: направили коллективное покаянное письмо в ЦК, каялись и предлагали мирное сотрудничество. По отношению к ним — «тиран» и «деспот» Сталин их простил, в том числе и кровавого тирана и деспота Бронштейна-Троцкого.

По поводу «пророческой» статьи Апфельбаума-Зиновьева с говорящим названием «Контуры будущей войны» Сталин после этого на пленуме ЦК (29 июля — 9 августа 1927 года) мрачно и даже обреченно сказал: «Что значит говорить теперь о "возможности» войны"?.. — теперь, когда война уже неизбежна?» Но «странным» образом — после того, как покаялась оппозиция, то и приутихло воинственное руководство Англии...

Августовское затишье оказалось временным, ибо уже 3 сентября 13 членов ЦК и ЦКК во главе с Троцким предложили в ЦК проект оппозиции — «Проект платформы большевиков-ленинцев». Опять активизировался Запад, на этот раз осенью 1927 года неожиданно во Франции разгорелась антисоветская кампания за разрыв отношений с СССР, которую организовали и финансировали английские олигархи: нефтяник Генри Детердинг и Лесли Уркварт, потерявший на Урале свои предприятия. В это время появился некий «план Гофмана», по которому объединенная Европа (тогдашний "Евросоюз") должна была начать войну против СССР.

Антисоветская кампания во Франции ни к чему не привела, и никто никакие агрессивные планы по отношению к СССР не реализовывал. А Сталин в сентябре вывел Бронштейна из Коминтерна, и ОГПУ нанесло по оппозиции ощутимый удар — в сентябре 1927 года газета «Правда» сообщила об исключении из партии 12 человек «по делу нелегальной антипартийной типографии троцкистской оппозиции». К тому же в сентября в СССР был обнаружен заговор военных спецов, который назвали «белогвардейским заговором». Это название было неверным, политесным, — ибо, хотя там и было несколько царских офицеров, но «двигателями» заговора были коммунисты-троцкисты: Грюнштейн, Мрачковский, Гердовский и пр.

Уладив отношения с Англией, Сталин начал более радикально наводить порядок внутри СССР - в компартии. 13 октября 1927 года «за организацию нелегальной типографии» исключили из партии Преображенского, Серебрякова, Фишелева и Шарова. Пострадало и их начальство — в октябре 1927 года Бронштейна-Троцкого и Апфельбаума-Зиновьева вывели из состава членов ЦК ВКП (б).

У Бронштейна ещё осталось несколько внепартийных должностей: председателя Главного концессионного комитета, начальника электротехнического управления и председателя научно-технического отдела ВСНХ. Взбешенный Бронштейн в ответ решил нанести мощный контрудар — решил воспользоваться массовым празднованием юбилея революции и поднять против Сталина «массы». «Самой широкой и многочисленной была оппозиционная волна накануне юбилея революции в октябре-ноябре 1927 года», — вспоминал в мемуарах Бронштейн, — «Тысячи, десятки тысяч рабочих прошли в Москве, в Ленинграде, отчасти в провинции через тайные и полутайные собрания, где выступали ораторы оппозиции...

Осенью 1927 года вооружённые силы ГПУ были применены, хотя пока ещё и без кровопролития, для ареста, роспуска революционных собраний...».

Как видим, по признанию самого Бронштейна — он вёл подрывную антигосударственную деятельность, тайную подпольную борьбу с целью свержения Сталина и захвата власти. Бронштейну приходилось начинать борьбу за власть — как перед октябрём 1917 г. И в эту борьбу были вовлечены сотни и тысячи его сторонников, — это важно помнить, когда начнутся процессы над «троцкистами». Сегодня, когда клянут Сталина и осуждают его репрессии против «троцкистов», почему-то забывают Бронштейна-Троцкого — его слова, его дела и его соратников, и как Сталин с ними нянчился более 10 лет до середины 30-х...

С целью поднять во время праздника «народное» восстание, Троцкий послал в разные города СССР своих соратников поднимать народ. Например, его старый друг и зажигатель румынской революции (заговора в Румынии) Христиан Раковский, как бывший председатель Совнаркома Украины, 5 ноября 1927 г. поехал агитировать против Сталина на Украину, где он публично (!) беспрепятственно выступал против «тирана» Сталина в Харькове, Днепропетровске, Запорожье и агитировал народ на активные антиправительственные действия. Сталин очередной раз имел полное юридическое право обвинить оппозицию в антигосударственных действиях, в попытке государственного переворота — и строго осудить вплоть до расстрела, но он этого не сделал, вот вам — деспот и тиран Сталин...

Основываясь на изложенных выше многочисленных фактах, подчеркну важную мысль — сталинская оппозиция, троцкисты и современные троцкисты — либерал-демократы типа Н. Сванидзе, В. Познера, Л. Радзиховского, а также другие представители еврейского народа, который в том числе и Сталин спас во время Второй мировой войны, и для которого затем Сталин сыграл решающую роль в создании для евреев государства Израиль в Палестине — не имеют никакого основания

и соответственно права называть Сталина «тираном» или «деспотом». Тираном и деспотом Сталина могут называть представители тех народов, которые пострадали во время коллективизации и от репрессий в середине 30-х. А от навязчивой наглой «швондеровской» привычки говорить за другие народы современным троцкистам следовало бы избавиться. Кстати, не мешало бы и прекратить практику представления других народов в Думе, Совете Федераций и в Общественной палате, все народы России в силах и вправе сами себя представить.

Попытка троцкистов поднять осенью 1927 года против Сталина русские «массы», путч во многих местах провалилась и без противодействия Сталина. Как пишет современный критик Сталина, автор книги «Раковский против Сталина» В. Е. Мельниченко — даже на Украине оппозиция потерпела неожиданно полный крах, несмотря на то, что там работало на высоких должностях много сторонников Бронштейна, например, таких как знаменитый грабитель Львова и знатный кровавый палач, удиравший вместе с Тухачевским от поляков — Иона Эммануилович Якир.

Украинский народ оказался политически грамотным и назвал оппозиционеров — «раскольниками». И того же Раковского под крики и улюлюканье изгнали с трибуны. Оказалось, что народ поддерживал Сталина, а не оппозиционеров. На этом фоне Сталин мог легко расправиться с оппозицией самым жестоким образом, но он этого не сделал. А старания троцкистов в некоторых местах все-таки не были совсем бесполезными — в некоторых городах СССР, особенно в сибирских, 7 ноября прошли антиправительственные демонстрации сторонников Бронштейна.

Но главные решающие события должны были произойти в столице, где Бронштейн-Троцкий, используя свой успешный опыт 1917 года, готовился нанести решающий удар, а Сталин готовился к защите. Вместо Дзержинского надёжной опорой ему стал другой поляк, возглавивший ОГПУ, Вячеслав Менжинский(1874-1934 гг.). Понаблюдаем за этими «праздничными» событиями в изложении итальянского писателя, коммуниста Курцио Малапарте в его нашумевшей парижской статье «Техника государственного переворота»:

«Менжинский хотел бы, не теряя времени, арестовать Троцкого и самых опасных его сподвижников: но Сталин против. Накануне празднования десятой годовщины революции арест Троцкого произвел бы неприятное и нежелательное впечатление как на массы советских трудящихся, так и на делегации рабочих со всех стран Европы, которые уже съезжаются в Москву для участия в торжествах...

Сталин сумел извлечь урок из октябрьских событий 1917 года. С помощью Менжинского, нового руководителя ГПУ, Сталин лично

занимается организацией «специального отряда» для защиты государства. Техническое командование этим специальным отрядом, который размещается на последнем этаже ГПУ на Лубянке, вверено Менжинскому: он лично контролирует отбор надежных людей из работников технических служб, электротехников, телеграфистов, инженеров, железнодорожников и т.д. Каждый вооружен только ручной гранатой и револьвером, чтобы быть свободным в движениях. Специальный отряд состоит из ста «команд» по десять человек в каждой, которым приданы двадцать боевиков. Каждая команда располагает взводом пулеметчиков и двумя мотоциклами для связи с другими командами и с Лубянкой. Менжинский, принявший все меры, чтобы сохранить в тайне сам факт существования «специального отряда», делит Москву на десять секторов...

Евреи в организацию не допускаются... Менжинский обратил внимание на то, что самые видные сторонники Троцкого, Зиновьева и Каменева почти сплошь евреи. В Красной армии, в профсоюзах, на заводах и в министерствах евреи стоят за Троцкого: в московском Совете, где большинство поддерживает Каменева, в ленинградском Совете, который полностью контролирует Зиновьев, нерв оппозиции Сталину составляют евреи».

Менжинский соответственно выстроил свою тактику противодействия, К. Малапарте:

«Обучаясь искусству защиты советского государства от повстанческой тактики Троцкого, члены специального отряда проходят настоящую школу антисемитизма. В России и Европе много спорили об истоках антисемитизма Сталина. Одни оправдывают его, как шаг навстречу предрассудкам крестьянских масс, продиктованный политической конъюнктурой. Другие считают его лишь нюансом борьбы Сталина с евреями Троцким, Зиновьевы и Каменевым. Те, кто обвиняет Сталина в нарушении ленинского закона, объявлявшего контрреволюционным преступлением и строго каравшего всякую форму антисемитизма, очевидно, не принимают в расчет, что антисемитизм Сталина следует рассматривать лишь в свете его усилий по защите государства, как один из многочисленных элементов его тактики в борьбе с планами Троцкого...

Причины борьбы с евреями, начатой Сталиным в 1927 году, следует искать, конечно, не в религиозном фанатизме и не в традиционных предрассудках, а в потребности сокрушить самых опасных сторонников Троцкого... Так борьба против Троцкого принимает характер настоящего государственного антисемитизма. Евреев систематически изгоняют из армии, из профсоюзов, из рядов государственной и партии бюрократии, из правлений промышленных и торговых трестов. Чистка

проводится даже в народных комиссариатах иностранных дел и внешней торговли, где евреи считались незаменимыми».

В конце этого утверждения Курцио Малапарте сильно «переборщил», ибо именно по этому — кадровому вопросу и есть к Сталину много вопросов в этот период, а частичная кадровая чистка евреев, о которой утверждал Малапарте, началась только во второй половине 30-х годов.

Принятые Вячеславом Менжинским защитные меры оказались эффективными, Курцио Малапарте:

«Его (Троцкого) громадный авторитет не выдерживает этого неожиданного натиска оживших инстинктов и предрассудков русского народа. Его самые безотказные и самые верные сторонники, рабочие, пошедшие за ним в октябре 1917 года, солдаты, которых он привел к победе над казаками Колчака и Врангеля, теперь отходят от него. Отныне в глазах рабочих масс Троцкий всего-навсего еврей. Зиновьев и Каменев начинают бояться неукротимой отваги Троцкого, его упорства, его высокомерия... Каменев слабохарактернее, нерешительнее, или, быть может, трусливее Зиновьева: он ведет себя по отношению к Троцкому так же, как вел себя по отношению к Ленину накануне октябрьского восстания... А вот Зиновьев не покидает Троцкого: он предаст его только в последний момент, после провала восстания против Сталина. "Зиновьев не трус, — скажет о нем Троцкий, — он удирает только при виде опасности". Чтобы удалить его от себя в опасный момент, Троцкий поручает ему организовать в Ленинграде «команды» рабочих, которые должны завладеть городом после известия о победе восстания в Москве. Но Зиновьев уже не кумир пролетарских масс Ленинграда».

Итак, наступил день «X» — 7 ноября 1927 года, 10 летняя годовщина Октябрьской революции, Москва — «В то время как народный комиссар обороны Ворошилов принимает парад советских войск, создатель Красной армии Троцкий во главе своей тысячи предпринимает государственный переворот, — рассказывает Курцио Малапарте. — Однако Менжинский успел принять все необходимые меры. Суть его оборонительной тактики в том, чтобы не защищать находящихся под угрозой государственные объекты снаружи, привлекая воинские части, а отстаивать их изнутри, силами горстки людей. Невидимому натиску Троцкого он противопоставляет невидимую оборону...

Пока полицейские подразделения ГПУ обеспечивают безопасность политических и административных органов государства, Менжинский сосредотачивает силы своего спецотряда на защите технических центров. Этого Троцкий не предвидел. Он слишком презирал Менжинского и был слишком высокого мнения о себе, чтобы считать руководителя ГПУ достойным противником... Когда ему сообщают, что попытка захвата телефонных станций, телеграфа и вокзалов провалилась, и что события принимают непредвиденный, необъяснимый оборот, он сразу отдаёт себе отчет в том, что его повстанческая акция натолкнулась на систему обороны, не имеющую ничего общего с обычными полицейскими мерами, но всё ещё не отдаёт себе отчета в реальном положении вещей. Наконец, узнав о неудавшейся попытке захвата московской электростанции, он круто меняет план действий, теперь он будет метить в политическую и административную структуру государства... его призыв к пролетарским массам Москвы был подхвачен лишь несколькими тысячами студентов и рабочих... При первом же столкновении колонна его сторонников отступает и рассеивается...

Ему приписывали даже дерзкий план: похитить мумию Ленина, лежащую в стеклянном гробу в скорбном мавзолее у подножия Кремлевской стены, и призвать народ сплотиться вокруг этого фетиша революции, превратить мумию красного диктатора в своеобразный таран, чтобы сокрушить им сталинскую тиранию».

При попытке повернуть демонстрантов против власти в Москве были арестованы троцкисты: Муралов, Смирнов, Мрачковский, Каменев, Пятаков и другие; и как отметил Бронштейн — кровопролития со стороны властей не произошло. Хотя Сталина в этот праздничный день даже ударили кулаком по голове. Явно умышленно троцкист — начальник Военной Академии имени Фрунзе Р. Эйдман послал для усиления охраны Сталина трёх «надёжных» курсантов: Яшу Охотникова, Аркадия Геллера и Владимира Петренко, из которых Яша Охотников оказался экзальтированным троцкистом и отчаянным еврейским «героем». И в то время когда небольшие группы молодых троцкистов на зданиях и в руках на улицах Москвы развернули лозунги: «Долой Сталина!», «Да здравствует товарищ Троцкий!», «Мы за ленинский, а не за сталинский ЦК!», «Назад — к Ленину», «Да здравствуют вожди мировой революции — Троцкий и Зиновьев!», то стоявший 7 ноября в охране Сталина Яша Охотников вдруг сильно ударил Сталина кулаком по голове, после чего остальной охраной был схвачен. Возможно этот молодой накачанный экзальтированный еврейский «герой»-троцкист думал таким образом убить Сталина, например, ударом в висок. Серьёзного ущерба здоровью Сталина этот «Самсон» не нанес. Кстати, в это время в Ленинграде троцкистская молодежь несла лозунг — «При штурме Смольного пленных не брать!».

Общая картина бунта троцкистов выглядела неорганизованно, разрозненно, неуверенно и даже смешно — «А последнее политическое выступление в России выглядело вообще анекдотически, — отметил в своей книге В. Шамбаров. — Его приурочили к празднованию десятилетия революции.

7 ноября 1927 года троцкист И. Павлов пишет, что в этот день "оппозиционные лозунги вывешивались на стенах домов, где жили оппозиционеры. На углу Воздвиженки и Моховой красовались портреты Троцкого, Каменева и Зиновьева. С крыши сталинисты пытались сорвать их баграми... Вооружившись половой щеткой с длинным черенком, Троцкий энергично отбивал атаки"».

Да, зрелище было забавное... Это так задорно Лейба Бронштейн праздновал свой день рождения — 7 ноября. Историк К. Романенко в своей книге отметил: «Троцкистов, собравшихся выступить с балкона бывшей гостиницы «Париж», находившейся недалеко от Кремля, толпа встретила криками: «Долой жидов-оппозиционеров! ...Во время демонстрации в Ленинграде приехавших воодушевлять своих сторонников Зиновьева и Радека толпа заперла в одном из зданий; а на Марсовом поле людей, выступивших под лозунгами оппозиции, молодые рабочие забросали камнями».

В общем, эта последняя отчаянная акция безвластной оппозиции полностью провалилась, и К. Малапарте сделал правильный вывод: «Сталин — единственный государственный деятель Европы, который сумел извлечь урок из октябрьских событий 1917 года. Если коммунисты всех европейских стран должны учиться у Троцкого искусству захвата власти, то либеральные и демократические правительства должны учиться у Сталина искусству защищать государство от повстанческой тактики коммунистов, то есть от тактики Троцкого».

Понятно, что такую «праздничную» выходку оппозиции Сталин не мог оставить без ответа, но он со своей потрясающей выдержкой и хладнокровием не спешил с репрессивными методами, задумал наказать основных оппозиционеров на всесоюзном уровне — на намеченном в декабре 15-м съезде компартии. Но и до съезда неприятностей у Бронштейна хватало — через 10 дней после неудачного путча Бронштейн потерял ещё одного своего единомышленника и друга — не выдержав поражения и обидевшись, что Сталин не дал денег на лечение за границей, 17 ноября покончил жизнь протестным самоубийством Адольф Абрамович Иоффе, — тот самый, который был активным участником позорного Брестского мира, подарившего Германии много русского золота и много русских земель. В своей предсмертной записке Иоффе призвал Бронштейна к упорной борьбе против Сталина и укорил его, — что он часто Сталину уступает.

Но что мог сделать некогда торжествующий победитель и теперь несчастный лузер Лейба Бронштейн? Он уже почти всё перепробовал... — и всё провалилось, более того — он обреченно ждал в ближайшее время очередной оплеухи от Жизни, вернее — от Сталина за ноябрьский дебош.

С 2 по 19 декабря 1927 года проходил 15 съезд партии, на котором исключили из партии 75 активных членов оппозиции, включая Бронштейна-Троцкого и ректора Института Ленина Апфельбаума-Зиновьева, а Каменева, Раковского, Смилгу и Евдокимова вывели из ЦК.

На вопрос — почему оппозиционеров не арестовали и не судили? Сталин ответил: «Мы не сделали этого только потому, что пожалели их, проявили великодушие и хотели дать им возможность одуматься». Странно, горько и даже обидно — почему к многочисленным расстрелянным мирным русским (поэт Ганин, князь Долгоруков и др.) не было у Сталина такого великодушия? И почему — заговорщиков-троцкистов он не расстрелял? По поводу оппозиции Сталин заявил:

«Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном смысле и в организационном отношении. Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром». Это болыневикская солидарность или популизм перед делегатами? По-моему, и то и другое; после этих слов Сталина троцкистская оппозиция сражалась с ним ещё более 10 лет, а Троцкого всё равно пришлось убить...

После провальной попытки поднять восстание 7 ноября 1927 года оппозиция кардинально изменила стратегию своей борьбы со Сталиным, заместитель наркома по иностранным делам, троцкист и агент германской разведки Н. Крестинский, вероятнее всего, после совещания с масонскими иерархами 27 ноября 1927 года написал Троцкому секретное письмо, в котором давал такой дельный совет, который и был реализован оппозиционерами: «Со стороны троцкистской оппозиции нелепо пытаться продолжать открытую агитацию против советского правительства. Вместо этого троцкисты должны постараться вернуться в партию, занять ответственные посты в советском правительстве и продолжать борьбу за власть в самом правительственном аппарате».

Огромное количество этих затаившихся троцкистских «кротов» в 1930 году уничтожили много тысяч отличных русских офицеров в операции «Весна», а в 1936 году начали широкомасштабный кровавый террор против многих выдающихся людей в России.

Как мы наблюдали, — к концу 1927 года оппозиция Сталиным была почти разгромлена. А главное — в этом году Сталину удалось избежать опасной войны с Англией, и удалось уже без Дзержинского сделать серьёзные шаги в подъёме промышленности. Угроза войны вынудила стряхнуться, многое пересмотреть, побудила его заниматься не только политической борьбой с противниками, но активно заняться проблемами экономики страны, ускорить модернизацию промышленности. Сбежавший из СССР личный секретарь Сталина Б. Бажанов в своих мемуарах написал, что в его бытность Сталин с 1922 по 1927 гг. больше

контролировал телефонные переговоры советских государственных деятелей, а в делах экономики государства полагался на Кагановича и Молотова. Теперь Сталин понял, что ему необходимо самому всем заниматься, во все проблемы подробнейшим образом вникать.

Если в конце 1922 года по поводу создания СССР Сталин говорил: «Нас, коммунистов, часто ругают, утверждая, что мы не способны строить... Пусть этот съезд покажет всем тем, кто ещё не потерял способность понимать, что коммунисты умеют так же хорошо строить новое, как они умеют хорошо разрушать старое», то в конце октября 1927 года, выступая на пленуме, Сталин с удовольствием отметил: «...Нам удалось за два года двинуть вперед дело переоборудования нашей промышленности». И это несмотря на низкую производительность труда и 7-часовой рабочий день в этот период.

Если на апрельском пленуме 1926 г. Бронштейн предлагал план интенсивной индустриализации страны, а Сталин обвинил его за это в «сверхиндустриализаторстве» и «сверхчеловеческих прыжках», то теперь Сталин сам склонялся к этому мнению. «Необходимо догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран», — убеждал Сталин, прекрасно понимая, что без этого страну от нападения западных государств не защитить.

На 15 съезде партии Сталин подчеркнул, что в СССР достигнут довоенный уровень промышленности 100,9%) и сельского хозяйства (108,3%). То есть — 7 лет, с 1921 года, понадобилось для восстановления промышленности и сельского хозяйства. А теперь был определенный тупик, — развитие за счет старой материальной базы было исчерпано. Коллектив авторов учебника истории России под редакцией Зуевой верно отмечает: «Итак, как это не покажется парадоксальным, "нормальное" экономическое развитие в конце 20-х годов для СССР было бы авантюрой, "авантюрный" же индустриальный прорыв выступал как наиболее реалистичный (необходимый) вариант социально-экономического развития».

На 15-м съезде — «съезде победителей» Сталин с нескрываемым удовольствием говорил о начале создания новой промышленности — о начале строительства Сталинградского тракторного завода, Уралмашстроя, Днепростроя, Магнитки, Кузнецстроя, Горьковского автомобильного и т.д. Многие делегаты смотрели на эту масштабность и не совсем верили — получиться ли... Съезд утвердил основы выработки первого пятилетнего плана развития СССР.

К концу 1927 года в СССР энтузиастом танкостроения царским офицером с оригинальной фамилией - В.К.Триандофилов был сконструирован и построен танк «Т-18». В связи с развитием промышленности, по воспоминаниям С. М. Буденного, Сталин задал вопрос: «Готова ли

армия принять ожидавшееся поступление в большом количестве новой военной техники? ...Подумайте вот над чем. С техникой меняется тактика и оперативное искусство. Надо заново переучивать всю армию». Кончилось время сабель и кавалерии, началась эпоха боевых машин, началось время войны машин, которое требовало талантливых конструкторов, качественного металла и топлива для двигателей, и специалистов по ведению новой войны. На 15 съезде 3 декабря 1927 года Сталин отметил один их этих факторов: «Кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне».

Нефть и метал в СССР были, не было пока талантливых конструкторов, и не было денег для закупки за границей двигателей и различных технологий, а специалистами по ведению новой войны машин считали себя все советские военачальники... А выжившие и убежавшие или высланные из России талантливые русские конструкторы в это время работали на Западе, особенно в США — создавали новые самолеты, вертолеты, военную оптику, создавали телевизоры и телевидение. Острую нехватку специалистов даже отметил в своём дневнике знаменитый учёный В. И. Вернадский:

«18.08.1928. талантливых людей очень мало, а главное — нет знающих. Это очень тягостно отзывается — и очень дорого на деле. Много среди них евреев. Антисемитизм растёт; сейчас по всему югу резкий сдвиг — замена инженеров, где возможно и невозможно... Такой сдвиг сразу создал Шахтинское дело».

Да, среди старых специалистов были умышленные вредители и саботажники, но, несмотря на острую нехватку специалистов, с «добрых» революционных времен сохранились и жестокие болыпевикские манеры к представителям старых классов. Академик Д. С. Лихачёв и А. Солженицын обратили особое внимание, что в современной России «почему-то» привыкли говорить и показывать о репрессиях в период «красного террора» 1918-1922 гт. и «чистки» в середине 30-х, а на самом деле, — кровавые репрессии не прекращались с 1917 года ни на один год вплоть до начала войны с Германией в 1941 году. По-прежнему коммунисты, Советская власть, теперь уже во главе со Сталиным, методично продолжали уничтожать священников и «старую интеллигенцию». «Помню, что однажды, на квартире у своего учителя я встретил настоятеля Преображенского собора отца Сергия Тихомирова и его дочь, — вспоминал Д. С. Лихачёв. — Отец Сергий был чрезвычайно худ, с жидкой седой бородкой. Не был он ни речист, ни голосист, верно служил тихо и скромно. Когда его "вызвали" и спросили об отношении к советской власти, он ответил односложно: "от Антихриста". Ясно, что его арестовали и очень быстро расстреляли. Было это, если не ошибаюсь, осенью 1927 г., после Крестовоздвижения... Ясно, что она (дочь отца Сергия) пошла вслед за отцом».

В «тихом», «мирном» 1927 году было осуждено в СССР за контрреволюционную деятельность 29 036 человек, из них расстреляно 2 363 человек, причем ни одного троцкиста. На ком ответственность за это? — На главе государства.

В конце 1927 года Сталин размашисто отпраздновал 10-летие ОГПУ. Бухарин на этих празднованиях отметил: «ГПУ свершило величайшее чудо всех времен. Оно сумело изменить саму природу русского человека». Это то «бытие», «активные внешние условия», которые изменяют не только сознание человека, но и нации?.. Сомневаюсь, что Бухарин был пропитан теориями Ламарка, как Сталин.

Итак, в отсутствие в этот период в достаточном количестве талантливых инженеров, конструкторов, изобретателей проблему промышленного рывка, переоборудования промышленности современными станками и технологиями могли решить только деньги, за которые это всё можно было купить за рубежом. Но стоял старый актуальный вопрос: откуда взять деньги для создания промышленности или как их заработать? Поскольку денег никто в кредит СССР не давал, кроме Германии, то остался вопрос — за счет чего или кого их заработать? Причем нефть тогда — 150 долларов за баррель не продавали... Решение этой сложной задачи Сталиным, с немалыми его ошибками, мы рассмотрим в следующей книге, а в следующей главе будем наблюдать окончание истории Бронштейна в СССР.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1928 год. Окончание истории Бронштейна в СССР. Итоги и выводы

Пошел 1928 год. За подрывную деятельность Сталин Бронштейна не арестовал, не заточил в тюрьму, не расстрелял, а поступил очень мягко — 17 января 1928 года Троцкого отправили в ссылку в тёплую Алма-Ату. Когда принимали решение о высылке Троцкого из СССР — впечатлительный Николай Бухарин заплакал. Бронштейн покидал свою квартиру в Москве недостойно — упирался, ругался, из квартиры его выносили на руках.

Это наказание Троцкого выглядело довольно интересно — в Алма-Ате он жил в комфортабельной гостинице за государственный счет. В ссылку Бронштейну разрешили взять с собой всё, кроме оружия — и он увёз с собой несколько вагонов личных вещей, включая два вагона документов из своего архива. Если бы организовал забастовку рабочих или демонстрацию кто-нибудь из русских патриотов — можно легко представить, что бы с ним сделал Сталин... И нет сомнений — если бы Сталин и Бронштейн поменялись местами, то Сталин был бы уже давно расстрелян как враг власти и революции.

А в современной России по этому поводу «профессионалы-историки» употребляют привычные критические клише к Сталину, например, вот что по этому поводу написано в учебном пособии для вузов «Новейшая история России» (2004 г.) под редакцией М. В. Ходякова: «Судьба членов антисталинских оппозиций действительно сложилась трагично. Троцкий уже в январе 1928 г. был выслан в Алма-Ату...». И тысячи преподавателей будут об этой «трагедии» твердить миллионам студентов, «забывая» упомянуть многие тысячи людей действительно трагично загубленных Бронштейном-Троцким.

Судьба других врагов Сталина в этот период решалась по-другому, например, 25 апреля 1928 года в Брюсселе умер белый генерал

П. Н. Врангель, — заражённый туберкулёзом агентом ГПУ Яшей Юдахиным, который проник в окружение генерала... Несколько месяцев спустя — 11 января 1929 г. был застрелен из пистолета Борисом Коленбергом знаменитый белый генерал Слащёв.

А вот, например, как описывал ссылку в Саратов (не в Туруханский край...) троцкиста Раковского автор книги о них В. Е. Мельниченко: «В Саратов переехала и жена Христиана Георгиевича. Жили в гостинице «Астория» (как известно гостиницы с таким названием во всех городах являются далеко не самыми худшими. — Р.К.). Как и в Астрахани, Раковский устроился работать в губернской (затем окружной) плановой комиссии... Главной для Христиана Раковского по-прежнему оставалась антисталинская борьба».

Эй, — где этот жестокий тиранизм Сталина по отношению к партийной оппозиции??! Если он своих заклятых врагов селит в лучших гостиницах и обеспечивает хорошей работой. А ведь все они, начиная с Троцкого, в 1918-1923 гг. не то что за оппозиционную борьбу, за наличие «неправильных» книг, за ношение гимназисткой фуражки или лампасов расстреляли тысячи русских без суда.

В ссылке троцкисты продолжали заниматься подпольной деятельностью, подготовкой к свержению Сталина. Троцкий в ссылке развил бурную подпольную деятельность, — за 7 месяцев Троцкий отправил 550 телеграмм и более 800 писем своим единомышленникам, и примерно столько же получил. К конспиративной работе он подключил и свою родню, например, о своем сыне он в мемуарах писал: «Его работа в Алма-Ате в течение этого года была поистине беспримерной... Выполняя все эти функции, он должен был опираться на нелегальный аппарат».

В этот период вскрылась подрывная работа оппозиции в экономике страны. В мае-июне 1928 года в Москве в присутствии иностранных журналистов и дипломатов прошел публичный судебный процесс над вредителями в шахтах Донбасса — судили 53 инженера. Большую роль в организации «шахтинцев» сыграл бывший акционер и директор Ирининского каменноугольного общества Л. Рабинович. Суд оправдал только четырех человек, пятеро были 9-го июля расстреляны, остальные осуждены на различные сроки. Затем Н.Бухарин бравировал, что когда Сталин предложил никого не расстреливать, то «мы (Бухарин, Томский и Рыков) голоснули против этого предложения» и добились расстрела. Ай да Бухарин...

Угрозы нападения на СССР Англии уже не было, но Тухачевский продолжал настаивать на громадном увеличении армии, убеждал, что необходимо довести количество военных самолетов до 40 тысяч, орудий — до 20 тысяч, танков — до 50 тысяч и т.п. При этом он не учитывал, что в этот период инженерная мысль в развитых странах стремительно

продвигалась вперед, и поэтому происходило быстрое моральное старение вооружения. К тому же, чтобы такое огромное количество военной техники переместить, требовалось вложить много денег и труда в развитие дорог и ж.-д. транспорта, немало затрат требовалось для осуществления идеи Триандофилова строить укрепрайоны по направлениям вероятного нападения на СССР — 1928 г. Ворошилов вспоминал в 1937 году об этом периоде и разговоре с Тухачевским: «Если вы хотите разорить государство и оскандалить себя, вы организуете такое количество танков в армии в мирное время».

И в мае 1928 года Тухачевского сняли с высокой должности начальника штаба РККА, последний доклад Тухачевского в этой должности был 5 мая. Штаб возглавил Б. М. Шапошников, а Тухачевского назначили командующим Ленинградского округа. Тухачевский этим понижением был очень недоволен, и заговорщики опять посмотрели на этого военного «гения» с надеждой. Троцкий 21 октября 1928 года писал: «В СССР может сложиться военный заговор, и армия может положить конец большевистскому режиму».

В своих показаниях в 1937 году Тухачевский рассказывал: «Зимой 1928 по 1929 год, кажется, во время одной из сессий ЦИКа со мной заговорил Енукидзе, знавший меня с 1918 года и, видимо, слышавший о моём недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армии. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством... Я рассказал Енукидзе... о большом числе комсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии».

В заговор входили высокопоставленные военные: командующий московским военным округом эстонец Август Корк и комендант Кремля латыш Рудольф Петерсон, а на Дальнем Востоке часа «Х» ждали Моисей Лашевич, Смилга и их единомышленники, на юге И. Якир со своими и т.д. В принципе, с такими кадрами заговор, захват власти мог произойти успешно. Дело за малым — за решительностью, волей и «массами». В это время усилилась подпольная пропагандистская работа троцкистов. Их печатная продукция печаталась за границей и переправлялась в СССР, о чём свидетельствует антисталинист В. Е. Мельниченко: «Все рассмотренные нами антисталинские документы Раковского, опубликованные за границей, были написаны им за два года — с августа 1928 года по август 1930 года».

После ссылки Бронштейна Сталин решил, что обезглавленные оппозиционеры, его друзья и соратники по революции успокоятся и образумятся, и Сталин сделал простительный, примирительный жест — в мае-июне 1928 года восстановили в партии Зиновьева, Каменева,

Евдокимова, Бакаева и др. — всего 37 человек. Но в этот трогательный примирительный период оппозиционно активизировался Бухарин, он вообразил себя экономистом, и 30 сентября 1928 года «Правда» опубликовала его статью «Заметки экономиста», в которой Бухарин раскритиковал внутреннюю политику Сталина. По этому поводу 8 октября собралось Политбюро.

А Троцкий в очередной раз попытался сформировать за границей негативное мнение о Сталине, нанести удар по его имиджу. «Троцкий в директивном письме от 21.10.1928 года, посланном за границу и опубликованном не только в органе печати Маслова, но и в белогвардейских органах («Руль» и др.), выступил с клеветой и антисоветским заявлением о том, что существующий в СССР строй является "керенщиной наизнанку", призывает организовать стачки, срывать кампанию коллективных договоров... Другие троцкисты прямо говорят о том, что не надо "останавливаться" ни перед чем, ни перед какими писаными и неписаными уставами "в деле подготовки к гражданской войне"» — фиксировал в своём выступлении Сталин.

За эту подрывную деятельность Сталин опять весьма гуманно наказал Троцкого — 1 января 1929 года он был выслан из СССР в Турцию. Не без юмора можно заметить, что и в этом случае сработала ловко созданная после смерти Ленина против Бронштейна Сталиным связка Сталин-Ленин, — из России в Турцию Троцкого вместе с семьёй и его огромным скарбом вывозил пароход с названием «Ильич». Очередную гуманность Сталина к опасному заговорщику трудно было понять, — как минимум, Троцкого следовало бы сослать в созданные им же концентрационные лагеря, но Сталин поступил по принципу «ворон ворону — глаз не выклюет», а потом через десяток лет был вынужден рисковать жизнями многих наших разведчиков, чтобы убить Троцкого... Остался неясным вопрос — как много денег золотом дал Сталин Троцкому на дорогу?..

Николай Бухарин в этом случае уже не плакал, а действовал, — С 20 января 1929 года среди оппозиционеров пошла по рукам подпольная брошюра троцкистов с записью беседы Бухарина с Каменевым, из которой следовало, что ещё полгода назад оба объединились для борьбы против Сталина. Этому «открытию» было посвящено 30 января специальное заседание ЦК ВКП(б), длившееся до 9 февраля. В первый день, решив, что лучшая защита — это нападение, Бухарин со своими сторонниками озвучил декларацию, в которой обвинил Сталина в проведении гибельной политики индустриализации на основе «военно-феодальной эксплуатации крестьянства».

Сталин вместо ответа или дискуссии стал уговаривать Бухарина отказаться от своих резких слов и продолжать с ним мирно работать.

Бухарин, увидев слабину, пригрозил, что уйдет с постов в «Правде» и Коминтерне. Сталин стал его уговаривать этого не делать... Осмелевший Бухарин «разошелся не на шутку» — и издал критическую брошюру, в которой «в пылу атаки» совершил промашку, ошибку — раскрыл некоторых своих, в этой брошюре были такие слова Бухарина: «Ягода и Трилиссер с нами...». Участие в заговоре высокопоставленных офицеров ОГПУ говорило о многом.

Оба «сгоревшие» срочно направили письмо Сталину и председателю ЦИК Орджоникидзе, в котором утверждали: «считаем необходимым эту клевету категорически опровергнуть перед лицом партии». И Сталин как-то необычайно легко этим словам поверил. Через 7 лет оказалось, что это была не клевета Бухарина, а первая утечка информации об этих заговорщиках, и обоих затем пришлось расстрелять.

Только 19 февраля 1929 года было опубликовано сообщение ТАСС: «Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья».

А единомышленника Троцкого — Христофора Раковского (настоящая фамилия этого польского еврея — Хаим Раковер, его лучшим другом был кровавый еврейский палач Иона Якир) выслали из Саратова в Барнаул на полезный алтайский воздух. «В Барнауле Раковский снова устроился консультантом в окружной плановой комиссии, возглавлял работу по составлению второго пятилетнего плана развития н. х. ... — писал Мельниченко. — В Барнауле Раковский, как и прежде, стоял во главе теоретико-политической работы оппозиции... На первых порах ему разрешили поехать в алтайский город Чеман... Проездом он побывал в Бийске, встретился с Белобородовым. Удалось побывать и в Новосибирске, повидаться с Мураловым». Вскоре для русских хлеборобов, не пожелавших вступать в колхоз, сталинские ссылки будут выглядеть разительно по-другому...

Выезд Бронштейна-Троцкого из СССР был мирным, комфортным, компромиссным соглашением между ним, весьма толерантным к нему Сталиным и лидерами Запада. А Троцкому осталось согласовать с представителями Запада вопрос: куда податься из СССР, кто приютит, кто организует комфортную жизнь и даст всё для организации борьбы против Сталина. Задача была не простой, потому что Бронштейн не только не реализовал свои амбициозные цели, — это его личная проблема и неудача, но... — он не решил проблему Запада с выскочкой Сталиным, которую после лета 1926 года ставили перед ним его давние покровители и помощники из США и Англии. А ведь Сталин мог испортить всю идеальную картину, задуманную перед Первой мировой войной, и благодаря этой плановой войне достигнутую.

«И только совсем недавно стало известно о перехваченном шифрованном письме, направленном Троцкому накануне высылки из СССР, — отмечает в своём исследовании историк К. Романенко. — В нем некий Абрам из Нью-Йорка писал: "Правительство названной вами страны гарантирует вам визу и неприкосновенность лишь в случае передачи захваченной вами власти в известные вам руки. Материальная сторона совершенно обеспечена." Партийный псевдоним Абрам принадлежал Мартину Аберну, члену коммунистической лиги Америки, настоящее имя — Марк Абрамович. В Четвертом (троцкистском) Интернационале он, естественно, будет отвечать за финансы».

В этом случае мне вспомнился весьма самокритичный и откровенный, даже — антисемитский «гаррик» современного сиониста Игоря Губермана:

Всегда евреи за свободу
Стояли твердо с ценою вредной
Внедрять отраву, гнусь и шкоду
В невинный дух России бедной.
(«Книга странствий», 2009 г.).

Кстати, такое впечатление, что сионист И. Губерман является законспирированным антисемитом... — по принципу «лучше свои — чем чужие» или «лучше — я сам...».

Нетрудно догадаться, что в Турции Бронштейна-Троцкого встречали не так, как выгнанных из России белогвардейцев и русских ученых. Прибытие Бронштейна в Турцию получилось звездным, — в Константинополе этого кровавого палача встречала толпа западных журналистов и местных евреев как героя... Правительство Турции под давлением США и Англии предоставило ему убежище с шикарными условиями на Принцевых островах (на острове Принкипо). Троцкому были предоставлены все условия для организации своеобразного офиса, штаба с помощниками — «На Принцевых островах была тем временем успешно сформирована новая группа молодых сотрудников из различных стран...» — вспоминал в мемуарах Бронштейн-Троцкий. Личную охрану Троцкого возглавлял гражданин США американский офицер Шелдон Харт...

А на этом этапе наблюдения за историей СССР, России зафиксирую факт — история жизнедеятельности Бронштейна-Троцкого в России закончена, теперь ему осталось пытаться влиять на события в СССР извне.

Стоит отметить, что, с одной стороны, - выпуская врага, Сталин терял контроль над ним, давал полную свободу противодействия. «Безусловно, принимая такое решение, Сталин не мог не учитывать реакцию внешнего мира», — пытается найти объяснение сталинскому решению историк К. Романенко. Я не согласен с этим мнением, ибо с Троцким мог произойти любой «несчастный случай», как с Б. Савинковым, и на Западе «проглотили бы». Сергея Есенина убили при Сталине... — и ничего. При высылке Бронштейна из СССР Сталин даже не лишил Бронштейна-Троцкого советского гражданства, — надеялся, что он одумается, помирятся, и вернется... Только в 1932 году Сталин лишил его советского гражданства...

А с другой стороны, — высылка из СССР пошла на пользу Бронштейну, ибо последние годы в СССР он был скован в своей подрывной деятельности, а вырвавшись из СССР, он мог свободно «оторваться» в борьбе со Сталиным на международном уровне. Теперь Бронштейн мог консолидировать своих сторонников в разных странах в борьбе против Сталина и связать их для достижения общей цели с троцкистами в СССР.

Раковский в этот период отмечал: «...Я вёл переписку и писал документы, которые рассылаю по колониям ссыльных, поддерживал связь с Троцким» (Мельниченко). Так как Троцкий был далеко за пределами СССР, а Раковский в Барнауле, то это, бесспорно, подтверждает наличие хорошо отлаженной, разветвленной, подпольной антисталинской организации, сети. Письма Троцкого успешно пересекали границу и попадали к его сторонникам в различных городах СССР.

Уже в феврале 1929 года в интервью Эмилю Людвигу на вопрос: «Когда вы рассчитываете выступить снова открыто?» — Троцкий ответил: «Когда появится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства явиться стимулирующим средством».

Как видим, — Бронштейн трезво оценил свои возможности и своих соратников в СССР, и надеялся только на помощь Запада. Идеальным было повторить крупномасштабный финт начала 20-го века, — когда в интересах Англии, США, еврейских олигархов и идеологов удалось столкнуть Германию и Россию — и обоих поставить на колени. Теперь осталось присмотреться к лицам в Германии, найти какого-то амбициозного немца или полу-немца, поставить его во главе Германии и натравить на СССР, на Сталина, шел 1929 год...

Вхожий к масонам Христиан Раковский на следствии в середине 30-х объяснял, что «Они» — некие всемогущие на Западе силы после 1927 года (после конфликта с Англией и высылки Бронштейна из столицы), наблюдая беспомощность антисталинской оппозиции в СССР, решили убрать Сталина другим путем, Раковский: «"Они" в конце концов увидели, что Сталин не может быть свергнут путем государст-

венного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем!»

А что сделали с царем Николаем Вторым? — Втянули этого бездарного правителя в Первую мировую войну, столкнули с Германией, ослабили обе страны и в обеих этим путем создали условия для революции — то есть для захвата власти их представителями. С Российской империей этот «номер», план прошел прекрасно, блестяще, а с Германией не очень, но зато с помощью России её покорили, и без России(!) Германию шикарно грабанули, «обобрали до нитки», до жесточайшего экономического бедствия немцев.

По утверждению Раковского планетарные мудрецы действовали незамысловато, повторяли старые проверенные приемы: «Гитлер вторгнется в СССР, и подобно тому, как это было в 1917 году, когда поражение, которое потерпел в те времена царь, дало нам возможность его низвергнуть, поражение, нанесенное Сталину, послужат нам для его свержения... Опять пробьёт час для мировой революции».

Пока западные коллеги Бронштейна-Троцкого решали — как помочь продвижению Гитлера к власти в Германии, Бронштейн, не ожидая войны с СССР, развернул бурную деятельность. Но первый блин получился комом: Троцкий потерял сразу двух своих близких друзей — своего связного чекиста-террориста Я. Блюмкина и предавшего его К. Радека. «Родители Карла Радека содержали публичный дом в столице царства Польского, в Варшаве. Ранние порочные наклонности развились у будущего революционера до болезненного состояния... — отметил в своей книге Н. Кузьмин. — Он привык быть "верным" спутником только победителей. Теперь его задачей стало убедить Сталина в своей преданности и верности... Вернувшись из ссылки, из Томска, Радек окопался у Бухарина в «Известиях» и стал всеми силами доказывать свою полезность. Когда Блюмкин, приехав из Стамбула, тайком вручил ему пакет от Троцкого (роман «Цусима», в обложке которого было запрятано письмо-инструкция), Радек не стал даже разворачивать пакет и помчался с ним в ЦК». Любимая многими еврейскими террористами двойная игра в «Азефа» у Блюмкина не получилась.

Личность Яши Блюмкина была довольно характерна для того времени. Этот молодой еврейский террорист, революционер, гегемон в свои двадцать с небольшим лет «зажег» революцию в Иране, где их любимого подручного инструмента для захвата власти — неграмотного пролетариата почти и не было. Большое количество этих торжествующих всесильных молодых евреев несло по миру и по истории многих народов, и после захвата России они были полностью уверейы, что теперь ветер истории, удача и сам Бог дуют в их паруса. И то, о чём их предки упорно твердили тысячелетиями, — теперь они, их поколение, реализуют именно сейчас, и эта планета будет полностью под их властью. Это звучит как в каком-то мудрёном фантастическом произведении (книге или фильме), но, к сожалению, это была реальность, и продолжает ею быть. И, возможно, кто-то очень толерантный не был бы против гегемонии этой «самой умной» нации на планете, если бы не «специфическое» отношение гегемонов к другим народам, и реки крови, и миллионы трупов...

Этот свирепый гегемон Яша Блюмкин, как и Яша Свердлов, Моисей Урицкий, Луначарский, был вначале ранимым «беспомощным» еврейским интеллигентом — любил поэзию и поэтов, и даже своему другу знаменитому Маяковскому предлагал «классное» дружеское развлечение — присутствовать на коммунистическом шоу: на расстреле «контриков» — этих глупых русских интеллигентов. Но, утверждают, только с виду грубый и крутой Маяковский отказывался от такого рода предложений «развеяться» своего друга «Блюмочки». Эта дружба с «Блюмочкой» много говорит о неразумном Маяковском. Как уже отмечал выше — Я. Блюмкин сыграл иезуитскую роль убийцы Б. Савинкова, а ещё ранее это он совершил провокационное убийство немецкого посла Мирбаха. Это был специалист по убийствам в «высоком стиле», и не исключено, что это именно он сыграл решающую исполнительскую роль в убийстве Сергея Есенина. Уверен — МОССАД и сегодня с удовольствием взял бы его на работу.

Перед расстрелом Блюмкин подчеркнул принципиальную разницу между Сталиным и Бронштейном, прокричав: «Да здравствует мировая революция! Да здравствует Троцкий!».

«...Расстрел Блюмкина по приговору трибунала в 1929 году вряд ли правомерно заносить в графу "невинных жертв сталинизма"», — комментировал этот случай в своей книге Андрей Дикий, и с ним я полностью согласен. Кстати, я удивился, что Сталин в 1929 году решился расстрелять Я. Блюмкина, в этот период такое было для него нехарактерно...

Итак, завершая рассматривать этот период истории, можно утверждать, что Сталин окончательно победил оппозицию и выслал за пределы СССР её лидера, и теперь никто ему не мешал заняться долгожданной созидательной деятельностью: поднимать экономику страны, создавать новую промышленность, создавать новую страну и создавать новое в истории человечества общество согласно его ещё дореволюционных «научных» убеждений. Эту большую тему с успехами, трудностями и ошибками Сталина я постараюсь раскрыть в следующей книге этой исторической серии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Некоторые итоги, выводы и связь времен

Высылка Бронштейна из СССР в начале 1929 года не была самым важным событием в этой теме. Более важными событиями в этой теме считаю: 1) отказ Политбюро в конце 1923 года продолжать мировую революцию, 2) снятие Бронштейна с руководства Красной армией в начале 1925 года, и 3) после последней попытки троцкистов в октябре 1927 года — решение 15 съезда об исключении Бронштейна и его наиболее агрессивных единомышленников из партии и высылка Бронштейна из столицы в ссылку. Именно после этого — с начала 1928 года Сталин уже не боролся с оппозицией, а полностью занялся созиданием — созданием государства нового типа, с новой промышленностью, с новым сельским хозяйством, с новой армией и с новым обществом — советским, и это понятие уже поглощало всё национальное многообразие СССР, бывшей Российской империи. И в связи с этим можно опять вспомнить Сталина в самом начале его революционного пути, зачем и с какой целью он встал на революционный путь, и уважаемого им Жана Батиста Ламарка...

Предсмертный крик героя еврейского народа Якова Блюмкина: «Да здравствует мировая революция!» завершает спиралевидную конфигурацию и таким образом возвращает нас к началу книги и к началу темы: как и с какой целью совершали революции в различных странах еврейские террористы, почему стремились к мировой гегемонии, к мировому господству через мировую революцию, а в конце книги мы наблюдали печальный итог этих их стараний и роль в этом провале «зловредного» Сталина, который в революции преследовал совсем другие цели.

Знаменитый глава еврейской общины в Харькове Эдуард Ходос в своей книге («Еврейский синдром», 2007 г.) пишет: «В 1929 году Иосиф Сталин высылает из страны Льва Троцкого, и с этого момента судьба Второй Хазарии фактически предрешена. Здесь уместно процитировать одного "из большевистских мудрецов" Карла Радека, прокомментировавшего действия Сталина следующим образом: "Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро"».

Слова Радека были верны только относительно определенного периода, ведь затем Сталин ввел в Политбюро еврея Лазаря Кагановича, второго по влиянию руководителя в СССР. Слова Э.Ходоса о судьбе Второй Хазарии (с 1917 г.) также не убедительны, ибо судьба Второй Хазарии решалась затем и в сложных кровавых 1936-1937 годах и в 1946-1947 гг. — когда Черчилль уговаривал руководство США нанести массированный атомный удар по СССР. Если последнее произошло бы, и СССР был бы разрушен и оккупирован, то нетрудно догадаться, какая бы установилась власть на этой захваченной территории, уверен — опять бы приплыл из Нью-Йорка корабль, и не один, с несколькими сотнями, а то и тысячами жесточайших начальников-комиссаров одной национальности, прекрасно знающих Россию и её народы...

Второй важный вопрос, не касающийся темы данной книги, — почему российский «патриот» Э.Ходос не объясняет суть и более счастливую судьбу Третьей Хазарии, процветающей на территории России с 1993 года...

В книге № 3 этой исторической серии мы наблюдали, как в 40-х годах 19-го века безуспешно пытались сопротивляться еврейской гегемонии французские интеллектуалы, как во второй половине 19-го века отчаянно сопротивлялись этой гегемонии во главе с гениальным композитором Рихардом Вагнером немецкие интеллектуалы-патриоты. И когда немецкие интеллектуалы-патриоты проиграли эту борьбу, а в России в это время — в 1878 году началась первая еврейская террористическая война (1878-1881 гг.) за власть, (которую я подробно рассматривал в этой же книге № 3), то внимательно наблюдавший за этими событиями немецкий писатель Вильгельм Марр в 1879 году писал:

«...В настоящий момент среди европейских государств одна только Россия — последний бастион в Европе, и именно против неё евреи готовят свой окончательный удар. Судя по ходу дела, русская капитуляция — также лишь вопрос времени. В этой громадной империи иудаизм найдёт свою Архимедову точку опоры, с которой он сможет раз и навсегда сбить всю Западную Европу с её устоев».

Несмотря на то, что мрачные пессимистические прогнозы Вильгельма Марра с 1917 года стали сбываться, но они всё-таки не осуществились. Потому что благодаря некой глобальной закономерности, которую Гегель назвал «хитрость истории» (с таким же успехом он мог бы назвать и — «хитрость Бога»), на политической арене «нежданно-негаданно»

появилась мощная личность Сталина, который не дал осуществить эти глобальные сионистские и масонские планы и прервал, остановил «мировую революцию» с опорной точкой в захваченной России, и, соответственно, прервал планы и процесс к мировой гегемонии. И в этом огромная, сильно недооцененная, историческая заслуга Сталина не только в истории России, но и в истории человечества, подчеркну — уже до 1928 года.

Отсюда понятна бесконечная ненависть к Сталину всех евреев, всех масонов, всех западных и прозападных идеологов, политиков, журналистов и т.п., несмотря на то, что он вместе с советским народом многих из них, их соплеменников спас от смерти и истребления в 1941-1945 гг. Поэтому заранее, априори, бесполезны все дискуссии по всем темам сталинизма с антисталинистами, ибо мнение антисталинистов известно, оно фундаментально и нерушимо, и ход и исход всех дискуссий заранее известен. Острота ненависти к Сталину изменится на отдаленную глухую ненависть, как например — к Б.Хмельницкому или Аману, только тогда, когда всё-таки в будущем евреи осуществят большую сионистскую идею-цель, озвученную и поставленную древними еврейскими идеологами в библейском еврейском Ветхом Завете, а малая сионистская идея — создание собственного государства Израиль в 20-м веке, осуществлена.

И понятно, что когда после последней неудачной попытки Бронштейна побороться за власть осенью 1927 года, главенствующая элита мирового еврейского общества, Англии и США сделала примерно такие же выводы по поводу Сталина, как в этой главе, то они поставили закономерный вопрос — как убрать этого выскочку?.. А когда в период грянувшего в начале 1929 года кризиса в ведущих капиталистических странах все динамические экономические показатели оказались минусовыми, а СССР после начала Сталиным модернизации страны стал каждый год наращивать более 30% ВВП, то этот болезненный вопрос для Запада ещё более обострился, стал «кричащим» — что делать со Сталиным и его стремительно набирающим мощь государством? Ответа, выхода было всего два — или всем вместе навалиться или использовать с этой целью всего лишь одну страну и один народ как пушечное мясо. С любимой экономической точки зрения — второй способ решения был намного предпочтительнее. Как его реализовывали перечисленные западные мудрецы, и какие очередные «хитрости истории» их ожидали, я рассмотрю в следующих книгах этой серии.

То, что многие западные и наши прозападные идеологи утверждают, что в 30-х годах и позже Сталин в идеях и делах развивал «мировую революцию» — это целенаправленное враньё; и в следующих книгах я это буду рассматривать подробно. Воспользоваться «попутным ветром», благоприятным случаем, как противовес кому-то, — Сталин мог, но специально у него не было такой фундаментальной цели, как мировая революция.

И понятно, что пропагандируемая много лет огромными тиражами за огромные западные деньги предателем Резуном-«Суворовым» идея, что в рамках идеи «мировой революции» Сталин в 1941 году готовил вооруженное нападение на Европу, и только Гитлер своим спасительным превентивным ударом нарушил планы Сталина и Сталина остановил, — является сплошным заказным и проплаченным враньём, способным замутить умы только самым неграмотным и дебильным людям, совершенно не способным к самостоятельному мышлению.

Бронштейн-Троцкий после 1929 года уже никогда не вернется в СССР, а после развала СССР либерал-демократы постараются придать ему образ несчастного изгнанника, мученика, жертвы незаконных репрессий Сталина. Известный телеведущий и еврейский идеолог В. Соловьёв в 2008 году во время своей телепрограммы «К барьеру!» предложил перевезти прах Троцкого из Мексики в Россию и торжественно перезахоронить, подобно перезахоронению праха генерала Деникина или Ивана Ильина...

Не только реабилитацию этого кровавого палача русского народа, но и героизацию Бронштейна продолжил музей Политической истории в Санкт-Петербурге, расположенный во дворце балерины Кшесинской, превращенный некогда Лениным в штаб по захвату России. Этот музей осенью 2009 года открыл выставку, посвященную дню рождения Бронштейна-Троцкого, о котором великий русский писатель А. И. Куприн писал, что это человек «исключительно неугасимой злобы» и «всегда горит ничем неугасимой жаждой крови». Во время торжественного открытия выставки заместитель генерального директора музея по научной работе Елена Костюшева выразила уверенность, что данная выставка, демонстрирующая позитивный образ Льва Троцкого, будет очередным шагом в развитии «отечественного троцковедения».

Мне жалко было смотреть на пожилого русского экскурсовода, пытавшегося в конце 2009 года с трудом «вдохновенно» рассказывать о Бронштейне-Троцком. Дожили... Момент интересный и тенденция любопытная — особенно если учесть, что этими музейными «учеными» — идеологами-политиками над входом в музей большими буквами написано: «Миссия музея: формирование политической культуры российского общества»...

Надеюсь, — я также внес небольшой вклад в развитие «бронштейноведения», ибо гражданин, не ведающий о кровавых «Бронштейнах» правду — является не только ужасно безкультурным, невежественным, но обрекает себя, свою семью и свою Отчизну на нищету или — даже

на рабство и гибель, поэтому обширное знание «бронштейноведения» — это вопрос не только благополучия, но и выживания в этом непростом Мире.

Стоит несколько слов сказать по поводу беспокойства В. Марра во второй половине 19-го века по поводу «сбить всю Западную Европу с её устоев». Как показала история человечества в 20-м и в начале 21 века, — «сбить всю Западную Европу с её устоев» получилось и без кавалерийской атаки на Западную Европу Бронштейна и Якира во главе обманутых русских красноармейцев... С таким морально-нравственным разложением, потерей фундаментальных человеческих ценностей и потерей национальной аутентичности у Западной Европы нет никаких перспектив, если только уже в виде мусульманской Европы...

И понятно, что сама глобальная идея «мировой революции» — как мировой гегемонии, мирового владычества одного «избранного» народа над всеми остальными на планете не закончила своё существование в конце 1927 года. Эта идея жила и при жизни Сталина, и после его смерти, и особенно эта идея ожила после развала детища Сталина — СССР, бывшего мощным силовым сдерживающим противовесом именно этой агрессивной идеи и её агрессивных сторонников. Отличие только в том, что грубый террористически-революционный метод Маркса заменен другими более «тонкими» методами, хотя в различных цветных «революциях» чувствуется наследственность этого агрессивного еврейского идеолога.

После ловко обдуманного и осуществленного политтехнологического толчка в сентябре 2001 года эта идея стала победно шагать по планете в виде неуклонно расширяющегося НАТО и доминирующей над планетой единственной сверхдержавы США, уже много лет беспардонно грабящей иракский народ, а через необеспеченный блефовый доллар все народы планеты. А их ставленники во главе нашей страны ещё и посылают им в помощь многие миллиарды наших денег... Спасет ли кого-то этот слащавый подхалимаж от презрительного отношения, уже ставшего с 1993 года привычным? — Нет.

Уже стало морально тяжело наблюдать, как вместо реальной модернизации России уже многие годы происходит всего лишь перепроизводство слов о модернизации. В общем, исторических аналогий с первой половиной 20-го века со Сталиным полно. И если так будет и дальше продолжаться в современной России, то, несмотря на все мудреные телетехнологии оглупления и отвлечения «масс», — к западному презрению к бездарному руководству России добавится такое же презрительное отношение и прозревшей части нашего народа.

Интересно, — случиться ли в нашем будущем очередная «божественная хитрость» или нам придется в ближайшие годы только зафиксировать окончательный триумф «мировой революции» — мировой гегемонии, и история свободного человечества на этом закончится, и наша цивилизация захлопнется в одной большой клетке с единым правительством, с одной процветающей с хищным оскалом элитой и с едиными электронными деньгами?... И по праздникам мы вынуждены будем дружно кричать: «Да здравствует Карл Маркс! Ура-а-а! Да здравствует Троцкий! Ура-а-а. Да здравствует Ленин! Ура-а-а! Да здравствует Джо Сорос! Ура-а-а! Да здравствует великий мудрец и советник Путина Генри Киссинджер! Ура-а-а!...» и т.д.

Неужели, как это было уже много раз, — глянет Бог из Космоса, из Вселенной на полный застой на полностью чёрной планете под названием Земля и бесхитростно негодующе почистит планету очередным огненным метеоритным дождем и помоет планету очередным потопом... То, что Бог ость, Великий и Могучий — у меня нет сомнений. Но уверен — Бога идеализируют ошибочно. Как утверждал великий мудрец Трисмегист: что внизу — то и вверху; Бог — этот большой человек со всеми своими «плюсами» и «минусами», и у Него бывают экспериментальные ошибки и несбывшиеся надежды и мечты... Но я уверен — Он заинтересован в продолжении этой истории человечества, этого «сериала» на этой планете, и у Него - надежда умирает последней... Надеюсь, «хитрость» истории, Космоса, Мира, Бога в 2012-2013 годах нас не смертельно тряхнет.

Когда мы очищаем себя, пространство вокруг себя — мы очищаем эту маленькую часть Бога; мы помогаем себе-Ему, Он помогает Себе-нам — это естественно. И в этом ракурсе считаю важным идущий последние годы в России процесс очищения нашей истории, исторической правды от политического мусора и вранья. Ибо в начале — мысли, а потом действия, в начале сражаются свои и чужие интеллектуалы - а затем бегут с винтовками на перевес солдаты и рабочие, решая чужие интересы или защищая своё Отечество. Именно в этом ракурсе зависит от многих наших граждан — будем ли мы строить своё счастье «в отдельно взятой своей стране» или своё счастье за счет нашей страны будут строить другие, причем не только через «сырьевую политику» или с помощью марширующих по нашей земле натовцев, но с помощью хорошо оплачиваемого русского или кавказского ОМОНа и с помощью хорошо оплачиваемых спецслужб, очень похожих на МОССАД, старательно вылавливающих редких патриотических лидеров.

И я полностью поддерживаю нашего знаменитого современника Петра Тодоровского, на конференции либералов по проблемам сталинизма в конце 2008 года предложившего: «Надо посмотреть очень внимательно, что написано в школьных учебниках про историю сталинизма. Сколько там страниц отведено на этот трагический период...». Да, — необходи-

мо очень внимательно проанализировать учебники для школьников и студентов, убрать из них всю Ложь, добавить много скрытой Правды об этом периоде истории и о Сталине в частности. И это необходимо сделать в срочном порядке, ибо большая группа современных полит-технологов — аналогичных Ленину-Бланку, Бронштейну-Троцкому и Яше Свердлову будут цинично манипулировать в своих интересах неграмотной молодёжью, их умами, душами и жизнями.

Надеюсь, — труд был проделан не зря, и эта очередная книга по истории нашего Отечества читателям была интересна и в какой-то мере полезна.

Васнецов В. М. «И один в поле воин»

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Роман Ключник
ЖЕСТОКИЕ РОМАНТИКИ ПРОТИВ КРОВАВЫХ ГЕГЕМОНОВ.

ISBN 978-5-903097-88-3

Подписано в печать 02.02.2010. Формат 60x84/16. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Объем 15,5 п.л. Тираж 10000 (1 завод 1000) экз. Заказ 344

Отпечатано в типографии ООО «СПб СРП "Павел" ВОГ»
196620 Санкт-Петербург — Павловск, ул. Березовая, 16